

К-1504020

Н. АЛЕШИНЦЕВ

ВОЛКОВОЕ ПОЛЕ

Н. Алешинцев

ВОЛОКОВОЕ ПОЛЕ

К1507020

Северодвинск
2018

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

УДК 821.161.1-32(081)
ББК 84(2Рос=Рус)64-44я44
А 49

Алешинцев, Николай Созонтович.

А 49 Волоковое поле : [12+] / Н. Алешинцев. – Северодвинск :
[б. и.], 2018. – 252 с.
ISBN 978-5-91378-146-8

«Волоковое поле» – это книга о нашей жизни и о жизни тех, с кем мы были знакомы, если не воочию, то по рассказам земляков и по произведениям литераторов разных времён. В ней нет излишних небывалых страстей и ужасов, которые стало модно навязывать читателям, нет потому, что в жизни они скорее исключение, чем правило. Зато есть любовь, горести и радости, с которыми наверняка вы встречаетесь на жизненных перекрёстках.

Надо ли говорить, что такие рассказы и книги пишутся под влиянием большого уважения к каждому, кто будет читать эту книгу. И ещё любви. Тихой, нежной и верной.

УДК 821.161.1-32(081)
ББК 84(2Рос=Рус)64-44я44

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Вы держите в руках эту книгу не только потому, что я её написал. Для того чтобы мысли стали материальными, пришлось потрудиться ещё очень многим людям. Это большая организаторская, умственная и физическая работа. И я, конечно, благодарен Екатерине Николаевне Симоновой, главному идеологу, сподвижнику выпуска книги, и всем работникам Северодвинской типографии, взявшимся за реализацию этого проекта. Низкий им поклон и пожелания всего самого лучшего, чем располагает наша земная жизнь.

У тех, кто хочет сдвинуть с места гору и тех, кто хочет передвинуть бильярдный шар, есть одно общее: они должны приложить усилия. Естественно, разные по силе, но в том и другом случае обеспечивается движение, без которого немислима жизнь.

Мои друзья, согласившиеся материально обеспечить выпуск книги, имеют разные возможности, но одинаково заслуживают моей благодарности за то, что придали движение такому важному для меня делу. Трудно переоценить такую помощь, поскольку есть понимание, что груз благотворительности тяжёлый даже для успешных предприятий и предпринимателей, что это не лишние деньги и не те, которые падают в виде манны небесной, а трудовые, заработанные рубли. Естественно, что это накладывает и на автора определённую долю ответственности за качество и содержание предлагаемого к выпуску произведения.

Но вот книга написана. И хорошо, когда ты, начиная разговор о её выпуске, слышишь в ответ слова: «Я тебе помогу». Именно эти слова дают творческим людям надежду, что их творения будут увидены, услышаны, прочитаны теми, о ком они думали бессонными ночами и ради кого, мучаясь, а порой проклиная выбранный путь, искали нужный штрих, нужную ноту и нужное слово. Как тут не благодарить?

Я это сделаю предельно искренне и от всего сердца ещё и потому, что все эти люди не только мои благотворители, но ещё и друзья, с которыми рядом пройдены не всегда лёгкие участки российских дорог.

ВОТ ИХ ИМЕНА:

Бадан Валентин Алексеевич
Боярский Владимир Васильевич
Деревесников Андрей Николаевич
Елисеев Александр Сергеевич
Ерофеев Валентин Николаевич
Ивановский Николай Николаевич
Кадомкин Владимир Викторович
Митин Сергей Клавдиевич
Мохнаткин Игорь Васильевич
Перевалов Василий Михайлович
Тельтевской Александр Дмитриевич
Чучин Виктор Николаевич
Хомутильников Юрий Борисович
Щедрин Евгений Владимирович
Юферицин Сергей Владимирович

Крепкого вам здоровья, успехов в осуществлении любых самых смелых начинаний, надёжных друзей и бесконечной трепетной любви к окружающему вас миру.

*Николай Алешинцев,
член Союза писателей России*

ВОЛОКОВОЕ ПОЛЕ

Сразу за нашим домом начинается большое, трудное к обработке Волоковое поле. Трудное, потому что на склоне, потому что глинистое и каменистое. Но главная трудность заключалась в определении его готовности к обработке. Сырая почва тащится за агрегатами и уплотняется, пересушенная – никаким способом не разделяется до нужного состояния. Если же удалось угадать тот момент, когда почва крошится, гарантирован хороший урожай отборного, полноценного зерна. Многие века кормило это поле православных, многие века это поле было домом для зверей и птиц и никогда их не подводило. Любо было слышать весенним утром токование тетеревов, слышать щебетание, посвисты птичьей мелюзги, радостные крики прилетевших журавлей и видеть перелёты огромных стай полевых рябчиков. А летними вечерами первозданную тишину нарушал и оживлял таинственный «бой» перепелов. Чуден мир детства, жаль, что не вечен. Жаль, что приехавшие погостить ребятишки уже не увидят и не услышат того, что видели и слышали мы и что потерялось в вечных баталиях человечества за место под солнцем, за полный живот и кошелёк. Довоевались! Живёт ещё поле, но, как и многие поля России, заброшено, не ухожено. Скоро некому будет восхищаться его весенним пробуждением. Не у кого будет спросить, почему оно так названо. А всё очень просто: дальняя оконечность поля упирается в пронизанные конными волоками хвойные леса. словно нити трудолюбивой швеи, вышивающей замысловатый узор, волока связывают между собой деревеньки и хутора, образуя единую общность, крепя трудовые, торговые и родственные связи. Эти же волока выводили деревенских жителей к трактам, по которым можно было доехать до больших и малых городов. По этим волокам уходили в армию прадеды, деды, отцы, сыновья, по ним же возвращались те, кто остался в живых. Слышим ли мы, как ликовали их души при первом же шаге на залитую солнцем обочину родного поля? Как плакали, задыхаясь и вскрикивая, матери тех, кто не вернулся? Не слышим, видимо, коль позволяем себе бросить ту землю, за каждую пядь которой заплачено горячей родственной кровью. Не оттого

ли так беспокойно, а иногда и несправедно проживаем отпущенные нам дни?

Не знаю, как ощущают Родину люди, родившиеся в мегаполисах, но для большинства жителей Севера это чувство накрепко связано с полем, волоком, рекой и лесом. И если лес и река существовали как бы сами по себе, то поле и волока постоянно требовали человеческого участия. Труда.

Казалось бы, что в этом хорошего? Гни спину день и ночь. («Добывай в поте лица своего хлеб свой»). Но усталость от труда стократно окупалась радостью от его результатов. Не было и, смею утверждать, нет человека, которого бы не восхищало тучное, волнами переливающееся хлебное поле, не вызывал бы восторга разлив голубого цветущего льна, не радовал бы тяжёлый, хлебом пахнущий поток золотого зерна, падающего из шнека комбайна. В редкие минуты отдыха, казалось бы усталые и забитые бытовыми проблемами, люди находили возможность украсить жизнь праздниками, творчеством, поднимаясь в творениях своих к духовной радости, утверждая тем самым величие человеческое и его приближённость к Богу. Не отсюда ли такая разная речь в близких деревнях, разные узоры на одежде, по-разному вырезается деревянная утварь. Стремление сделать лучше, вышить красивее, сказать доходчиво и ёмко подарило будущим поколениям такие шедевры искусства, что мы до сих пор восхищаемся ими. У нашего поэта Сергея Викулова есть такие строки:

*Всему начало – плуг и борозда.
Поскольку борозда под веиным небом
Имеет свойство обратиться хлебом.
Не забывай об этом никогда!*

Трудно сказать лучше.

Поле жизни, волока, с помощью которых мы расширяем кругозор, труд во благо – это непоколебимые основы жизни. Сейчас так не считается. Редкостью на Севере стало колосющееся золотом поле. Да чего там, деревень и жителей в них всё меньше и меньше. Если бы на месте каждой деревни поставить памятный крест, то на модных сейчас съёмках дронами мы бы увидели сплошные кресты, памятные и безмолвные. Не отсюда ли

это рубцовское: «Кресты, кресты. Я больше не могу». Горько и больно это осознавать. Из суеты больших городов не видно, как рвётся на части сердце человека, навсегда покидающего родные места. Не понимает он: кому помешал, проживая в деревне, с минимумом запросов и претензий. Почему стал лишним его хлеб, когда в мире полно голодающих? Чем лучше жизнь в провонявших отходами человеческой деятельности городах жизни в чистоте и ладе деревенских отношений? Если городская жизнь и впрямь лучше, то зачем, получая отпуска, рвёмся мы в деревню, к речке, к полю, к лесу; чаще к тем, о которых нам рассказывали родители. Слово «патриотизм» – всего на всего любовь к знакомому. Придёт время, и мы узнаем, что это чувство присуще любовью пичуге, лосю, рыбе и даже киту. И они тоже возвращаются на свои родные поля, в свои заросли смородины, в свои реки и моря. А всё потому, что там безопасно, потому что там есть всё необходимое для жизни, потому что знакомо. И понятным становится воинственность местных обитателей, когда в родных им местах появляются непрошенные гости.

Поле волоковое. Небольшое, по меркам южных полей. Но Родину не измерить гектарами и сантиметрами. Как не измерить часами и минутами время нашей жизни. Но можно его запомнить и рассказать тем, кто начнёт свой путь позже. Показать жизнь такой, какой она была и где-то ещё есть, с её радостями и невзгодами, с подлостями и благородством, и обязательно с любовью. Дай Бог, чтобы то, о чём мне удалось написать, нашло отклик в вашей душе. Дай Бог, чтобы русское поле дождалось новой весны, а по знакомым из рассказов родителей волокам в родные места вернулись их дети и внуки. Дай Бог!

ОЧЕРКИ

ДЕТИ СПЯТ

Заплакал ребёнок. Сама виновата. Включила телевизор, а там миротворцы и политологи из разных стран обвиняют друг друга в агрессии. Это так они за мир борются: с пеной у рта и с ненавистью в выражениях.

Моему малышу полтора годика, но он и то понял: с этими болтунами мира не построишь. Потому и заплакал.

Ну что ты, маленький, испугался? Не надо бояться, те, кто в остроумии сейчас тренируется, воевать не будут. Умирать за их свободу и независимость будут другие.

Вот смотри: встал один, сам собой налюбоваться не может.

Не бойся, малыш. Пока я рядом, никто тебя не тронет. Спи. Вот так ручку под головушку подложи.

Ух ты, какой у меня богатырь! Вырастешь и всех этих трепачей несчастных грязной метлой на настоящую работу прогонишь. И совсем другой будет наша планета. Твои сверстники будут гордиться именем человеческим и свободно шагать по облагоустроенной Земле без виз и визга: «Куда прёшь?» Они объединят мостами все континенты, оживят пустыни, победят голод и бедность, направив на решение этих задач те громадные средства, которые сейчас тратятся на войну. Пусть так будет.

Ну вот уснул. Крепко. Слюнка с губки под щёчку подтекла. Сладко ему. Все маленькие такие милые и интересные, не чета нам, взрослым. Всё кому-то завидуем, скандалим. А ребёнку лишь бы чисто было и тепло.

Кто-то по скайпу вызывает. Ну да, с Калифорнии. Анжелина, а кто же ещё? Я с ней по Золотому кольцу вместе ездила. По-русски не хуже меня разговаривает. Подружились. Оказывается, она тоже за мир. Я ещё удивилась. Хотя чему удивляться-то: люба мать мира своему ребёнку желает.

Это мужикам война нужна, а то как они без погон и жалованья с автоматами бегать будут.

Закрываю дверь в спальню и кричу:

– Привет, Анжелина! – Никак не привыкну, что можно с Америкой без крика разговаривать.

– Доброе утро! – отвечает. Сама в халатике. Улыбается. Утро у них.

– Доброе! – говорю. – Хотя у нас вечер.

– Как твой малыш? – спрашивает. – Моя спала, да я включила телик, а там опять грызутся. Проснулась и заплакала. Кое-как снова укачала. Смотри, как сладко спит.

Подносит видеокамеру, и мне видно: спит её малышка, губками чуть перебирает, и тоже слюнка под щёчку. Только кудрявая и темноволосая, а так на моего похожа.

– У моего, – кричу, – тоже слюнка под щёчку подтекает.

– Хорошо им, – красиво улыбаясь, говорит Анжелина. – Я надеюсь, что они построят мосты между континентами и, однажды встретившись, уже никогда не будут ссориться и расставаться.

– Ой, извини, Маша. Ко мне сестра приехала. Давай завтра поговорим.

Виджу, как она выключает телевизор, а потом исчезает и с экрана компьютера.

Я тоже выключаю телевизор. И сразу тишина. Да такая, что, ей-богу, слышно, как на всей планете, посапывая и причмокивая губками, спят дети.

ВОИНСТВО ГОСПОДНЕ

Сегодня день проводов в армию, и над городом торжествует и плачет вечная музыка марша «Прощание славянки». В отличие от бравады и стальной уверенности победных маршей, этот вызывает какую-то необыкновенно светлую грусть, тревогу и даже нежность. Всё подчинено ей: и эти принародные поцелуи, и опустошающая душу мысль, как он (она) будет без меня, и желание обнять, чтобы никогда не расставаться.

Где-то гремит война, разгулявшаяся смерть не щадит ни правых, ни виноватых и радуется, что за тысячелетия своего существования мы не научились жить в мире. Под бабочками и галстуками вершителей судеб часто бьются тупые сердца неандертальцев.

От военкомата ухожу парком, сто семьдесят лет назад подаренным М. М. Булдаковым горожанам Великого Устюга. Вот по этой аллее не раз проходил писатель Пришвин. Однажды он написал: «У меня своё, у тебя своё, у него... а вместе это Родина. Чувствовать вместе "свое" мы научились на войне». Как жаль, что необходимость объединения мы испытываем, когда общая беда замаячит над нашими лесами и полями, городами и весями. Говорят, что это заложено в русском характере.

Осень в парке. Холодные стволы старых лип, наверное, помнят, каким был мой прадед, уходящий на Русско-турецкую войну.

В 1877–1878 годах он оборонял Шипку.

Век спустя болгарка, гид, рассказывала мне, советскому туристу, о той трагической обороне. Зима в те годы выдалась необычайно суровой, и многие русские воины просто замёрзли на обжигающем горном ветру, но не ушли.

Когда наша туристическая группа поднялась на Шипку, там тоже было ветрено и холодно. Многие из нас поспешили вернуться к подножию. У русских солдат – освободителей Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории – такой возможности не было.

Мой дед Сергей Прокопьевич в Первую мировую был ранен в колено химической пулей. В Гражданскую воевал в легендарной конной Будённого и вместе с ней прошёл с боями десять тысяч километров. Это из его рассказов я узнал о страшном переходе от Туркестана до Чёрного моря. Люди засыпали в сёдлах, лошади умирали под всадниками, их меняли, забирая других у крестьян попутных станиц. Армия с боями шла к цели. Дед часто видел Будённого. Командарм, выступая перед солдатами, в завершение своей речи матерился так в адрес «белой сволочи», что хотелось немедленно броситься в атаку и освободить рабочую и крестьянскую родину от наёмников империализма.

Командарм: полный георгиевский кавалер, а, по Уставу, рядовому, имеющему Георгиевский крест, обязаны были отдавать честь генералы, ему предоставлялись значительные в царское время льготы, но Будённый выбрал революцию.

Можно много говорить о кровожадности гражданских войн и революций. Но ведь кто-то доводил и доводит народ до такого состояния, когда чаша народного терпения переполняется и

бунт становится единственным, хоть жестоким, способом умирить жадность и наглость властителей.

Сейчас, когда по книгам я многое знаю о трагедии Белого движения, о его героях и мучениках, мне ничего не приходит в голову, кроме слов прощения и покаяния для тех и других. Для красных и белых. Для наших.

Рок судьбы или бездарность правителей бросали моего деда то на соляную корку озера Сиваш, то в молдавские сады, где по палаткам стучали переспевшие яблоки, то в заснеженную украинскую степь, где их – победителей, возвращающихся на родину эшелонам, – на целых две недели остановила метель. Они жили в оторванном от мира поезде, голодали, замерзали, и многие сходили с ума, потому что им грезились молдавские яблоки.

Деду спасли жизнь восемнадцать чёрных сухарей, которые он ел по одному в сутки. И вернулся. Это он рассказал мне, как шли они по соляной корке Сиваша, стараясь как можно быстрее продвинуться к Перекопу. Как не успели и, когда рассветало, попали под страшный огонь вражеской артиллерии. Как опытный командир артиллерийского орудия, он уже после второго разрыва справа от их пушки (первый был слева) понял, что попали они в огневую вилку и следующий снаряд разнесёт их пушку, а их самих отправит в преисподнюю. Крикнул это известное военным слово «вилка» и упал. Оглохший и контуженный, встал он после третьего точного взрыва и, очищаясь от каких-то кровавых ошмётков, пытался рассмотреть на соляной корке свой расчёт и орудие, но ничего не было. Только ревущая чёрная волна наступающих красноармейцев неслась, огибая его и трупы погибших, туда, где рычали озверевшие пушки неприятеля.

Не верьте никому, что на штыках можно принести солнце.

Освобождение – да. Но только не солнце.

За освобождение положил свою голову мой дядя и сын моего деда Савватий в изрытых снарядами степях под Сталинградом. Имею ли я право быть мстительным по отношению к тому, кто пришёл на нашу землю, убивая и грабя?

Имеет ли право народ, потерявший двадцать восемь миллионов своих сограждан, иметь в сердцах чувство священной мести

к своим врагам, к тем, кто пытался нести для себя солнце на обгоренных кровью штыках?

Но отходчивы мы. Не лелеем месть и даже пытаемся прислушиваться к хорам заграничных умников, убеждающих, что России пора остепениться в своей гордыне и жить по правилам тех, кто с удовольствием бы разорвал нашу страну, будь она чуть слабее.

Почему я, житель глубинной России, где бывают холода, бездорожье, сокрушающие разливы рек, пишу об этом? Боюсь, очень боюсь, что всё забудется, разрушатся памятники, уйдут ветераны, и правда и трагедия русского воинства растворится в космической пыли. Слава Богу, я ещё имел возможность говорить с непосредственными участниками, нет, не героических, а, скорее, горьких событий последней войны. Мне думается, что идущее за нами поколение тоже должно о них знать. Хотя бы для того, чтобы ненавидеть войну.

В 1944 году при освобождении Румынии мой отец спросил румынского крестьянина, хорошо знавшего русский язык: «Ответь мне на один вопрос: когда вам жилось лучше – при Антонеску или при нас?» Румын даже не задумался: «Лучше жилось, когда Антонеску уже сбежал, а вы ещё не пришли». Уже по этому ответу можно было предвидеть, что освободители скоро станут оккупантами. Ни один народ не живёт без чувства собственного достоинства, и братство не может существовать без обоюдной выгоды и уважения.

Моя армия. Так считало поколение моих родителей и моё поколение. Мы гордились ею и шли служить с твёрдой уверенностью, что без нас она не обойдется. Уходить было грустно, и сердце щемило предчувствие чего-то нового, неизведанного. Но верилось в лучшее.

Да, будут на армейском пути подонки, глядящие свою гимнастёрку на теле молодого солдата, рабы и хамы среди «стариков» сержантов и офицеров, стремящиеся разделить нас по году призыва, национальности и по нашей вере. Зато об истинных отцах-командирах, об армейских друзьях память сохранится до конца жизни. Как-то вы сейчас, дорогие мои офицеры: капитан Левченко, старший лейтенант Куянец, капитан Нетименко, майор Ермишин?

Где вы, рядовые Браулов, Кучко, Симоненко, Халбаев? Не в разных ли странах мы живём?

А я всегда хотел, что если уж в атаку – то с вами.

Неужели кто-то из вас после указания очередного параноика пошлёт своих сыновей стрелять в моего совершенно ни в чём не виновного сына.

Сквозь чистые слёзы воспоминаний вижу нас вместе на праздничном параде в честь Дня Победы, одержанной нашими отцами. Нас, чьи сердца бьются как единое целое. Нас, чьи лица так похожи на лица невернувшихся солдат прошедшей войны. Помните: когда прозвучала команда и тысячи солдатских сапог врезались в разопревший от весеннего тепла асфальт, утверждая факт великой победы и независимость нашей большой страны, в высоком небе, радуясь выучке и мощи верного ему воинства, улыбнулся Господь. Возможно, нам это показалось.

А в Булдаковском парке молодая мама прячется за берёзку от своего малыша. Он сначала спокойно обходит одно деревцо за другим, заглядывает за тумбы и под скамейки. Но мамы нет. И я вижу, как наполняются слезами глаза малыша и вот уже сквозь прорвавшийся детский плач слышатся горестные слова: «Остала! Остала!» У мамы, выбежавшей из укрытия, на глазах слёзы и страх. Она неловко поднимает малыша и, оправдываясь, шепчет: «Разве я тебя оставлю, малютка моя, как ты мог такое подумать?»

Россия! Никогда не оставляй своих сыновей! Береги!

СЕРДЦЕ УЧИТЕЛЯ

«Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он... Божественная ночь! Очаровательная ночь!»

С первых слов мы, учащиеся Стреленской школы, заморожено слушаем проникновенный голос нашей учительницы Лидии Романовны Марковой. Она читает взволнованно, и нам кажется, что каждое произнесённое слово побывало в её сердце и сейчас

торопится к нам, спеша донести энергию печали и нежности, которыми в нём запаслось.

Лидия Романовна – украинка, и, когда читает и говорит о Днепре, об украинском степном раздолье, мы понимаем её чувства. Она учила нас литературе и русскому языку, который любила, как свой родной, каким-то непостижимым образом вплетая в него нежность и певучесть языка своей родины. Языка, звучание которого, как нам тогда казалось, отрицало возможность применения его для ругани и ненависти. Надо ли говорить, что тогда и сейчас мы благодарны судьбе за подаренную возможность быть учениками этой замечательной женщины. Никогда не говорила она о превосходстве одного народа над другим. Границы нашей Родины расширялись, и, что бы там сейчас ни говорили, шахтёры и хлеборобы, учёные и люди искусства не мыслили себя живущими в разных странах. Народ всегда мудрее и честнее своих вождей. Дружба не предполагала национальных различий. Украинская учительница, преподающая с любовью русский язык, сделала в этом направлении больше, чем многие современные выскочки, упражняющиеся в самопиаре без чувства совести и ответственности за каждое сказанное слово.

Я выхожу на Набережную Устья и вглядываюсь туда, где за сухонскими излучинами садится солнце и его прощальные лучи скользят по воде светлыми слепящими дорожками. С детства до старости русский писатель Иван Сергеевич Шмелёв пронёс в себе веру в то, что по этим дорожкам спускаются на землю ангелы, готовые помочь людям победить зло.

...Вот и педучилище. Сколько земных ангелов заходило по этой лестнице с робким желанием стать учителями? Как замирали сердца, когда зачитывались списки зачисленных на учёбу. Сюда в тридцатые годы пришла и моя мама. Всю жизнь она проработала учителем и директором школы. Её авторитет в сельской глубинке был настолько велик, что даже Саша-кузнец, по кличке Король, её стеснялся.

Был такой случай. Мы с мамой пришли в магазин на МТС. Пришёл и дядя Саша, человек совершенно добрый, но нехороший во хмелю. Увидев маму, он отозвал продавщицу в сторону и шёпотом спросил: «Маруся, дай бутылочку». Мама услышала это

и поднялась на враз потерявшего всякое желание выпить кузнеца. Суть её высказываний была в том, что дяде Саше надо не водку пить, а детей кормить и одевать.

«Не надо, Маруся, не надо», – умолял дядя Саша продавщицу, несущую спрятанную под фартук бутылку, пятась к двери. Говорят, что его боялись все мужики колхоза.

Я тогда не очень понял, почему так произошло. И только сейчас, когда память возвращает меня в те времена, когда моя мама, озабоченная успеваемостью или поведением ученика, уходила в весеннюю распутицу и в осеннюю стынь в его дом, расположенный за семь-восемь километров, чтобы поговорить с родителями, понимаю: по-другому и быть не могло.

Бриллиант, спрессованный из личной ответственности, профессионализма и не показной, а искренней любви к детям, даже упав в грязь обстоятельств, остаётся бриллиантом.

И все, кто выбрал для себя великий путь учительства, должны знать: другого пути к авторитету и уважению просто нет. Нет его и в других профессиях и службах. Но учительский труд открывает для всех нас страницы будущего, а это уже другая планка ответственности.

В памяти навечно остаются учителя, которые умели держать эту планку. Таких были тысячи. Их награждали отрезами на рубашу, их досконально инспектировали и переводили из школы в школу, не особо спрашивая согласия. Их могли поставить на любую должность вплоть до председателя колхоза или парторга, и везде они показывали себя достойно.

По солнечным дорожкам на землю спускаются ангелы. По широким лестницам педагогических училищ и институтов спускаются учителя с той же миссией: помогать людям. Пусть путь их будет успешен.

Однажды мне довелось посмотреть, как две пары журавлей обучали выросших птенцов полёту. Это был трудный урок. Но вот после нескольких неудачных попыток журавлята взлетели в небо и сразу набрали такую высоту, что даже у меня захватило дыхание в испуге за них. Но всё обошлось благополучно, и через каких-то пять минут полёта ученики разбаловались: они ложжились на крыло, пикировали к земле и восторженно взмывали

ввысь. Старые журавли внимательно наблюдали за манёврами, и, когда одному из птенцов удался сложный пируэт с переворотом, один из наставников не выдержал, разбежался и взмыл в синеву. Вот он сделал большой плавный круг, и я услышал, как немую бездонность неба разорвал его восторженный клич.

Это ликовало и пело счастливое сердце учителя.

СУД

Этот суд готовился два столетия. Но всё как-то не получалось: главная подсудимая и в мирное время пользовалась спросом, а в военное вообще нарасхват. Бывали случаи, когда Интерполу, её удавалось поймать, но находился всегда какой-то заинтересованный покровитель и выкупал задержанную для собственных нужд.

Тем не менее на одном из необитаемых островов Атлантического океана было построено специальное здание суда, похожее на панцирь черепахи, а ещё более на громадный дот. Иногда внутрь его заходили грозные, бронированные катера, а металлический купол кровли раскрывался и словно засасывал в своё чрево мощные вертолёты без опознавательных знаков.

Казалось, всё было готово, но шли годы, а суд всё откладывался и откладывался. Но вот, не далее чем три месяца назад, он всё-таки состоялся. Наша газета получила на него аккредитацию, правда, только на последний день. Таковой наступил после двухмесячной работы Международной судебной комиссии.

Когда нас, журналистов, допустили в зал, стало не по себе от грандиозного количества свидетелей, в большинстве своём глав государств. Надо сказать, большинство из них одряхлело и не представляло никакой ценности. Но были и такие, что ещё воображали себя властителями мира. Эти вели себя вызывающе, видимо надеясь, что до суда истории они не доживут. Мужчины не упускали возможности поехидничать или отпустить сальную шуточку в адрес подсудимой, сидевшей в позолоченной клетке на покрытой синим бархатом скамье.

Несмотря на столь длительное судебное заседание, подсудимая, явно немолодая женщина, выглядела достаточно свежо. На

непристойности в свой адрес она отвечала укоризненным покачиванием головы и кокетливой белозубой улыбкой. Иногда она надолго задумывалась, явно не слушая обвинительной речи.

– Готовится к выступлению, – шептались в зале.

После умопомрачительных обвинений по тридцати трём статьям подсудимой дали последнее слово.

Женщина встала. Грациозным движением руки откинула со лба прядь красивых вьющихся волос и заговорила.

Мощный поток необъяснимой энергии усиливался с каждым её словом. С потолка и стен здания посыпалась штукатурка. Вспыхнули люстры, и, словно по команде, вышли из строя все компьютеры. Свидетели и судьи съёжились, втянули головы в плечи. От их бывшего пиджачно-галстучного величия не осталось и следа. Кто-то пытался залезть под стол и даже под кресло, а присутствующие дамы вдруг разрыдались из-за охватившего их безотчётного страха. Микрофоны сгорели, но голос подсудимой звучал мощно и звонко. Отбросив непригодные диктофоны, журналисты лихорадочно записывали речь подсудимой в блокноты.

А она говорила, не особенно подбирая выражения:

– Да, да, это я, старая, грязная дрянь, без которой вы не можете обойтись с тех незапамятных времён, когда Бог наградил вас разумом. По-моему, Он ошибся. Не в коня корм, как у вас говорят. Ваш разум настроен на обман и разрушение Господних заповедей. И вот из страха, что вам придётся отвечать за все горести мира, за войны и несправедливости, вы придумали меня.

Вас удивляет, что я хорошо сохранилась? Но это только вашими усилиями, господи! Обзывая меня шлюхой и другими непотребными эпитетами, которыми вы, раздражаясь, величаете собственных любимых женщин, вы же дали мне и более приличные определения. Но я не буду утомлять вас их перечислением. Я назову лишь одно, наиболее умное из них, которым наградил меня дуэлянт и собиратель немецких земель Отто фон Бисмарк. Да, это он назвал меня искусством возможного, и я приняла это определение как комплимент. Итак, я – искусство возможного. А искусство, как вы знаете, господи, бессмертно.

Подсудимая погрозила залу пальчиком:

– Да и попробуй я умереть – вы первые бросились бы спасать меня. Вы обмывали меня живой водой, натирали бы медовыми и цветочными кремами, подключили всю новейшую медицину и всех знахарей, лишь бы я осталась жива. Вы сделали бы это точно так же, как когда-то ваши предки оживляли разлагающееся тело Тамерлана, подкладывая к нему бедных юных девушек.

И это вы меня судите? Вы, кто ради денег и власти готовы жертвовать батальонами и армиями солдат, кто толкал меня со-ваться в чужие дела, чужие мысли, бордели и постели.

Я смеюсь смотрю в ваши откормленные лица.

Когда же вы, упоённые близостью власти, лезете к её вершинам, я сбрасываю вас вниз, погрязших в пороках и клятвопреступлениях перед собственными народами. Стыдно, господа!

Бог, в спасительную миссию Которого вы верите тогда лишь, когда ваши руки залезают в чужие кладовые народов и государств, наградил вас лучшей из планет. Но вместо того, чтобы направить силы на её процветание, вы залили её кровью, отравили и насилуете под страхом полного уничтожения. Вы, как и тысячи лет назад, вколачиваете в юные головы, что воевать и погибнуть – это подвиг. А ведь подвиг – это жить в мире.

Обманутые дети ваших стран гибнут в войнах зачастую только потому, что вам показалось, что вы живёте не в той роскоши, едите не ту еду и спите не с теми женщинами. При чём тут высшие идеалы? Ради собственного благополучия вы готовы продавать и продавать. Так кто же здесь шлюха?

Но сегодня мой день! Да, я не сказочная добрая принцесса, хотя всегда мечтала ею быть. Я только – искусство возможного. Я – ПОЛИТИКА.

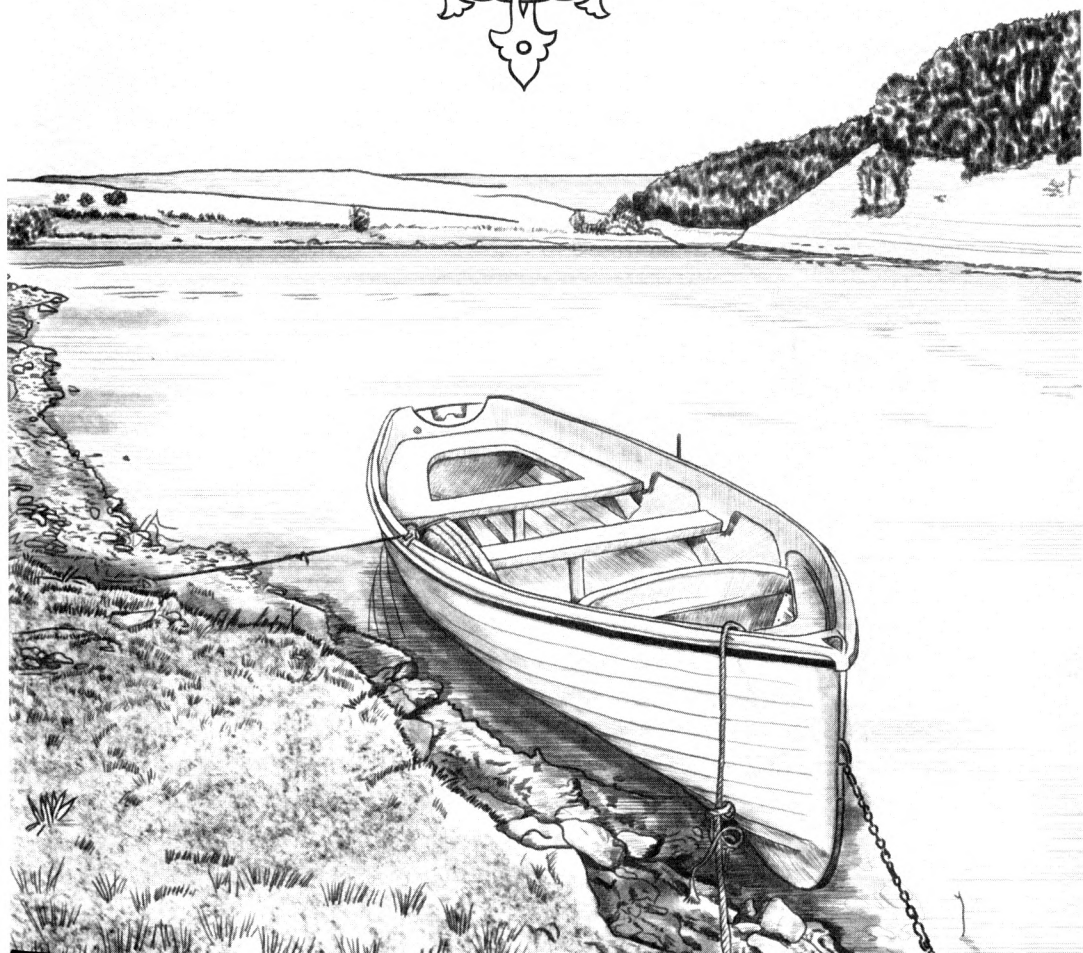
И сейчас я уйду. Здесь и без меня есть кого судить. Когда вас много, трудно дышать. Даже мне.

Золотая клетка распалась на глазах присутствующих. Массивные ворота дота раскрылись. Подсудимая вышла к океану и по ровной его глади направилась к экватору. И опять она стала похожа на женщину. Да, да, на уходящую, оскорблённую, но не сломленную женщину.

Многие правители бросились за ней, видимо забыв, что морская вода не терпит людей, отягощённых грехами.

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Рассказы

ПОЖАР 1699 ГОДА

В верхней части летописца читаем: «Книжица сия Устюжского уезду. В нижнем конце из приходу Симеона Столпника священноиерея Стефана сына ево Василия Стефановича 1677–1678 гг. упоминается Стенка Андреев Гремячих, который служил при церкви дьячком».

*Из книги «Бысть на Устюзе»
(Вологда, 1993)*

«На Руси не так много Великих: Новгород, Ростов да Устюг», – аккуратно на листке сероватой бумаги вывел монах и задумался, покусывая белое гусиное перо. Зело складно получилось. Кратко, красиво и объёмно. Правда, есть ещё Великие Луки, но куда их ткнуть? Всё созвучие испортят. Нет, пусть останется так. Задул лучину, прилёг, не раздеваясь, на обитый морозной жестью застеленный овчиной сундук. Томила душу мысль о скоротечности жизни. Горе горькое на Руси не переводится: войны, наводнения, пожары, мор... Неупиваема чаша человеческих страданий. Разве что вспыхнет яркой радостной свечкой воспоминание о детстве, о мамкиных тёплых руках, об отце, приехавшем с ярмарки, обвешанном бубликами и угощавшем орешками «ералаш»... Вспыхнет да и погаснет во мраке.

Иль улыбнётся яблочной долькой зореньки с краю хмурого неба ненаглядный образ любимой. Да надолго ли: то рекрутчина на всю жизнь, то родители отдадут другому. «Все проходят раны, поздно или рано». Зарубцуются и эта. Но есть и ещё, от чего сердцу любо. Вон они бегут наперегонки жнивьём, смеются, несут родителям хлебушка да кваску. Повиснут на шее, ластятся, шёпотом тайны свои на ухо рассказывают, щебечут птенчиками, из распахнутых глазёнок пасхальное небушко на мир Божий доверчиво и радостно смотрит. И высветится осенний день, и не так страшна узкая длинная полоска несжатой ржи. Но многим и этого не дано.

Темно в келье, не пропускает света натянутый на оконце закопчённый бычий пузырь. Так же темна будет потомкам и наша жизнь.

Надо дописать начатое.

Хотел встать, но словно колом ударили под лопатку. Кровавые круги замелькали в темноте. Заходится сердце и словно шепчется с кем-то в темноте: «Жить? Не жить?»

Повернулся на правый бок, и поблазнило: оскаленные лошадиные морды с горящими гривами. Охваченные пламенем санные воза. Рвутся огненные собаки, цепями к ним пристёгнутые. Гул пожара и крики о помощи.

А вот и он: держась за мамину юбку, бежит по Сенной площади. Кругом огонь, и от архиерейских построек выбрасывает ветром горящие бревна, и они, шипя, падают в воду Сухоны. Горящие, искрящиеся клочья сена зловеще проносятся мимо. Трудно дышать от дымного, горячего воздуха. Слышал от взрослых про геенну огненную. Это она и есть, а они – грешники, и их поджарят.

Держась за подол, он всё пытался понять, чем же согрешили они с мамкой. А она тащила его, и от неё приторно и страшно пахло жжёным.

Взбежали по лестнице Никольской церкви. Мать усадила его на верхнюю ступеньку, сняла свои местами прогоревшую шаль и укутала, как маленького, прямо поверх кафтанчика: «Жди тут, Ванюшка, я вернусь. Всё будет хорошо, только жди».

Она зачем-то брякнула большим металлическим кольцом на церковной высокой двери. Сунула в ручку что-то прохладное и перекрестила. А затем, пятясь по ступенькам, страшно, прерывисто рыдая и хватаясь за живот, словно от боли, вдруг поскользнулась и скатилась в багровое пекло, бушующее на Набережной.

Брякнула кованая дверь. Высокий монах в клобуке со словами «Ах ты, Господи!» забрал мальчишку в охапку, занёс в церковь. Это было 14 сентября 1699 года.

С тех пор Ваня числился «детёнышем». Так звали всех детей-сирот и подкидышей, которых прибирали обитатели.

В день пожара не уцелела и Никольская церковь. Сначала загорели сenniки и дровяники. Монахи пытались потушить, но тщетно. Тогда они вытащили из церкви иконы, церковную утварь и побежали на Красную гору, встречу несущему горячий воздух ветру.

Ванюшкин спаситель, обгоревший при тушении дровяников, упал ещё на Успенской. Он задышался и, передав ребёнку неболь-

шой ларец, крикнул: «Беги по Архангельской. Не отставай, беги! А зовут меня Стенькой! Поставь свечечку! Ларец береги, Христа ради! Беги!»

Ванька, засунув за пазуху ларец, побежал, и обильные слёзы его были вовсе не о мамке и добром монахе. Ему было горько и обидно, оттого что в постоялом дворе, где они ночевали, осталась и, конечно, сгорела его новая однорядка из трипа*, украшенная рядами игрушечных вышитых топориков, с медными застёжками. Это было первое, самое настоящее горе.

О том, что никогда не увидит мамку и монаха, Ваня просто не знал. Лишь через несколько лет тётка Матрёна узнает его по образку Николая Чудотворца, который впихнула мать в детскую ручонку в страшный день пожара, и всё расскажет. Ваня не заплачет. Он считал себя взрослым и стыдился слёз.

Шли годы. Он стал служить в Михайло-Архангельском монастыре, научился грамоте и как-то случайно нажал на тайную кнопку в виде нарисованной на днище ромашки. Шкатулка открылась, и пожелтевшие от времени листки выпали на пол. На самой белой из них значилось: «Стенки Андреева Гремячих дьячка прихода Симона Столпника летописец».

Ваня читал летописец и видел сквозь века. Когда же всё было прочитано, показалось ему вдруг, что Николай Чудотворец с миной иконки проговорил: «Пиши».

О чём писать, Ваня давно уже знал.

Темно и грустно в келье. Белеют лишь листы и перо на старом, по топорному сработанном столе, зовут.

«Успею ли?!» – подумал монах. И вдруг заплакал. Он пытался душить в себе рвущиеся рыдания, но не было сил противиться целую жизнь копившимся слезам.

* * *

Пожаром 14 сентября 1699 года, когда в Устюге сгорело 7 церквей и 692 дома, заканчивается деревянный XVII век, прозванный «вывихнутым временем».

---

* Трип – шерстяной бархат.

Сколько веков прошло, но одно неизменно – человеческие чувства. Едва осознав, что родился, тянет малыш пухлые ручонки к маме.

«Как тут не плакать? Безобразие, всё время были вместе, и вот разлучили, ни за что ни про что? Неужели надолго?»

Ни дождь, ни слякоть, ни сорокаградусный мороз не держат деревенского мальчишку, и бежит он в свою далёкую, не всегда богатую избу, где приветливы даже тараканы, только для того, чтобы несколько часов побыть дома и, излечившись родиной, снова продолжить выбранный путь.

Ещё не видя своей деревни, но уже чувствуя её по каким-то ему одному известным приметам, пожилой человек, придерживая сердце рукой, не может сдержать слёз. Что это? Кто возьмётся ответить? Но даже звёзды, умудрённые многовековым опытом, молчат, ибо это одна из самых сокровенных тайн человеческой души. А может быть, звёзды правы и не на все вопросы надо отвечать?

Может быть, важнее сохранить то, что помним и видим, как это делали летописцы? И тогда Её Величество Жизнь высветится для грядущих поколений не только датами и фактами, но и нашими чувствами.

Ничего не оставит беспощадное время, но не нами сказано, что написано пером, не вырубишь топором, успокоится сердце монаха, но шкатулка Стенки Андреева пополнится новыми рукописями.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Превозмогая сердечную боль, монах Иоанн сел на сундук.

Отдышался. Сколько он провалялся, прижатый болезнью один в келье, Бог ведает. Помнит лишь, что прихватило после Петрова дня. Спасибо братии – не отступились, выходили: кормили с ложки, отварами поили, умывали с ковшика.

Ощупал лицо руками: страшен, поди?

Встал. Качнуло в темноте, но удержался за крышку стола.

«На улочку бы выйти», – прошептал себе, и так слезливо получилось, что насутился даже. Толкнул кованую дверь кельи, и

она со скрипом поддалась. Опять шепнул: «Маслицем надо бы смазать или хоть деготьком. Но не сейчас. Сейчас к Сухоне, к церкви Никольской. Хотя бы ещё раз взглянуть на них. А потом уж и умирать не в страх».

Мысли нагоняли одна другую, спорили меж собой. Одна особенно назойлива: «Всю жизнь готовил себя к подвигу, всё мирское смолоду отринув. А где он? Умрёшь сейчас – вот и весь подвиг». Другая утешала: «А Богу служить по совести? А всенощные бдения, молитвы о православных али не зачтутся?»

Назойливая донимала: «Православные тоже разные. Убийцы, ворьё, им-то за что милость Божья? Надо ли отмаливать грехи, по умыслу ими совершённые?»

На душе стало муторно и неуютно. Толкнул высокую монастырскую дверь и ослеп от яркого, совсем не осеннего солнца. Словно чего-то страшась, осторожно открыл глаза.

«Господи, день-то какой! На небе ни облачка. В вершинах монастырских берёз листочки меж собой шепчутся, а может, ангелы тихонько поют. Теплынь».

Лёгкий ветерок принёс с Сенной площади едва уловимый запах свежих яблок. «Да ведь Спас Яблочный, поди? Иначе откуда в Устюге яблочный дух?»

Скорей, скорей на набережную, там люди, там церковка Никольская счастливой невестой на Сухону выбежала, да так и замерла, очарованная красотой и простором Русской земли.

От предвкушения радости вновь встретиться с праздничным людом, с рекой и церковью – полегчало. Иоанн осторожно, словно ощупывая земную твердь, сделал первые шаги. И когда понял, что не разверзлась земля, не подкосились в слабости ноги, устремился к цели.

Всё было знакомо, всё радовало взгляд. Голуби, ошалев от тепла, ухаживают за голубками, воркуя и надуваясь. Галки купаются в лужах, поправляют пёрышки и, смешно наклонив головку, всматриваются в своё отражение в воде. Точь-в-точь девки перед грищем.

От Михайло-Архангельского до Никольской не дальний свет, но даже ряса промокла от нездорового пота. Но дотянул-таки, дотянул до недавно построенного и сияющего свежими белилами

архиерейского дома. Сел на скамеечку, стоящую над самым склоном к сухонской воде, и, ненадолго прикрыв глаза, отдышался. Здесь ещё сильнее пахло яблоками. Везде, где можно, примостился торговый люд. Лежали на рогожах, на свежей золотой соломе горки яблок. В руках у людей тоже были яблоки, и лишь гуляющие по набережной форсистые девки лихо бросали в крашенные рты мелкие лампасеи с весёлым названием «Кап-кап – весенняя радость».

– Вот, моё дитятко Ванюшка, здесь и посидим. Сядем на скамеечку и подождём тятку-то. Вон он паузок разгружает. Пусть разгружает. Приказчик ему за это семишник* даст. Пряник медовый тебе купит. Хочешь пряник? Вот и купит. А пока накось вот.

Женщина высвободила из-под плисовой кофты ярко-белую грудь. И малыш тут же впился в крупный, как спелая вишня, мамкин сосок розовыми, чуть припухшими губками.

Кругом суматоха: смех, ругань, ржание лошадей, всхлипы воды под крутыми боками причаленных барок. Звон металла и резкие ружейные хлопки от сброшенных пластью свежих досок.

А ребёнок сопит себе носиком-пуговкой, причмокивает, наполовину утонув в мамкиной нежности, и лишь скошенным голубеньким глазком с чуть заметной хитринкой на мир Божий посматривает. Иногда даже улыбнётся чему-то, одному ему ведомому.

«Не остановить жизнь, пока мать кормит своё дитя, не остановить! Слава Тебе, Господи!» – подумал монах, встал со скамейки. И опять ударило болью в сердце.

А женщина поправила за ухо непослушную прядь волос и, чуть покачиваясь, тихо запела колыбельную.

Из-за Сухоны, с Дымковской слободы, вдруг рванул ветер, тёмная рябь покрыла воду, в воздухе замелькали сорванные платки, шлыки, взвихрилась пыль, унося с собой листы упаковочной бумаги, куски пакли, обрывки веревок.

Словно пушечный выстрел, но как-то по-особому – со свистом, скрежетом и звоном, грохнул, упав на камни, широкий лист прислонённой к барке кровельной жести. Вороной жеребчик, привязанный рядом, рванулся в сторону, оборвал привязь

---

* Семишник – две копейки серебром.

и, сбивая с ног шарахающихся людей, оттого ещё дичее становясь, понёсся срезом склона к только что покинутой монахом скамеечке. Женщина, баюкавшая ребёнка, видимо, сама задремала и не видела опасности.

– Берегись! – крикнул монах женщине и, собрав последние силы, бросился наперерез ошалевшему коню.

Я успею! Успею! Не остановить жизнь! – радовалось, разрываясь от непосильного рывка, сердце.

Оттолкнулся монах от сухого булыжника и всем своим телом, словно превращённым в пушечное ядро, ударил жеребчика в переднюю лопатку.

Люди видели, как от удара конь слетел на высланный камнем склон, не удержался копытами и съехал на бок прямо к воде. Вслед за ним скатилось безжизненное тело монаха.

Ветер стих. Очнувшись от криков толпы, молодая женщина прижала к себе испугавшегося ребёнка.

Единственное облачко на всём августовском небе неожиданно закрыло праздничное солнце. И так же неожиданно потемнели кресты и купола Никольской церкви. Но и в этот миг была она похожа на невесту, выбежавшую встречать своего жениха.

Выбежала, да так и остановилась, замерла. На века.

Молодая пара первой бросилась вниз. Наклонились над телом монаха. Девка, вздрагивая от рыданий, почти кричала: «Как же так?! Я его знала. Он ведь такой смиренный, кроткий был. Это он из-за бабы с ребёнком бросился. Кто бы мог подумать!»

Парень отвёл глаза. Взглянул ввысь, где облачной тенью, словно тёмной вуалью покрытая, печалилась Никольская церковь, и почти шёпотом произнёс: «День, наверно, Алёнка, сегодня такой – Спас. Преображение».

ОРЛОВСКАЯ РОЩА

1 глава

Утро стрелецкой казни

– Бабы, бабоньки, да вот же куда идти-то надо!.. Солнышко-то вон где висит! – крикнула заблудившимся женщинам девушка лет семнадцати и показала туда, где среди разорванных ветром,

быстро убегающих туч висело солнышко. Лежащие под разлапистой елью бабы поднялись и, всматриваясь в серое небо, вдруг тоже увидели пробивающиеся лучи восходящего солнца. Тут же, словно по команде, начали прихорашиваться. Девки, образовав небольшой кружок, переплетали друг другу косы. Умылись по очереди в лесном ручейке, осмотрели туеса с ягодами и присели на минутку.

Сутки назад они вышли из Орлова, Тарасовской и Шилыкова за клюквой на Куманёвское болото. Бежали споро, радуясь неожиданной и редкой возможности насобирать жаровихи* ещё при тепле. Год выдался на редкость хлебородный, и к середине сентября управились со страдой и, что редко бывает, убрали лён.

Непрерывно болтая, перескочили Мармужский лютчик (дорогу), виляющий среди молодого бора и новинок, разодранных для посева льна. Полюбовались молодой лиственничной рощей, а вот уж и болото. Ягоды! Словно из корзины высыпано. Быстро насобирали полнёхонькие туеса и только тогда заметили, что солнышко, их главный ориентир, скрылось за наседавшими от реки Лузы холодными облаками. Долго и тщетно бродили по лесу, а когда стемнело и стало не вмоготу от усталости, упали под ель, плотно прижались друг к другу, сохраняя тепло. На самых старших и смелых навалился сон, а девчонки и молодые женщины озирались и заходились дрожью от каждого непонятного звука осеннего леса. Хриплым басом невдалеке провыл волк, и, хоть никто ему не ответил, женщины цепенели от страха и ещё плотнее прижимались друг к другу.

Длинна осенняя ночь, но Божьим промыслом и она имеет конец.

«Веди, Дарьюшка, с Богом!» – распорядилась пожилая женщина, и девушка, первой увидевшая солнце, засемила вперёд, выбирая бровку суше, поросль реже. Сначала все шли молча, поглядывая за Дарьей и проверяя взглядами, на месте ли такое нужное солнце. Но как только вышли в знакомую рощу, приобо-

---

* Жаровиха – клюква.

дрились, снова начали разговоры и вдруг дружно запели, чутко вплетая свой голос в голоса других. В утреннем светлом лесу песня звучала так славно, что невольно заулыбались.

*Брала Катя
ягодку земляничку,
Уколола ноженьку
о шишечинку.
Ты боли, шишечинка,
да не больно.
Любит, любит
Миленький, да недолго...*

Песня прибавила сил.

Молодые лиственнички бойчей замелькали по обеим сторонам Дарьиной новой тропы. Вот уж и Павшинский камень.

Вдруг ржание лошадей и крик за поворотом. Похолодели и провалились в бездонную пропасть небытия маленькие женские сердца. Сбрасывая туеса, те, кто моложе и бойчей, бросились в лес. У многих на глазах засверкали слёзы и губы шептали молитву, единственную защитницу от надвигающегося горя.

Вылетевшие из-за поворота всадники поздно увидели ягодниц и вздыбили лошадей.

В тот же миг бедные женщины узнали родные голоса и увидели знакомые лица. Отлегло на сердце.

Пусть себе ругаются мужики, размахивают швельгами*, обещают побить. Всё пустяки: яры, да отходчивы. Вот уж ягоды помогают собрать в разбросанные туеса, вот уж подсаживают бережно на неосёдланных коней. Девоч по-мужицки, женщин – на один бок и благословясь! Парни с девками – в галоп по звонкой бечеве, мужики с бабами сторожко, шагом. Да и то сказать, все молодые женщины были на сносях. На Руси детей рожалось много. Жили мало – то война, то голод, то мор.

В это утро в Москве казнили стрельцов. Взвизгивали на Красной площади под тяжестью тел перекладыны виселиц, установ-

---

* Швельга – кнут.

ленных напротив Софьиной светлицы. Летели с окровавленных плах удалые стрелецкие головы. Крутенок царь Пётр. Да и как иначе: на западе шведы, на юге турки, свои исподтишка шкурничают. Никому доверять нельзя. За спиной злорадничают шёпотом: «Ты царь, ты и вари кашу. Небось, твои руки в крови будут. А мы што? Мы подневольные. Оступишься или прохлопаешь чего – мы уж тут как тут. Враз суд наведём». Забыли русскую мудрость: «Подальше от царей – голова целей». Напомню. Так думал молодой Пётр, в очередной раз поднимая топор над стрелецкой головой осенью 1698 года. Злоба и сомнение терзали душу загнутым медвежьим когтем.

Неисповедимы пути Господни. Так получилось, что в далёком Вологодском краю махонькая лиственничка, наблюдавшая встречу заблудившихся баб и мужиков, вовсе не знала, что через несколько лет этот злой царь издаст указ, который не раз сбережёт её от топора дровосека. А в далёком 1703 году лес, в котором она растёт, приобретёт всемогущего покровителя. А в назидание тем, кому и царский указ не указ, поставят на восточной и западной границе Орловской рощи виселицы.

Крутенок царь Пётр.

Глава 2

– Камнем её, камнем по башке бей! – кричал Матвей, выхватывая из огорода еловую подпору и подбегая к елозившему по спине громадной синей рыбины Кузьме.

– Где я те камень возьму? Их здесь с Ольховки до Теплогорья отродясь не бывало, – чуть не плача и задыхаясь от борьбы, крипел Кузьма.

Большая нельма, чудом уместившаяся в сак, пока тащилась в воде, лежала кривым белым кражем, но как только глотнула воздуха, устроила бешеную пляску, переломила ратовище и, буквально стоя на хвосте, побежала в воду.

– Голову, убери голову! – кричал подоспевший Матвей. – Да свою, а не рыбу!

Кузьма сообразил, развернулся поперёк рыбины, втянул шею и услышал хрустящий удар. Нельма судорожно дёрнулась и затихла.

Отошли на сухую межу. Кузьма сбросил зипунчик и развесил его на ивовый куст. Апрельское солнце щедро обогревало землю. Присели. Руки у Кузьмы всё ещё тряслись.

– Рыбину себе бери, – проговорил заикаясь, – завтра у твоей Иринки именины – пригодится.

Матвей мотнул головой:

– Не. Нам щурят и окуней хватит. Продать бы кому?

– Пожалуй, – не сразу согласился Кузьма. – А вот игуменья жалилась перед бабами, что одну солонину едят. Вдруг возьмёт. Белорыбица всё-таки. За такую, может, и «лобанчик» даст, а может, два, по пяти рублей. Я бы матери шаль кашемировую купил. Хочется ей такую шаль. Опять же в казёнке целовальника на штоф накажем. Иринке твоей подарок, какой выберешь. Калачей накупим робятам, сушек розовых. Гульнём! Сколько той жизни осталось?

Они родились в один день, но Кузьме как-то больше везло. Перед самой рекрутчиной он пошёл искать лошадей, убежавших в заречные леса. Торопился, стремясь вернуть беглянок к работе, и, когда за поворотом в сажени от себя, увидел зад копающегося в муравейнике медведя, вдруг осерчал и со словами: «Ты ещё тут!» наотмашь ударил кожаной, с металлическими удилами уздой. Оскорблённый невиданным нахальством медведь смял Кузьму и, наверное, задавил бы, но оторвавшийся лапоть попал парню под руку, и он, что было сил, втолкнул его в пахнущую муравьями медвежью пасть. Врезавшиеся в спину когти ослабли; медведь мотал головой, задыхаясь, но клыки рвали сухожилия на правой руке Кузьмы, кровь хлестала в лицо, и мутнело в глазах.

На счастье, павшинские мужики, ехавшие пахать новинки, увидели брошенного медведем Кузьму. Целый месяц он валялся в бреду, и раны гноились, но болезнь уступила молодости, церковному мёду и барсучьему салу.

И, конечно же, матери, чьи молитвы, искренние и усердные, сквозь необъятность Вселенной нашли дорожку к милости Божьей.

Кузьма, когда немного ожил, молча наблюдал с печи её истовые поклоны. Тогда и дал себе слово, что купит матери кашемировую шаль.

Поправился, но правая рука работала плохо, и в рекруты его не взяли. И это было спасением. При врождённой доброте и наивности рекрутский путь окончился бы для него в первой же кампании, где, как известно, из десяти всегда убивали одного и ранили двоих менее опытных воинов.

Матвей же ушёл в «арнадерский» полк, и, если бы под Полтавой шведский штык вспорол ему грудь на вершок глубже, кончилась бы его Богом данная жизнь и кровавая человеческая прихоть восторжествовала бы над Всевышней волей.

Год валялся в госпитале. А тем временем вернувшийся из того же боя раненый Пашка Ямов рассказал в деревне, что сам видел, как убили Матвея. Так всё и решилось. Девять месяцев плакала проводившая Матвеюшку на войну Дарья. Пряталась на сеновале или в лесу. Коров доила, а слёзы ручьём лились в деревянную подойницу и жгли щёки, да и сердце жгли. Три месяца не дождалась. Что такое три месяца? Но сквозь их темень и немоту не услышало изболевшееся сердечко тайной Матвеевой просьбы: «Дождись!» И когда от Кузьмы пришли сваты – «У вас товар, у нас купец», она согласилась. Была даже рада, что именно от Кузьмы сваты. А потом пришёл Матвей. Рванулось было Дарьино сердце, затрепетало и... охолонуло от понимания судьбы. Не разрушилась дружба Матвея и Кузьмы.

Годы шли. Ласковые вёсны сменялись лютой стужей и метелями. Матвей отвоевал у черневских самолюбов тихую Иринку и женился на ней. Жизнь продолжалась.

И всё-таки Кузьма доброй своей душой молчаливо виноватился перед другом и женой.

Игуменья Настасия сама распоряжалась мужиками и монашками. Двор подметался, подкрашивались главные ворота. В самой церкви по лесам и лестницам ползали крестьянки, обтирая пыль с ликов святых.

– Неуж к Иринкиному дню? – почёсывая затылок пятернёй, пробормотал Матвей. Не должно. Да и до Пасхи ещё далековато.

– Что случилось, матушка? – окликнул почти бегущую игуменью.

Та оглянулась и, увидев друзей, подбежала к ним. Перекрестила. Даже в чёрном, в строгом одеянии игуменья была красива

неуёмной женской красотой, которую может спрятать разве что тёмная ночь.

– Ой, ребята! Весть из Устюга получили. Гонцы царские едут. Леса перемеривать будут, а угостить нечем. Солонина и та кончается, – хлопала по ядрёным бёдрам Настасия. – Вот ведь напасть какая! А вы по какому делу?

– Да мы рыбину вон поймали. Взгляни, может, и пойдёт на угощение. – Матвей подмигнул другу. За чесноком* в телегу бросили. Посмотришь?

Игуменья выскочила за чеснок, взглянула на отдающую синевой рыбину и, ни слова не говоря, убежала в свой дом. Немного погодя она вынеслась обратно с корзиной и увесистым безменом окликнула двух мужиков, сколачивающих лестницу, и заставила их взвесить рыбину. Даже весить на крюк нельму пришлось вдвоём, и оказалось в ней без малого три пуда.

– Ой, спасли, ой, спасли, родимые! Дай вам, Господи, здоровья, – игуменья осенила рыбаков и себя крестом, сунула в руку Кузьме что-то звонкое и холодное. Подала Матвею корзинку и побежала показывать работникам, куда занести рыбину.

Кузьма открыл ладонь. В ней жёлто поблескивали два десятирублёвых лобанчика. В корзине оказался штоф сладкой водки, сулея монастырского вина да пироги с капустой и брусникой.

– Вот так подфартило. Шаль мамке куплю! Пошли в лавку, – улыбаясь и хлопая длинными ресницами, позвал Кузьма.

В тринадцати верстах по реке, в трапезной Всесвятской церкви, отдыхали, ожидая лошадей, трое царских гонцов. Пахло жареным молоком и ватрушками.

Шёл 1712 год.

Кровавая небо то на юге, то на западе России страшными сполохами, разгорались войны, и человеческая жизнь вновь и вновь становилась самым дешёвым их топливом.

В том году лиственничке исполнилось двадцать восемь лет. Бедные соки песчаной земли не позволяли ей взматереть, зато вершинка её тянулась к солнцу быстрее, чем у подруг. Однажды

---

* Чеснок – ограда, набранная из кольев.

длинноногий лосёнок, шутливо бодаясь, едва не сломал её. Но за поворотом послышались голоса, и лосиха, подтолкнув шалуна под белые порточки, увела его за болото.

Игуменья помнила добро. Она упростила царёвых слуг взять подсобниками Матвея и Кузьму. Это они вышли на сухую боровинку, спугнув лосей. Старший из приезжих, седой, лет пятидесяти, всегда хмурый мужик, велел Кузьме копать яму, а Матвею – вырубить и окорить еловый трёхаршинный кряж. Поставили первый, с вырубленным окном столб. На нём старшиной была сделана замысловатая запись толстым графитовым карандашом. Он же отметил столб в серой тетради каким-то ему одному известным значком. Когда же понадобились вешки для разметки просек в бору, самый молодой из гонцов схватил топор и уже замахнулся над нашей лиственничкой, но вдруг услышал грозный окрик старшого: «Цыть! Заповедано! Царёво! Не сметь!» Парень аж присел неожиданности, топор скользнул из рук и воткнулся в землю.

Второй раз далёкий царь спасал лиственничку от ранней гибели, а Орловская роща с тех пор заимела редкий в те годы документ, где были нанесены её очертания и много разных, только лесоведам и географам посильных сведений.

Глава 3

С тех пор через каждые десять лет приезжали царские люди, что-то мерили, нанимали мужиков чистить от поросли и валежника просеки, а где и сам лес.

Кузьма и Матвей исправно несли службу и, бывало, не уходили домой на ночь: жалко было растрачивать силы на дорогу. Рябчиков в силки наловят, карасей вершами в пеньевской лыве достанут, тем и отужинают и отзавтракают, а на обед и времени не хватало. Но самое удивительное было, что им ещё и деньги платили.

Невелики, правда. Но три семишника каждый месяц, хоть дождь, хоть метель, привозили обязательно. Мужики, удивляясь, ставили кресты против своих имён в бумагах с печатью и отдавали семишники бабам, разумея, что те лучше распорядятся.

Весной как-то ночевали на кирикинской пожне. Костёр развели. Смородинных молодых почек заварили. Щуку в глине запек-

ли. Кузьма добавил в костёр дров, повесил рукавицы сушиться и задремал.

Матвей тоже утёрлся, но не спалось. Сорок лет прошло с того утра, когда искали они девок и баб, не вернувшихся с Куманёвского болота. Нашли у Павшинского камня.

И до сих пор, будто бы это было вчера, в глазах: подводит он храпящего и стреляющего глазами Белолобого к худенькой, хрупкой Дарье. Надо подсобить ей забраться на жеребчика, но за что подхватить? А потому неловко схватил за талию, самое, как ему казалось, безопасное место, и с размаху, словно мешок, бросил на круп лошади. Жеребёнок отпрянул. Дарья упала. Вот тогда словно кто-то шепнул ему: «Не твоя она невеста, коли удержать не мог». Молча сел, протянул девушке руку, и она тут же оказалась на тёплой спине коня, охватила Матвея за грудь. Понудил. Белолобый словно этого и ждал, подхватил с места в галоп. Не останавливаясь, доскакали до орловской излучины. Спешились и молча пошли в разные стороны, ни слова не обронив. Ох как хотелось Матвею оглянуться, но он заставил себя сделать ещё несколько шагов и только тогда посмотрел в сторону ушедшей Дарьи. Она, перебирая в губах травинку, тоже смотрела на него.

Отвернулась немедля. Да поздно Дарьюшка, родная. Не в хмуrom осеннем небе, а прямо здесь, на берегу спокойно несущего воды Юга, вспыхнула вечно юная звезда любви. Взлетел Матвей на потную спину жеребчика. Поднял на дыбы. И пустил лугом. Ликовало сердце, летело впереди хозяина, наслаждаясь неизведанной радостью. Хотелось кричать от любви и восторга, чтоб Сам Господь услышал и возрадовался.

Но жеребчик вдруг словно споткнулся, и всадник повис у него на шее. Осмотрелся. В метре от лошадиной морды стоял отец:

– Я те покажу, как коня палить! Я тебе покажу, дьяволёнок, как отцово добро переводить! – Отец замахнулся приготовленным по такому случаю колом. Белолобый, вместо того чтоб рвануть в сторону, резко бросился вперёд, и человек, чтобы не быть сбитым конской грудью, вынужден был отскочить в сторону.

– Тьфу, леший! Откормил на свою шею, – ругнулся отец. – Ну, погоди, Матюха, я те это не прощу. Мало того, что сам от рук

отбиваешься, так и лошадь испортил. Дело ли – на людей бросается? – и вдруг как-то потерянно: – Вот бумагу несу, в рекруты тебя забирают.

Отбросил кол и, широко распахнув руки, шагнул навстречу, стрёб сына со спины жеребчика, обнял и затрясся в немом плаче.

У Матвея тоже зажгло в глаза. А за отцовской спиной, прижимаясь к земле, низко, едва ли не над самыми вершинами деревьев, тяжело клубились отливающие свинцом облака. Чёрные птицы, словно летающие кресты, носились над куполом Троицкой церкви.

– Ничего, тятя! Я вернусь. Мы с тобой еще хайрузов в Куромше половим. Белолобого береги. И... – Матвей замолк, словно раздумывая, – ещё прошу, Дарьиной матери помогай при случае. У неё шестеро, в худой год не прокормить без помощи.

Матвей и сейчас помнил вскинутые недобро длинные отцовские брови. Грозен взгляд родных глаз, да на миг лишь и грозен. Вот уже потеплел, и без слов стало ясно: поможет! Оттолкнулся отец от сыновьей груди и пошагал быстро, словно стараясь обогнать облака.

Дарья, как узнала, что Матвея заберут, словно с ума сошла. Она всюду его находила, звала за деревню и, несмотря на материнские увещания, приходила домой под утро. Бабы, осуждая девичью откровенность, сначала шептались у колодца, но вдруг отступились, и Матвей с Дарьей всё время, кроме управы со скотом и работы на гумне, были вместе.

Матвей вспомнил, как они поцеловались первый раз. Горячи и сладки были Дарьины губы. Вспомнил, как после поцелуя их затрясло неудержимой дрожью. Темнело в глазах от любви и нежности.

В день проводов Дарья вырвалась из материнских рук, бросилась на шею и кричала при всех: «Потеряю я тебя навсегда, Матвеюшка! Не езд. Пусть нас вместе убьют! Не уезжай, ради Христа!» Её оттаскивали, а она билась, обхватив Матвея за шею. Он успокаивал как мог, гладил её мягкие, чуть отдающие позолотой волосы, и от жалости снова жгло глаза. Вдруг она затихла, опустила руки и отошла, словно слепая, к матери и сёстрам.

– Эх! – выдирая внутренности, вырвалось у Матвея. Он бросился поперёк в ждущие его розвальни. Лошадь понесла. И уже через несколько минут никого не было видно.

И при взятии Орешка, и под Полтавой с этим «эх!» он врезался в ряды шведских эрнадер и крушил направо и налево, уже ничего не страшась. Никто, да и сам он, не знал, что было больше в его отчаянном «эх!». Тоски ли по оставленной Дарье или ненависти к врагам, из пушек стрелявших по его несбывшемуся счастью.

Именно под Полтавой произошёл с Матвеем случай, который изменил жизнь.

Однажды его вызвали в офицерскую палатку. Незнакомый молодой офицер в разорванном на плече мундире как-то совсем не по-военному попросил: «Достань шведа ночью, что-то шумно у них на позициях. Перекинут, не дай Бог, за ночь артиллерию на левый фланг и угостят поутру шрапнелью. А у нас там хлипко. Рекруты-новобранцы, убитых заменившие, не выдюжат. Притащи шведа. От всех тебе за это награда будет. Меньшикову доложу».

– Награды не надо, – осмелел Матвей. – Домой бы.

Офицер нахмурился.

– Девке под подол захотелось, а Русь погибай? Все вы, упакки чёртовы, одним миром мазаны! Неуж не поймёте, сиволапые, что при победе шведские йомены ярее наших драть будут. Но тебя отпущу домой. Слово даю. Только ты уважь. Достань шведа. И ещё вот что: никому ни слова. Офицер по-ребячески приложил палец к губам.

Позиции шведов были недалеко. При попутном ветре слышен был гул неприятельских голосов и резкие крики офицеров.

Ничего, кроме заветного ножа, верёвки и мытой онучи, не взял Матвей. Так рассудил: стрелять себе дороже. Шведы тоже тёртые, быстро сообразят что к чему, и тогда живу не бывать.

Сейчас уж Матвей не помнил всех подробностей того дела, помнил лишь, что, когда замер у шведского рва, луна осветила. В пяти метрах левее себя увидел играющих в непонятную игру двух шведов. Перед ними стояло что-то похожее на чурбан, на котором горела свеча. Ближний к Матвею швед то и дело вскрикивал, то радостно, то зло, и поправлял висящую через плечо

кожаную сумку. Его товарищ, видимо выигрывая, всё норовил сорвать сумку с проигравшего, тянулся к ней, но после ожесточённого отпора продолжал играть как ни в чём не бывало. Матвей ждал. С молодых ногтей знал он, что терпение и охотничий фарт ходят рядом. Луна скрылась за облаком, и тут произошло то, что лучшего нельзя было и ожидать: шведы разодрались. Ужом скользнул воин к своим жертвам. Не прошло и минуты, как один из игроков навечно замер, а второй с онучей во рту прижимал к себе сумку и следил за Матвеем ошалевшими глазами. Солдат старательно связал ему руки и потащил, ухватив за ворот, подальше от неприятельских позиций. Уже ясно завиднелись костры русского бивака, и Матвей, из чистого любопытства, стащил с пленного сумку и раскрыл её. В первом кармане были бумаги. А во втором, поменьше, с отдельной завязью, тихонько позванивали цепочки, кольца и перстни. Видел такие у устюжских купцов на пальцах. Удивился Матвей, не понимая, зачем шведу на войне побрякушки с собой таскать. Наверное, грабанул кого? Нелюдь.

Офицер, обрадованный пленнику, вытащил из сумки бумаги и бросил её солдату:

– Возьми, пригодится награды складывать. Спас ты меня. В долгу не останусь.

– А как же с этим быть? – Матвей вытащил из сумки пригоршню драгоценностей.

Офицер мельком взглянул на играющие в пламени костра кольца и перстни и с грустью в голосе сказал: «Мне они точно не пригодятся. В казну сдать, так украдут и шлюхам смазливый раздарят. Вот и получается, солдат, что Сам Бог послал их тебе в награду за услугу твою и смелость. Спрячь пока и владей. Ты даже не представляешь, как дорого они стоят, и объяснять зря. Всё равно не поймёшь. Береги. Жаль, убьют меня сегодня. Много наших убьют. Как тебя звать? Матвей. Запомни, Матвей, Господь, одних одаривая, верит, что щедростью они на Него похожи будут. Не пытайся обмануть Господа. Пойди приברי подальше побрякушки. Помалкивай. И я молчать буду.

Ушёл Матвей тогда в лес и зашил драгоценности в нательную рубашку. Уснуть, как и сейчас, не мог. А уж в шесть утра такая баталия началась, что он и очнулся-то уж в полевом лазарете, когда

кровяную рубаху с него содрать хотели. Мутнело сознание, но сил хватило отобрать её у санитаря и под голову пихнуть. В том кровавом аду санитарам не до рубах было: солдаты умирали ежеминутно. Очнувшись на следующее утро, он обнаружил рядом с собой знакомого офицера. Тот умирал. Но очнулся было и узнал Матвея.

– Вот и встретились, солдат Матвей.

Умру я, братец, скоро, а неохота так вот уйти, не исповедавшись. Да нет священника. Ночью убили. Так что ты за него побудь. Послушай. Так получилось, что в 1698 году, когда нас повели на плаху, был я самым молодым из стрельцов. Царь сам пятерым отрубил головы. Вот уж очередь и до меня дошла. Подхожу. Он молод, а я ещё моложе. Встрелились наши глаза, словно молнии над плахой сверкнули. Не знаю уж, что случилось, но сделалось царю худо, и он, бросив топор, походя уж, крикнул, на меня показывая: «Этого оставить!» Я и остался. А товарищей моих кого обезглавили, кого повесили, а иных просто утопили. С тех пор поклялся я для всех невинно убиенных построить такую лестницу в Небесное Царство, чтобы могли они, если захотят, вернуться на землю и дожить отнятые у них годы, до старости чтоб. Несбыточно, конечно, но, когда тебя из сотен твоих товарищей живым оставляют, в чудеса верить начинаешь. Да и ты со шведским золотом не зря Господом перед смертным моим часом ко мне направлен был. Построй лесенку, вдруг получится. И вернёмся мы по ней, чтобы слёзы материнские, вдовьи да сиротские утереть. Как-то так, братец, думается: чужого не надо, а своё дожить бы хотелось. Посмотреть, как оно дальше повернётся. Не напрасны ли гибели наши? Ты себя береги, я вон на что озорным был и смерти никогда не боялся и сейчас не страшусь – только жить-то, братец, ой как охота!

Слеза выкатилась на серую офицерскую щёку, да так и замерла. Глаза ещё смотрели в грязный потолок палатки, но ничего уже не видели. Матвей с опаской протянул руку и закрыл их. Слезинка уже остыла.

С того дня худо спалось Матвею, а рука то и дело сама шарилась под головой: тут рубаха-то? Потом был госпиталь недалеко от Днепра. А потом встреча с Кузьмой и Дарьей. Попил тогда, стараясь утопить сердечную боль. Корил, конечно, Бога за не-

справедливость судьбы, да вдруг вспомнил офицера того и сотни изуверченных товарищей своих – и смирился. Про лестницу же никогда не забывал.

Как-то осенью получилось побывать в Устюге. Зашёл к перекупщику. Тайно показал взятый перстень. Тот хоть и хитёр был, да не удержался, охнул от восхищения: «Чудо невиданное! Ты хоть представляешь, сколько этот перстень стоит? Дом за него можно купить. Я с тобой играю! Всю цену дам, не обману. Только, сам понимаешь, это на московских купцов надо выходить. Заём нужен. Ты уж не продай кому и не показывай вещицу-то. Слово даю, наскребу деньжонок».

Перекупщик, подумав, назначил время для покупки. Матвей вышел от него озадаченный, думая, если один перстень дом стоит, то получалось, что он богач и всё, что захочет, сделать сможет. Не поверилось даже самому себе. Спрятать надобно подальше. Не ровён случай, найдут ребятишки на чердаке. Ползают везде. Недавно недалеко от тайника кошка окотилась, так они уж тут как тут.

– Кузьма, свалишься в костёр. Вставай. Сейчас моя очередь.

Напарник как будто и не дремал, поднял голову и отодвинулся от костра:

– Конечно, спи. Я уж как новый, отдохнул. Зипун мой подложу, всё не на сырой земле лежать. – Кузьма подбросил одежду через костёр.

Мысль о строительстве лестницы, хоть и казалась несбыточной, но спрятанные драгоценности и офицерская предсмертная клятва, ему переданная, не покидали Матвея. Понимая, что самому ему с таким хитрым делом не справиться, нашёл он с помощью того же перекупщика седого как лунь уставщика по железному делу и долго думал, как приобщить к этому и Кузьму. Следующей весной пришлось им проходить около Павшинского камня. Весь день вырубали еловую подсадку на влажном участке роши, а потому решили отдохнуть.

Присели на камень. Матвей начал издалека:

– А чего, Кузьма, вдруг под этим камнем сокровища спрятаны? Может, проверим? Я намеднись сон видел про клад, а вдруг сон в руку?

Кузьма рассмеялся:

– Откуда здесь клад? Во всей округе ни ныне, ни присно ни одного богатого мужика не было. Да и чем копать-то? Лопаты нет.

– Ты посиди, – радостно поддержал разговор Матвей, – я сей момент из кряжа их вытешу. Песок здесь, легко пойдёт. Достав из-за пояса топор, он тут же спустился к невысокой ели и принялся рубить.

Кузьма осмотрел основание камня. В одном месте песок, почему-то не оброс мхом, лишь три хилых росточка пырея торчали в разные стороны.

– Вот тут и копать надо. Слабое место, – подумал мужик и руками начал расчищать место от валежника.

Полчаса не прошло, а Матвей уже возвращался с двумя деревянными лопатами на плече.

– Ох и дурни мы с тобой, Матюха, ой дурни. Узнает кто, что мы клад ищем, да расскажет – курица захохочет. Я олонесь тоже сон видел: будто строим мы с тобой лестницу, да не куда-нибудь, а в Царствие Небесное. Высоко поднялись, вот оно, рядышком, Царствие, а у нас, как напokaсть, одного пролёта не хватает. Сели, кумекаем, что делать. Вдруг внизу пыхтение послышалось: батюшки светы, мужичок знакомый с Наволоку лезет. Мокрый весь, а на нас никакого внимания. Делез до последней ступеньки и – надо же – вознёсся, только лаптем как-то неловко болтанул, и тот слетел вниз. Я всё как наяву видел.

Проснулся обыкновенно дома. Но заело что-то. А в тот день пришлось в Мармугино к родственникам идти. Они мне рассказали, что в Наволоке в озере мужик утонул. Только дубас и лапоть нашли, плавают недалеко от деревни. Ветром унесло.

– Вот видишь, Кузя, сон-то сбился. Давай копать. Не ровён случай и повезёт.

Песок поддавался легко, и через час работы под лопатой Кузьмы что-то гулко стукнуло.

Матвей руками раскопал и достал небольшой обитый жестью ящичек. Долго крутил его, вертел и наконец открыл. У Кузьмы зашевелились волосы: на дне ящичка на моховой подстилке лежали женские серьги, кольца с невиданными камнями и золотые кольца.

Только и выдохнул: «Клад!»

– Ну вот видишь. А ты завёл: не было богатых, не было богатых. В наших краях, я слышал, татары и те побывали. Может, ещё с тех времён лежал клад-то. Нас ждал. Вот тебе и лестница, которую ты во сне видел. Только помалкивай, а то найдётся хозяев-то. В Устюг надо. Там знакомый есть по этому делу. Обменяем всё это на деньги и начнём строительство.

Легко сказать, да нелегко сделать. Два года искал перекупщик покупателей. Кого ни найдёт, а всё мошна тонка, чтоб сокровища выкупить. Ждать да догонять, нет хуже. Друзья, чтобы не вызывать подозрений, всё в затрапезном ходили.

Наконец-то нашёлся ростовщик московский, купил драгоценности те. Не перекупщика бы хватка, так Кузьме и Матвею век тех денег не пересчитать. Увидел тот, что не совладать мужикам с денежным счётом и согласился помочь. Пришлось его в пай брать да жалованье платить. Да и мастера по железному делу с бригадой тоже взяли. Шутка ли, такой почин сотворить!

Перекупщик с огня рвёт: витое серебро партию за партией посылает. Мастера всё на земле собирают, пролётами по десять аршин. Толково у них получается: каждый пролёт на аршин друг в друга входит. Матвею не понравилось сначала, думал – ненадёжно. Проверил лошадью на изгиб – ничего не получилось. Лошадь в мыле под кнутом танцует, а соединение и не думало поддаваться. Ничего не сказал, только, будто в ярости, пнул по лестничному переченьку, но и тот выстоял. Улыбнулся довольно, мастера по плечу похлопал. За полтора года собрали пролётов – сумасшедшее дело, и давай их в небо один за другим подталкивать. Народу, правда, пришлось ещё позвать: тяжёлая оказалась лестница, да и сколько ни толкают, всё в Царствие Небесное не упирается. Один мужик за штоф наладился слазить посмотреть, далеко ли ещё. Но вернулся, не долез до конца, голову, видите ли, закружило. Мужичишко-то, надо сказать, дрянь, драчливой да занозистой, лентяй к тому же. Случись с ним чего, никакого бы убытку обществу не было.

И голову-то у него с похмелья кружило, а ни от какой не высоты. Пополез, поди-ко, невысоко, лишь бы от народу спрятаться, а потом штоф выторговать, да и шашть назад.

Наврал бы, конечно, с три короба, но заметили мужики, кто за лестницу возьмётся, сразу только правду говорить начинает. Как на исповеди, да ещё чище, пожалуй.

А ведь некоторые мысли иногда хуже человека быть могут. В общем, тот мужик правду сказал. Хотел соврать, а не мог. Пробурчал только невнятно: «Пусть кто другой лезет, а я сам хочу в бане мыться. Навернётся с вашей лестницы, старухам придётся мыть, если что останется». Расстроились уж было строители. А Матвей и Кузьма наперебой за лестницу хватаются, вверх хотят, а народ их не пускает: «Умыкнёте, – кричат, – по случаю в Царствие Небесное, а кто за работу рассчитываться будет?» И вдруг подходит неказистой такой старичок, седая борода причёсанная да глаза голубее летнего неба, таких полно на Руси, и бает: «Давайте, робята, я слазаю. Мне уж столько годков, что и счёт потерял. Послужу напоследок обществу, какая ни на есть польза. Только сдаётся мне, мужики, зря вы лесенку построили. Я так полагаю, что Царствие Небесное только для наших душ уготовано. А по вашей лестнице всякой наберёт провианту и в рай самотопом поднимется. Неправильно это: телу место в земле. От неё пришёл, в неё и верни нажитое. Ну ладно. Слазаю, разведая.

Эх! Был бы я моложе, разве полез бы? На земле-то матушке всего впору для трудящегося человека: кони лихие, бабы баские, хлебушек опять же, дождик с живой водой, речка с живой рыбой, лес с ягодой, грибом и зверьём разным. А долгой зимой как сладко о весне тоскуешь? Не высказать. Давай подсаживайте, а не то отдумая».

Старика честно отговаривали. Но упрям оказался. Тогда Матвей отозвал его в сторонку и попросил передать полтавскому офицеру и его товарищам стрельцам, что завет их он выполнил и ждёт на землю на хлеб-соль. Перекрестил и посадил на ступеньку.

Аршин на восемь поднялся дед, посмотрел вниз и крикнул: «Чуть чего, робята, у меня голубок есть. Во! – Старик пошарил за пазухой и вытащил красивого белого голубя. – Я с ним письмишко пошлю. Оставайтесь благословясь». Старик скрылся за облаками.

Народ подождал, подождал да и разошёлся по домам. Дольше других ждали весточки от старика Матвей и Кузьма, но земные дела позвали и их.

А однажды ребятишки поймали на Троицкой церкви голубка с записочкой на лапке.

Принесли Матвею, а так как тот был неграмотен, побежали за Кузьмой.

Дед подробно отписывал, что до Царствия не хватало ещё пролётов восемь. Но по слабости сил и похудения от подъёма он, аки пушинка, вознёсся и достиг райских кущ как раз во время обеда.

«Офицера того и стрельцов по одежке сразу узнал и всё передал. Шибко робята тому известию порадовались, но сообщили, что на землю отсюда никого не отпускают даже в сутошное увольнение. Благодарят за сердечное отношение к памяти о них, а офицер даже сказал такие слова: "У живых есть единственная возможность поблагодарить ушедших – не забывать"».

Много интересного узнали крестьяне из стариковской весточки. Но Матвей более всего был доволен вестью об офицере.

Проходили годы, уходили старики, выросли дети. Словно услышав тревогу людей о судьбе серебряной лестницы, дерева Орловской рощи подняли её на своих ветвях и сомкнули кроны. С тех пор её могут увидеть только дети и добрые, светлые помыслами люди. Да и это случается только в особые, для всех памятные дни, когда вспоминают об ушедших. Стоят, сменяя друг друга, словно часовые, рукотворные геодезические знаки, более трёх веков честно охраняя созданное природой чудо – Орловскую рощу. Живёт всем ураганам, войнам и бедам вопреки три века назад спасённая царским словом лиственница. Когда люди научатся понимать голоса деревьев, они узнают от неё много интересного и поправят мой рассказ.

ЖЕНСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Из глубины веков дошла до нас легенда о том, что в 1140 году король Германии Конрад Третий, разозлённый упорным сопротивлением жителей Вайнесберга, приговорил к смерти всех мужчин этого города. Но женщинам позволил уйти и унести на руках то, что они считают самым драгоценным, а может быть, нужным

в хозяйстве. Как и все мужчины, имея смутное представление, о женских ценностях, он, конечно, надеялся, что это какая-либо дорогая косметика или сковорода с несгораемым покрытием. Ошибся. С кем не бывает. Но каково же было удивление завоевателей, когда они увидели, что выходившие горожанки выносили на плечах своих израненных мужей. Конрад, может быть, и пожалел, что допустил такую оплошность, но королевское слово осталось неизменным.

Современные циники навязывают нам мысль, что поведение женщин было никаким не подвигом, а проявлением коварной женской хитрости. Мол, спасая мужей, они надеялись нарожать таких детей, которые, повзрослев, покажут завоевателям кузькину мать. Как бы в дальнейшем ни развивались события, но то, что женщинам Вайнесберга в голову не пришло выносить, скажем, кастрюлю или норковую шубу, а сберечь от верной гибели своих мужчин, является подвигом самого высокого достоинства.

А сейчас, дорогие читатели, я попрошу у вас разрешить мне такую вольность, как представление тех событий в свете настоящего времени. Естественно, что и использовать в повествовании мне придётся современные русские слова. Так, я надеюсь, мы избежим необходимости то и дело заглядывать в русско-немецкий словарь.

Литературное творчество и знание истории дают нам возможности не только воспроизвести картины прошлого, но и оживить, в некоторой мере, живущих тогда людей.

Итак, представьте разрушенный город. Защитники и защитницы отступили под своды древней крепости, где можно было укрыться от навесных стрел противника.

Поблажка короля ставила перед женщинами вопрос: что прихватить с собой? Надо сказать, что из-за частых войн мужское население города сильно поредело. Этот факт заставлял женщин и оставшихся мужчин сходиться и жить без венчания в церкви. Это же подстёгивало сердобольных родителей выпихивать в жёны старикам своих малолетних дочек (мол, стерпится – слюбится). Если же мужчина был совершенно неблагонадежным, а замуж всё-таки хотелось, заключался брачный контракт.

Объяснять, что это за сделка, современному просвещённому читателю нет необходимости.

Справедливости ради, надо отметить, что большинство было всё-таки тех, кто состоял в законном браке и мечтал продолжать жизнь, имея под боком любимую или любимого, «пока смерть не разлучит нас».

Страх смерти хуже смерти, и у каждого защитника города были свои мотивы испытывать его. Молодые жалели, что многое из того, о чём они слышали из рассказов старших, им так и не удастся увидеть. Пожилые беспокоились о будущем страны и детей. Богатые кусали локти и негодовали, что богатство, ими нажитое, не открывает им дорогу в бессмертие. Бабка с косой, которой они мечтали предложить взятку, оказалась до извращения честной и делала своё чёрное дело, невзирая на должности и золото.

Если жизнь не считать ценностью, то бедному жалеть нечего, но всё равно как-то неловко. Давно ли служил подпаском, и к нему таясь прибегала девчушка из заречного хутора. Боялся её даже поцеловать, считая, что от поцелуев рождаются дети. Так и сидели они обнявшись целый день, отгоняя друг от друга комаров и слепней, наблюдая, как жадно коровы сощипывают траву. Наверное, это и есть счастье – сидеть вот так и, чувствуя волнение и нежность к курносой девочке, говорить всякую ерунду и мечтать. Где-то она сейчас? Может, это и хорошо, что мы, повзрослев, пошли разными дорогами? Может, именно лёд разлуки сберёг любовь в той чистоте, в какой она пришла в наши жизни. Что смерть? Всё равно не вернуть тех счастливых минут, ради которых мы приходим в этот мир. Но и не отнять их.

Всё меняется, только чувства наши и тех, кто был до нас, остаются одинаковыми. Одинаково больно от ожога, радостно от тепла и весны, страшно от темноты, страшно терять близких.

Потому не так уж трудно представить, какой разговор происходил между мужчинами и женщинами в экстремальных, как сейчас говорят, условиях старой крепости.

Возьмём, к примеру, парочку, жившую в гражданском браке и вполне друг к другу притёршуюся. Она смотрит на своего граж-

данского мужа, ревёт, как положено, от жалости. А он, сплёвывая кровь, говорит ей страшные слова:

– Вот, Эмма, пришёл мой черёд умирать. Оставляй меня, я не обижусь, только жаль, что дом и скот тебе не достанутся, а наследуют две дочки и моя законная жена. Она все уши мне прожужжала, что немедленно умрёт, если я уйду или погибну.

Так получилось, что, совсем не желая её смерти, я полюбил тебя и ушёл. Душа моя терзалась от мысли, что вот-вот брошенная мной жена выполнит обещание и пожизненный грех омрачит моё будущее. Ничего подобного. Мало того, что она осталась живее всех живых, так ещё устроила нам скандал и родила двойняшек. Так что, Эммочка, мужа тебе надо искать с жилплощадью.

Женщина Эммочка перестаёт плакать и с удивлением смотрит на своего сожителя:

– Ах ты зараза, что ж ты мне раньше ничего не говорил, что женат и детей имеешь? Ну ничего: «на всякого хитреца довольно простоты». Вытащу я тебя. Вылечу и в церковь сведу, где тебя с первой женой разведут, а со мной зарегистрируют, как и положено, задним числом. Залазь. Тяжёлый какой. Кормила вдоволь, не знала, что тащить придётся. Ничего. Своя ноша не тянет, особо если понятие иметь, сколько ты для себя разного имущества движимого и недвижимого волочешь. Ну, с Богом!

В каземате, где прячутся те, кто живёт в условиях брачного договора, тоже идёт напряжённый разговор.

– Так и так, пожили мы с тобой, Грета, ничем нашего контракта не нарушив. Да и то сказать, плата за нарушение была уж непомерно высока. Например, сходил я на сторонку, а тебе добрые люди доложили – то и быть бы мне голому, несмотря на похолодание. А у меня лёгкие слабые. Потому греха моего перед тобой нет. Да и куда денешься, если ты тот договор большими буквами написала и повесила у себя на кухне, в нашей спальне и в стойле моей любимой лошади Картинки, на которой я на охоту выезжаю. Почитаю – и даже в животе что-то похолодеет от страха: вдруг какой пункт нарушу? Да не реви ты! Десять лет мы жили с тобой притворяясь и соблюдая договорённости. Ничего, кроме их, нас не связывало. Всё, начиная от свадьбы, было ложью. Гости

на свадьбе притворялись и хором кричали «горько!» и считали, сколько секунд мы сможем изображать поцелуй. А как твой отец ликовал, что тебя на моё иждивение сбросил. Ладно, не обижайся. Но должен тебя маленько огорчить. Мой папа тоже тёртый калач. Половину причитающегося мне наследного имущества на меня не переписал, и в наш контракт оно не вошло. А недавно он умер, но успел мне шепнуть, где найти последнее его завещание. Так что, если ты меня вытащишь, я тебе ещё и заплачу. Возьми лучинку, обмакни в мою кровь и укажи сумму. Да особо не жадничай, а то останешься ни с чем. Половину? Многовато. Давай треть и по рукам? Согласна. Ну тогда тащи.

Грета, всхлипывая, собрала узелок, погрузила его и мужа на тачку и потащилась, проклиная судьбу.

В соседнем каземате решалась судьба седого как лунь старика, к тому же тоже раненого. Молодая, в самом расцвете сил и лет, хорошо одетая, с родинкой около правого глаза, женщина сидела возле мужа и думала, как с ним поступить. Задача была сложной; она перебирала события своей жизни с человеком, годившимся ей в отцы, и мысленно, словно на весы, укладывала их. К удивлению, хорошего тоже было немало.

В шестнадцать лет она, будучи вольной и капризной девочкой, забеременела. Её мать, как только узнала о грехопадении дочери, незамедлительно приступила к поиску жениха и нашла вдового богатого барона пятидесяти пяти лет от роду.

Дочка в тот же час получила задачу выйти замуж за этого титулованного старика и приложила к её исполнению всё обаяние молодости. Медлить было нельзя, потому что ребёнок под зелёным платьем торопился стать всенародным достоянием, и тогда уж позора не избежать. Ханна, так звали будущую маму с родинкой у правого глаза, сдалась. Честно говоря, почувствовав при первом приближении будущего мужа, противный запах средства от моли, она хотела пойти на попятную. Но ребёнок, там, внутри её, топнул ножкой и настоял на немедленной регистрации. Сыграли свадьбу. А скоро она родила, и хоть муж изумился столь раннему непорочному зачатию, но виду не подал. Титул не позволял устраивать жене допрос с пристрастием, и они жили так же, как и до появления ребёнка.

Если бы Ханна увидела того человека, который первым сказал, что запретный плод сладок, она тут же бы выцарапала ему глаза. Да, всё, что предшествовало появлению этого плода, было занимательно и приятно. Но когда он, вечно плачущий, пачкающий пелёнки и не дающий выспаться, начал осваивать мир, она почла это за удар судьбы и поставила мужу задачу немедленно найти кормилицу. Ребёнка увезли. И что-то перевернулось в душе. Вместо того чтобы наслаждаться жизнью молодой, не обременённой обязанностями женщины, она почувствовала такое опустошение и тоску, что едва не сошла с ума. Ребёнка пришлось вернуть. Велика сила материнской любви; когда малыш снова прилип к её ставшей твёрдой груди, она почувствовала себя счастливой.

Но сейчас беды набросились на барона. При одной мысли, что он не всегда может проявить свои мужские возможности, он злился и впадал в отчаяние. Узнал у какой-то старухи, что при его напасти помогают сырые яйца, мёд и петрушка, и тут же велел жене и прислуге завести сотню кур, десять семей пчёл и пол-огорода засадить петрушкой. К удивлению, Ханна с радостью принялась за хозяйство. Мало того, находясь среди кур, пчёл и зарослей петрушки, она чувствовала себя даже лучше, чем с людьми, которые вечно чем-то были недовольны и сплетничали.

Здоровье барона не улучшалось, и однажды он уехал в дальнюю деревню, к знахарке. Привёз от неё небольшой пузырёк с лекарством и, не прочитав приложенной знахаркой записки, выпил залпом его треть. Не прошло и четверти суток, как Ханна увидела некоторые странности в поведении мужа. Она нашла выброшенную мужем записку знахарки, прочитала и всё поняла. В записке, в строке показаний, числилось два страшных для мужчин слова. Зато в графе «Побочные эффекты» она прочитала целых двенадцать строк, самыми безобидными из которых были: расстройство желудка и расстройство памяти. Так вот, сбылись именно эти эффекты.

Барон хотел немедленно ехать к шарлатанке и расправиться с ней, но непорядок в желудке и забывчивость не позволили ему это сделать. Кстати, от знахарки наавтра же приехал гонец и подал другой пузырёк и записку, в которой сообщалось, что

первый пузырьёк она пользует для отворота от негодных женщин и подала его по забывчивости, что надо немедленно употребить всё содержимое второго пузырька, и действие первого прекратится. Барон тут же опрокинул в себя пузырьёк, но возможности его так и не улучшились.

А тут приболела жена и, глядя на её измученное лицо с милой родинкой у правого глаза, барон всё более испытывал какое-то щемящее чувство жалости и давно забытое им чувство отцовства. Он немедленно вызвал пять лучших врачей, и те под страхом быть повешенными вылечили баронессу. Болезнь отступила, но испытанное у кровати больной женщины чувство отеческой любви так и осталось. Когда барон понял, что свою мужскую состоятельность ему уже не вернуть, то, желая загладить свою вину, готов был пригласить жене молодца. Но та отвергла предложение, и это так обрадовало его, что прислуге тут же было дано задание отрубить головы всем курицам, отпустить пчёл и вырвать, к чертям, всю петрушку. Жена, узнав об этом, подошла к нему, обняла и, ласково заглядывая в выцветшие глаза, попросила отменить побоище. Вы когда-нибудь пробовали отказать женщине в такие мгновения? Не получилось. Это же произошло и с бароном. Он растаял, как снежинки, упавшие на ладонь, и тут же отменил казнь.

Однажды баронесса, как сейчас звали Ханну, собирала в саду вишню. Вдруг тихий шёпот за яблоней, растущей недалеко, заставил её прислушаться. Никогда и ни от кого она не слышала таких ласковых, щемящих слов, какие говорил деревенский паренёк девушке из её прислуги. Сначала она хотела возмутиться, но любопытство взяло верх, и, оставаясь незамеченной, она слушала и слушала сладкую музыку чужой любви. И вдруг поняла, что, поступив в юности столь опрометчиво, а потом выйдя замуж по мамкиному указу, она обокрала себя и уже никогда и никто не скажет ей таких горячих, таких чудных слов, какие она слышит сейчас. Только это сворованное ею мгновение открыло другой мир и позволило понять, почему люди поют песни, читают стихи, сочиняют такую музыку, звучание которой заставляет грустить и смеяться. «Вот она какая, любовь», – подумала женщина и вспомнила, как в ранней юности взрослые парни, добываясь своего,

тоже пытались говорить ей про любовь, но это были другие слова: или откровенно хамские, или неискренние и слащавые настолько, что ей немедленно хотелось бежать домой и выпить уксуса.

Чтобы не спугнуть влюблённых, баронесса, как могла, осторожно, покинула вишнёвый куст.

А потом началась война, и барон преобразился. Отбросив все свои гражданские переживания и даже болезни, он воспылал любовью к родному городу и развил кипучую деятельность по его обороне. Вскоре его ранили, и вот сейчас он лежит на топчане, мучаясь от боли и бездействия. Ханна вытирала пенящуюся кровь, стекающую с губ на шею мужа, когда забежала соседка, та, что жила по контракту.

– Собирайся, нас выпускают с самым дорогим, что у нас есть. Его брось, – мотнула головой в сторону барона, – всё равно не жилец. Освободишься хоть. Поживёшь вволю.

На что Ханна грубо ответила:

– Сама решу. Уйди.

Кто знает, какие мысли роились в голове женщины? С одной стороны, чего старика тащить, всё равно скоро умрёт. Но ведь это он буквально вернул её с того света, когда она болела. Это он ни одним словом не упрекнул её за родившегося ребёнка. Мало того, записал его на свою фамилию и потакает всем его желаниям. Надо же такое сказать: «Брось!» Пусть своего бросает. А я своего вытащу. Решение успокоило её, и она собрала всё необходимое для выхода из города.

Старик был лёгок, и Ханна без труда вынесла его к подготовленной для такого случая бричке. Вместе с прислугой она впряглась в верёвочную упряжь и потащила повозку к городским воротам. Вот и они.

Осторожно, чтобы не потревожить рану, развязала путы, удерживающие барона, и попросила:

– Давайте, Берхард, тихонько забирайтесь мне на спину и держитесь крепче за шею.

Когда они вышли за ворота, все уходящие из города остановились от удивления. Разные слова доносились до неё от горожан, но напряжённо бьющееся сердце молодой женщины радовалось, может быть, самой первой и самой важной её победе.

Город пустел на глазах. Даже гуляющие женщины, которых сейчас называют уничижительными словами, подбирали раненых, у которых не было жён, и волокли их за городские стены. Правда, рвение их в этом деле было больше связано со слухами, что Конрад, имевший неприятности после общения с одной из их неубиваемого племени вдруг заболел и в приступе высокой нравственности поклялся вешать всех, кто к этому племени имеет хоть какое-то отношение. «Ну и гад, – шептались между собой развратницы, – он с какой-то налетел, а мы все виноваты». Но и в опустошённом городе оставаться не было никакого резона.

Только в двух казематах непривычно безлюдной крепости слышался тихий говор. В одном собиралась выходить старушка лет семидесяти. На полу, застеленном циновкой, умирал её израненный старик. Забинтованная грудь тяжело поднималась при дыхании, но сознание ещё не покинуло его.

– Вот я и отжил своё, старуха. Оставляй меня. Если даже и вытащишь, проку от меня не будет. Ты и такхватила со мной горюшка. Оставляй. Возьми с собой чего-нибудь из посуды и уходи. А помнишь, как ты, если набедокурю чего, горшками бросалась? Хорошо хоть, я сам их делать мог, а то бы не закупиться посуды. Один раз ты уж лишка разъярилась. Наговорили друг другу всякого и пошли разводиться. Церковный суд, увидев нас, не мог удержаться от смеху: «Чего это вы на старые кости разводиться придумали, вам уж под шестьдесят?» Я и говорю: «Какие тут могут быть смешки, коли она горшками всю сознательную жизнь бросается». – «Так ведь и раньше бросалась, чего тогда-то не разводились?» Я им: «Глупые вы, судьи. Сейчас она уж пристрелялась, да и я не столь ловок, а потому попадать стала чаще». Смеялись впокатушку.

Так нас и не развели. И хорошо. Ведь если перебитые горшки не считать, то жили мы неплохо. Дети красивые да добрые, внуки опять же.

От долгого разговора старику стало хуже, кровь пробилась сквозь верхнюю рубашку.

– Помолчи ты хоть сейчас. Всю жизнь болтал. Силы беречь надо. Вот увидишь, вытащимся мы с тобой и ещё маленько поживём. Держись. За горшки прости. Шибко мне на тебя иной раз обидно было. Да не о том сейчас думать надо. Крепись. – С этими

словами женщина подпихнула под старика его новый свёрнутый вдвое плащ, всё увязала и с трудом потащила. Слава богу, хоть у казематов порогов нет. Так и вытащились они за ворота. Осаждающим показалось, что старая женщина тащит умершего старика, а это нарушение королевского указа: ибо какая ценность в покойнике. Выполняя команду, молодой всадник из свиты короля уже хотел вернуть старуху обратно в крепость, но вдруг услышал тихие слова старого воина: «Устала, поди? Отдохни маленько. Спасибо тебе. Жить-то всегда охота».

И тут произошло удивительное: решительный и злой видом воин повернулся к королю и как-то радостно прокричал:

– Он живой! Живой!

Последними собирались выходить влюблённые. Война началась утром, а днём должна была быть их свадьба. Искалеченный стрелой юноша был так плох, что девушка не решалась беспокоить его. Чтобы унять дрожь от воспалившейся раны, она ложилась рядом с ним и грела своим телом. Дрожь прекращалась, кашель, выбрасывающий из раненого лёгкого алую кровь, затихал, и девушка, подогрев на маленьком костерке взвар целебных трав, поила им жениха. Приговаривала:

– Никому я тебя не отдам. Даже смерти. Только бы выйти из города. Увидят – помогут. Хоть и враги, но люди же. А помнишь, ты мне незабудки с луга принёс, такие голубые, как будто с летнего неба капельки. А ещё земляники горсточку. Никогда такой сладкой не едала. Спасибо тебе. Вот раскраснелся немного. Это взвар помог. Попробуем выходить. Я мешок нашла больше меня. Давай забирайся в него. Правильно, ноги сначала. А ты у меня молодец. Соломы и подушки под тебя подпихну, и поедем. Разве я плачу? Поедем тихонько.

Взялась за льняные верёвки, привязанные к мешку и, напрягшись изо всех сил, сдвинула своё сооружение с места. На счастье, как только они вытащились в город, их увидела девушка, видимо ищущая мужчину, которого можно вынести за городские стены. Ни слова не говоря, она впряглась в верёвки и помогла спасительнице добраться до городских ворот.

Непомерно толсты городские стены. Но у девушки, тащившей раненого, хватило сил, чтобы преодолеть их ширину. Вытащилась:

всё поле, открывшееся перед ней, было заполнено врагами. Только вдоль крепости тащились такие же, как она, женщины Вайнесберга. Опустилась на одно колено и прижалась ухом к груди воина. Долго что-то слушала, но вдруг выпрямилась, убрала со лба мокрую прядь волос и, словно обращаясь к кому-то в высоком синем небе, улыбнулась и прошептала: «Он жив! Жив! Он бессмертен!» И в этот миг какая-то невероятная радость захватила всех, кто услышал её шёпот. Лица осаждавших воинов стали светлее, и даже Конрад облегчённо, совсем не по-королевски вздохнул. Возможно, это в необъятной синеве неба, радуясь победе любящей девушки, улыбнулся Бог.

Не все услышали, как взвизгнула выпущенная из лука стрела. Спасительница медленно оседала, закрывая своим телом спасённого воина. Улыбка постепенно уходила с её лица. Взбешённый король, увидев, как его внебрачный сын крепит лук к седлу, подскочил к нему и срывающимся голосом крикнул: «Вы подлец, дофин! Вы! Вы нарушили мой указ. Лучшее, что я могу для вас сделать, – это приказать охране поступить с вами так же, как вы поступили с бедной женщиной».

– Я не люблю, когда побеждённые счастливее победителей, – был ответ.

В это мгновение чей-то дротик бесшумно впился в его шею.

– Кто посмел? – крикнул, оглядываясь, король.

– Я! – ответил, унимая норовистого коня, подъехавший герцог Фредерик. – Нельзя было допустить, чтобы об эту мразь вы обесчестили свой королевский клинок.

Так закончилась эта удивительная история. Надо ли говорить, что таких случаев немало было в разных беспрестанно враждующих странах. Героизм, как и подлость, понятия не национальные.

Остаётся добавить, что в настоящее время от той крепости остались развалины, носящие название «Женская верность».

ОЧИЩЕНИЕ

Участковый Василий Васильевич Браулов, оставив машину посреди деревни, шёл в дом, где, если верить письму местных жителей, с осени приютились приезжие бомжи.

Деревенские женщины, часто скандалящие из-за нарушения скотом территориальной целостности огородов, из-за клочка близлежащего сенокоса, из-за неосторожного слова, при появлении чужаков объединились под священным, как им казалось, знаменем борьбы за пожарную и нравственную безопасность родной деревни. Утренние планёрки у колодцев сводились к подсчёту мелких пакостей, совершенных назло приезжим. Но дальше словесных оскорблений и осуждений дело, как правило, не заходило. Осуждались в пылу великой войны и те, кто якобы недостаточно ненавидит бичей.

Особенно доставалось бригадировой жене Татьяне, которую из вдовьей семьи взял вернувшийся из армии красавец и мастер на все руки Толя Соколов. Многие высоко себя ценящие девушки приняли это как личное оскорбление. Годы уж прошли, а не забыли и при каждом удобном случае судили Татьяну Соколиху по всей строгости. Но та лишь посмеивалась над деревенскими судьями.

Мужики относились к бомжам проще: они охотно делились куревом с возглавлявшим «банду» бичей долговязым мужиком по имени Павел, быстро поверили в его способности ремонтировать всевозможную технику, не стеснялись обращаться и щедро рассчитывались иногда бутылкой, иногда прихваченной из дома картошкой или куском мяса.

Женская ненависть к бомжам основывалась ещё и на том, что двое из них были молодые представительницы слабого пола. Несмотря на присущие многое пережившим людям ранние признаки увядания, бомжихи выглядели достаточно привлекательно. А главное, не было в них напускной развязности, которыми легко заражаются в местах не столь отдалённых. Надо сказать, что женщины отличались большой противоположностью не только внешне, но и в характерах. Беленькая, стройная, с красивыми распущенными волосами, много говорила, курила и постоянно хлопотала по нищему хозяйству. Чёрненькая, поменьше росточком, поплотнее, с кудрявыми выющимися волосами и с какой-то глубокой печалью в глазах, наоборот, меланхолична, и никто не слышал от неё ни одного слова. Деревенские женщины позже узнали, что она нема.

Но... Оказывается, было у них и одинаковое. Бабка Кузнечиха, сама из приезжих, разрешала бомжам мыться в бане. Однажды, когда бомжихи, помыв ребёнка, отправили его домой, бабка, будто бы за горячей водой, зашла в баню. На улице была жара, и пар не мешал разглядывать голых женщин любопытной Кузнечихе. То, что она увидела, что заставило её охнуть – это совершенно одинаковые клейма на бёдрах женщин в виде свернувшихся пёстрых змей с поднятыми для нападения головами.

Кузнечиха забыла о горячей воде и, бегая от избы к избе, округлив глаза, рассказывала, что бомжихи меченые, а раз так, то это или проститутки, или сектантки, а может, и то и другое вместе. Собственно, именно это обстоятельство и побудило взявших инициативу в свои руки женщин написать пространную жалобу на шести тетрадных листах председателю сельсовета. Тот и послал её участковому с подписью: «Разберись».

Многое узнав о бомжах из лежащей в планшетке жалобы, Василий Васильевич был уверен в необходимости гнать их на все четыре стороны. Он и машину-то поставил посреди деревни, чтобы уставившиеся в окна бабушки видели, как он поведёт приезжих, посадит их в машину и как эти самые бабули, покачивая головами, будут говорить о нём: «Вот какой молодец милиционер. Враз бомжей рестовал». Может, и письмо начальству напишут, а там благодарность и долгожданная третья звёздочка переместится с небес на лейтенантские погоны.

Василий Васильевич, высокий ростом, красив лицом, всегда опрятно, по форме одетый, представлял тот вид железных служителей порядка, которые истово верили в собственную непогрешимость и в то, что все слабости человеческие преступны. А значит, должны быть сурово наказаны.

И сейчас он упруго шагал по морозному февральскому снежку, и встречные люди не понимали, что скрипит больше, снег ли под яловым сапожком участкового или сам надравленный до синего цвета сапог. А может быть, даже душа участкового, пребывающая в хрустальной чистоте ничем не поруганной совести. Участковый щурил глаза и счастливо улыбался той еле уловимой теплинке от февральского солнышка, которую могут определить разве что заядлые рыболовы и наблюдательные охотники.

Участковый был охотником, и далёкий инстинкт предков помогал ему распутывать достаточно сложные дела в его милицмейской практике.

Подошёл к покосившемуся крыльцу, остановился, поправил шапку и шагнул в легко открывшийся дверной проём. Ослеп на какое-то время и почувствовал опасность, а не увидел её. Стоящий перед ним мужик коротко взмахнул рукой, но ударить не успел, откуда-то взявшаяся женщина, не по-человечески взвизгнув, повисла на руке. Этого было достаточно, чтобы участковый тренированным ударом в челюсть свалил нападавшего. Падая, тот ударился головой о крышку стола, стоявшая на ней посуда со звоном скатилась на пол.

– Тьфу ты чёрт! Участковый, никак! – проговорил мужик, поднимаясь с пола и сплёвывая на дрова, лежащие у печи, кровавую слюну. – Стучаться, вообще-то, надо, лейтенант. А то я думаю, опять местные плейбои к моим бабам попрошайничать идут. Сосунки, а наглы, как волки в овечьем стаде. Постучаться у них ума не хватает, а к бабам приставать они уже научились. Только меня и боятся. Извини. В темноте не разглядел. Спасибо, Айгуль. Ножом-то я, конечно б, не ударил. Но кулаком бы точно врезал.

Брюнетка отсасывала кровь из раненой финкой руки. Вторая, беловолосая, пыталась перевязать платком рану, чтобы остановить кровь, но раненая мычала и отбивалась. Наконец, пройдя к самодельному умывальнику из пластмассовой бутылки, Айгуль промыла порез и ушла в другую комнату. За ней ушла и беленькая.

Милиционер всё ещё стоял в нерешительности и осматривался. Не сказать, что в доме было тепло и уж очень чисто, но женский догляд чувствовался. Конечно, всё убого, но занавески на русской печи и окнах явно недавно выстираны, пол вымыт, только вот кот, со страху прыгнувший на перевод, поддерживавший раньше полати, почему-то был грязен, как в саже вымазанный.

– Садись, участковый. Кошкиной грязи удивляешься. Поверишь, ничего сделать не можем: в печь лазает спать. Наморозился, видно, на всю оставшуюся жизнь, по лесам зимним шастая. Да бог бы с ним, но, когда оттуда вылезет, по всей избе золу стряхивает. Прогнал бы давно, так Римбай ревёт голосом. Терпим, – рассказывая, мужик пододвинул участковому подобие табурета.

Василий Васильевич сел. Положил на колени планшет и хотел задать первый вопрос, но мужик его опередил:

– Не надо, участковый, вопросов. Я тебе и так всё расскажу. Документов у нас нет. Рабы мы новоиспеченные, после развала Союза. С Киргизии убежали, думали, резать начнут. Я сам по себе, они сами. Наташка, которая белая, по той же причине уехать решила, что и я. Русская она. А Айгуль мечтала артисткой стать, запросилась с ней в Москву. Подругами были. Кстати, Наташа и сама только-только не успела балетную школу кончить. Но не судьба. Бело-вежские раздолбаи всё за нас решили. Поверь, участковый, я не злой, но этих лично бы за причинное место подвесил не только за себя и моих бедолаг. Мужик крупно, изобразительно выматерился и продолжил, обращаясь к участковому: – В поезде познакомились. В Москве, которая действительно слезам не верит, высадились. Они от меня никуда. Поискали организации по помощи переселенцам, да что-то не нашли. Зато нас заметили сразу, сначала красногловики, вроде тебя, стали мзду просить за то, что на вокзале четвертую ночь ночуем, потом свистун один – всё посвистывал – подвалил на Казанском, спрашивает: «Откуда, куда? В чём нуждается? Я из благотворительного фонда помощи русским беженцам».

Ну, думаю, Слава Богу. Мы ведь в то время к подлости ещё не приучены были. Поверил сразу.

«Кто по специальности?» – «Автомеханик», – говорю. «А эти твои подопечные?» – спрашивает и на девчонок кивает. Я говорю: «Нет у них ещё специальности». – «Ну ладно, воспитательницами возьмём. Идёт?» – «Идёт, – говорю. – Деньги практически кончились, не воровать же». Им сказал, а они заулыбались: довольнѐхоньки.

«Воспитательницами – это хорошо. С детьми будем. Я их балетным танцам учить буду», – говорит Наташа. А Айгуль: «Я их петь научу и узбекскому языку».

Знали бы они, бедные, каких «воспитательниц» из них сделать хотят. Да что об этом после дела говорить. Привезли нас ночью. То ли станция, то ли рабочий посёлок. Устроили в гостинице. Дежурная заботливая такая: «Документы оставьте, а сами идите по номерам отдыхать. Утром вы не только в гостиницу, но и на работу будете оформлены. В лучшем виде». Так и сказала: «В луч-

шем виде». Я вот сейчас думаю, как могла та женщина таких же, как она, по образу и подобию, только молоденьких и неопытных, в грязь толкнуть. Какая сука её родила?

Мужик зло сплюнул на лежащие дрова сукровицу.

«Спецназ хренов», – нелестно подумал о себе участковый.

– В общем, утром сначала тоже хорошо было. Накормили, денег немного дали. Меня в ангар привезли, а там машин битых – пруд пруди.

«Ну что, хватит работы? – мастер говорит, лобастый такой. – Ты её просил? Вот она. На всю жизнь хватит!» – и усмехнулся так нагло. Первый раз кольнуло в сердце. Спрашиваю: «Слушай, а чего мне документы не вернули?» Лобастый говорит: «Хорошо работать будешь, всё будет, а хреново – то они тебе просто не понадобятся». И макаровым перед глазами у меня поводил. «Сейчас отбери пять машин с мелким ремонтом и быстро под реализацию подготовь. Какие вопросы ко мне? Кличут меня Вест. Западенец я. Слышал о "Лесных братьях"»? «Слушай, – спрашиваю, – девочки мои где?»

Он как захохочет, противно так, по-бабьи. Твои девочки только до девяти пятнадцати девочками были. Сейчас они уже женщины-воспитательницы. Да не переживай. Не вы первые на эту мякину клюнули. А мне неловко стало. «Дурак, идиот, скотина, девчонок куда загнал?!» – это про себя тогда так подумал. Осмотрелся, а в ангаре, на сектора проволокой разгороженном, таких, как я, человек пятнадцать. А по металлическим настилам вдоль стен четверо бугаёв с автоматами. Понял: «контора».

Естественно, никаких гостиниц больше я не видел. Жил в подвале каком-то один. Потом узнал, что всех по одному держали. Одно счастье – трубы отопления через мой подвал шли, посушиться можно, да и кран с горячей водой. Этим и спасался. У других ссадины на руках от грязи загнивали, а я каждый раз руки помою добела и начисто сухой тряпкой протру. Больных в ангаре не было. Увозили. Охранники говорили: в «лазарет».

Долго я на это дерьмо ишачил. Счёт не только дням, месяцам потерял.

Однажды что-то произошло. Утром всю охрану сменили. Веста я больше не видел. Поговаривали, крупная разборка была.

В новой охране я однопольчанина и разглядел. «Бык» тоже. Окликнул раз: «Веня, ты, что ли?» Он подходит и, вот как ты, раз по зубам, я и рухнул на железо. А он за волосы меня схватил, голову задрал и в перерыве между матюгами шепнул: «Узнал. Помогу. Помалкивай». «Эх, Веня, Веня, – думаю, – как это мы с тобой по разные стороны баррикад оказались. И кто тебя так умастракал, что ты к этой лядве переметнулся?»

И поверишь, участковый, чуть не заревел я от безысходности своего положения. Но рано было реветь. Всё самое страшное впереди оказалось.

Однажды выдался случай. Остались мы с Веней наедине. Поговорили. Выяснили, кто и как до такой жизни дожил. Оказывается, проиграл Веня в казино изрядную сумму. В долг взял, а вернуть вовремя не мог. Наша «контора» долг его на себя взяла. Под договор об отработке. Вот и отрабатывает. Я про девчонок спросил. Обещал разыскать. Принёс как-то фотографии, сунул на сиденье авто, которое я ремонтировал. Шепнул: «Отвёрткой на углу пометь, если своих найдёшь». Понятно, порнуха, да такая, что и я себя мужиком почувствовал. Но, смотрю, мои нормально одеты, сидят за столом, чистенькие, только полноваты показались. Ну, думаю, хоть девкам повезло. Чиркнул отвёрткой. Через неделю Веня говорит: «Воспитательницы твои». Я спрашиваю: «В садике, что ли?» Он: «Лох ты и есть лох. ... "Воспитательницы" – это которые беременеют, рожают, а потом их детей за границу на усыновление или на органы продают. Ещё "медсёстры" есть. Тех в публичных домах да в порностудиях за-таскают и в нелегальные клиники отправляют для испытания поддельных лекарств и наркоты. Умерла от отравления – туда ей и дорога». После его слов худо мне стало. Залез в машину, трясёт всего. Моих девчонок, сучьи твари, в «воспитательницы»?! Как вспомню, что они меня Павильоном Тимофеевичем называли, как ухаживали за мной: то к проводнице за чаем сбегает или из вагона-ресторана горяченького принесут, так белая пелена глаза и застит. Только бы вырваться, думаю. Две недели, наверное, прошло.

Как-то спрашиваю Веню: «Мои-то далеко отсюда?» «Какие они твои? – потёр Венька тренированную шею ладонью, слов-

но от петли избавляясь. – Выяснил я. Тут рядом типа санатория есть. "Инкубатор" называется. Там они».

Едва Павел произнёс это слово, как вернувшиеся из комнаты женщины закрыли лицо руками и мелко, мелко затряслись. Будто лихорадкой било. Пытались удержаться, но сквозь пальцы рук нет-нет да и пробивался то ли всхлип, то ли стон.

«Спецназ хренов, – снова неласково подумал о себе участковый. – Кого ты хочешь "рестовать"? Кого и куда увести и выбросить на февральской морозной дороге? Этих двух трясущихся женщин, этого мужика с выбитыми зубами, мальчонку с его единственной игрушкой – серым грязным котом?»

Павел прочитал мысли участкового и уже как-то успокаивающе продолжал:

– Вытащили мы с Венькой их из этого дурдома. Случай помог. Наталью избил начальник охраны. Из-за чего баб бьют, знаешь. Два дня её кровью рвало, ну и выкидыш получился. В мае это было, земля уже оттаяла. Веньку вызвали. Объяснили просто: забираешь мать с ребёнком за город. Пусть ребёнка похоронит. Как похоронит, шлёпнешь. Веня: «Есть шлёпнуть. Но чего это я должен для неё землю копать? Дайте "раба" в помощники». «Бери, – отвечают, – любого. Всё равно фирму закрывать. Кстати, и его шлёпнешь». Венька говорит: «Механика возьму». Это у меня кликуха такая была. «Вот-вот и бери. Не повезём же мы его за бугор, там своих таких пруд пруди».

Никогда, начальник, я в Бога не верил, а как Веня пересказал всё – перекрестился истово. А тут ещё новость: Айгуль родила. Вот только как её из «инкубатора» достать? Охрана там «продукцию» будь здоров сторожит.

Начальника охраны за гибель ребёнка оштрафовали тремя «заказами», то есть при необходимости он должен был трёх человек убрать. Но понял, гадюка, что и сам уже заказан. «Лаз» стал искать, чтоб смыться. К Вене подкатил: «Что, браток! Не тебе ли меня заказали?» «Не мне, – дружок мой армейский отвечает. – Но, что грохнут тебя, знаю точно».

И вдруг сработала в Вене рискованная русская пружина. Кураж называется. Говорит: «Есть у меня знакомая фирма – "продукт" скупает, но чтобы с матерью вместе». Охранник: «Чё, на двух бате

ботаешь?» А Веня ему: «Давай без базара. Неужели надеешься, что, когда "бабки" за кордон стикают, тебя кто-то на колбасу в Мытищах доразивать будет?» Охранник: «Понятно, не будут. Кто я для них – "бык"! А не высучишься?» Веня: «За собой следи. Чуть что, скажу, что проверял. Мне поверят: Я не в штрафе. Так что решай». Охранник: «Чего решать? Будет "продукт". Куда везти и когда?»

Одним словом, договорились.

В это время между занавеской и печной трубой высунулось заспанное личико ребёнка.

Павел негромко распорядился: «Айгуль, уведи Римбая. Незачем ему это слушать». Айгуль встала с кровати. Подождала, пока, шлепая голыми ножками, слезет с печки Римбай, и увела его в дальнюю от кухни комнату.

– Схоронили мы малыша на заброшенном деревенском кладбище. Поехали на вокзал, куда охранник должен был Айгуль с ребёнком привезти, а его нет и нет.

Венька хотел оставить меня с Натальей на Ярославском вокзале, но я не согласился. Оставили мы Наталью и рванули по шоссе навстречу. Километров двадцать проскочили – видим, летит наша «продуктовая» база.

Охранник нас узнал и принял на обочину. Развернулись, подъехали. Я на всякий случай рядом с охранником встал. Вдруг заупрямится. Он Вене кричит: «Деньги давай, деньги!» Веня бросил ему сумку на молниях, целиком набитую. «Кукла» там была. Охранник потянулся на заднее сиденье.

И вдруг на меня такая ярость напала: за себя, за Наташку, за Айгуль. В общем, ткнул я финкой в бок. Тот сначала как будто не понял чего-то. Ко мне развернулся, смотрит, а говорить не может, а потом и вовсе на руль голову склонил и затих. Едва успели мы Айгуль с ребёнком в нашу машину посадить. Осмотрелись, видим, мерс несётся прямо на нас, и автоматчики в открытых окнах повисли. Ох тут и началось. Пальба. Веня Айгуль хочет из машины на землю вытащить, та упирается, ребёнка к себе прижимает. Я не помню, как под машиной оказался. Веня дёрнул Айгуль на себя, та уронила ребёнка на полик переднего сиденья, а сама упала навзничь на землю. Веня хотел забрать ребёнка, приподнялся, и шальная пуля пробила ему левое плечо.

На счастье, появились два жигулёнка с мигалками, и мерс дал по газам. Милиционеры хотели допрос учинить. Но подоспела скорая, и могучий врач, не слушая никаких доводов милиционеров, со словами: «Я их вылечу, а потом делайте что хотите!» – скомандовал санитарам: «Загружайте!» Загрузили и меня. Во-первых, рука была у меня в крови, а во-вторых, при падении на асфальт я неловко подогнул её и выставил из плечевого сустава. Боль была невыносимая. Пока ехали, Веня дал мне новенькую пачку денег и свой московский адрес. Римбай заверещал ещё в скорой. Айгуль хотела его покормить, но, оказалось, пропало молоко. А самое главное, я заметил, что в ней самой что-то изменилось. Попытался заговорить, а она и хотела, да не могла ответить. Только мычала, и я понял: онемела от пережитого.

Врач её в клинике осмотрел и говорит: «Пройдёт у неё это. Шок». Вот уж два года не проходит. А у Наташи зато от молока всё время кофта мокла.

Вот и стала она кормить Римбая. Видел, какой крепыш? А самое главное – по-русски шпарит, только что не матерится ещё, а ведь киргиз.

Неужели правда, что многое с молоком матери передаётся? В больнице долго бы держали. Да Римбай ревёт неистово. Я к врачу подошёл. Правду ему выложил как на духу. У меня чутьё на людей. Вот и тебе почему-то верю. В общем, понял меня тот врач. На скорой отправил нас на Ярославский вокзал, где Наташа ждала. Попрощались мы с Веней.

Поверишь, слёзы у обоих – в глазах жжёт, а сказать ничего не можем. Так и расстались.

На вокзале Наташу едва нашли, забились в угол: боялась – найдут «быки» или милиция документы спросит. Тебе бабы деревенские в письмо про змеек описали?

– Есть там что-то, – буркнул участковый.

– Так вот эти клейма зэк один для банды изготовил. Напоят девицу через силу и шлёпнут ей этих змеек на красивое место. И всё! Меченая после этого на всю жизнь, и деваться ей некуда. Кто с таким подарком, да на таком месте, в жёны возьмёт? Разве что слепой? Да и искать легко. Ногу повыше заголи. Вот она, змея с раскрытой пастью. Значит, беглая.

Ату её! Поверишь ли, что конец XX века? В общем, Наташу нашли. Римбая она накормила. Деньги пока Венины на дороге были. Рванули мы на Север. Верилось, что на холоде не так народ испорчен. И вот уж три года скитаемся. Председатель одного колхоза – я ему уазик отремонтировал – ездил за нас хлопотать в паспортном столе. И что, ты думаешь, ему сказали? «Ничем не можем помочь. Обращайтесь в киргизское посольство».

Выматерился тогда председатель: «Это что же за порядки такие ...лядские, что живому человеку нельзя дать документ, что он живой? Дамочке, которая даже после этих слов не перестала красить ногти, говорит: «Слушай, ты, Царевна-лягушка, а может, их убить и из морга справку принести, чтобы тебе спокойней красилось, а?» И кулаком по столу, где документы заполняют, так вмазал, что меня и то передёрнуло. А та спокойно так встала, инструменты в стол сложила и ушла в другой кабинет. Упросил я председателя ехать. А то ведь она и милицию вызовет.

Вот так, участковый. Сейчас ты всё знаешь. Разжалобить я тебя не собирался. Служба есть служба. Айгуль, Наталья, собирайтесь! Пора и честь знать. Загостились. Твои предшественники, начальник, эту проблему просто решали. Увезут за территорию своего участка – выбросят на автобусной остановке и поминай, как звали. Некоторые извинялись даже.

Из дальней комнаты, снова шлёпая ножками по полу, вышел Римбай и остановился в нерешительности, ломая пальчики сложенных впереди ручек. В его глазах стояли слёзы. Вот одна из них, светленькая, как жемчужинка, скатилась по тёмной щёчке и остановилась на подбородке, словно задумалась: упасть или не упасть. Малыш расцепил ручки и стёр её рукавом клетчатой застиранной рубашки.

Ножки снова зашлёпали, и, подойдя вплотную к Василию Васильевичу, мальчонка тяжело, по-взрослому вздохнул и печально спросил: «Дяденька, ты нас тоже выгонишь? А на улице холодно, и одежды у нас тёплой нет».

Потом, чуть повернув кудрявую головку, снова вздохнул и, посмотрев в глаза участковому, обречённо прошептал: «Выгонишь, все выгоняли, и ты выгонишь. У тебя вон погоны и кобура. А у

нас ничего нет. Мама, мама! – крикнул Римбай. – Собирайтесь! Я только Мурзика с собой возьму?! С ним теплее».

Василий Васильевич странно дёрнулся. Кое-как собрал планшет и, нахлобучив шапку, выскочил на улицу. Он не был на ней каких-то полчаса, но всё преобразилось. Отливавший синью и сверкающий холодно снег был ужасен. Участковый явственно увидел, как по этому жёсткому, режущему снегу с опаской ступает босоногий Римбай, прижимающий к себе, желая согреться, грязного кота Мурзика. А за ним идут обманутые, исполосованные до крови судьбой две меченые женщины и мужик – «раб». Участковый шёл деревенской улицей и злился на всех: на пьяного встречного мужика, на старух, которые провожают его недоумёнными взглядами, на эти проклятые метры до машины, которые не позволяли ему зареветь, закричать, спросить кого-то великого, невидимого: «Кто мы?»

Наконец он достиг машины, с упрёком взглянул на бессовестное февральское солнце и, не прогревая двигателя, с места рванул из деревни. Едва оказавшись в лесу, отпустил руль, неуправляемая машина врезалась в придорожный сугроб и заглохла. Василий Васильевич положил голову на руль и зарычал, содрогаюсь всем телом. Так сидел он, пока не услышал рокот приближающегося трактора.

Пьяненький тракторист остановился, хотя, узнав участкового, вполне мог дать по газам – и поминай, как звали. Но он и не подумал скрываться.

«Отчего в них такая доброта телячья? – невольно подумалось участковому. – Как только над ними ни изгаляются, ни обкрадывают все кому не лень, а они живут и во что-то верят, и всегда помочь рады. От земли у них, что ли, эта доброта? Та тоже кормит всех и зарплаты не спрашивает. Кстати, и гадов тоже кормит». Чем больше думал Василий Васильевич, разматывая трос, тем противнее становилось на душе.

Через минуту машина стояла на дороге. Тракторист, закулив, обречённо ждал, когда участковый достанет планшет и составит протокол. Наслышан был о железном, неподкупном характере.

Но Василий Васильевич только рукой махнул. Сел в машину и покатил в сторону центральной усадьбы.

Заехал в сельсовет. На душе всё ещё было гадко. Пожилой председатель вмиг определил его состояние:

– Что, противно? У бомжей был? Худо там у них – холодно и голодно. Я бы рад помочь, да сами последний хрен без соли доедаем. Это в Москве золотой запас скоро все амбары выломит, а нас, того гляди, от электричества отсадят. Моя баба мешок картошки им из дома отправила. Так, веришь ли, нашёлся умник, который предложил эту картошку бомжам за водку продать. Чувешь, до чего оскотиниться можно, если главного направления нет?

На вот, выпей. Грязь с души смоешь. Да не оглядывайся ты. Дальше этого не сошлют. Да и наша с тобой работа только для недоумков мёдом в два слоя намазана. Много ли народу в наши апартаменты с радостью да благодарностью приходят? А ты её и не жди. Русская народная любовь на начальство не распространяется. Вот умрёшь, другое дело. На кладбище худого не говорят. Потому у нас все хорошие только там и находятся. Страна хороших мёртвых и надоедливых живых.

Участковый выпил, закусил хлебом с копчёным салом. Помолчали.

– Знаешь, Сергеевич, уйду я с этой работы. К едрене матери, уйду. Я ведь не сволочь какая, чтоб женщин с детьми по морозу босиком гонять.

Редко пьющий участковый захмелел, и ему хотелось выговориться. Но председатель прервал:

– Куда уходить? Кто тебя сейчас отпустит. Вот если б ты пришёл ко мне утром и написал заявление, я, наверное бы, сказал: «С Богом, Васенька!» А вот сейчас, когда ты прошёл боевое крещение у бомжей и одержал первую значительную победу, я говорю тебе: шалишь, никуда не отпущу и начальству твоему позвоню, чтоб тебя не отпускали. Пусть звёздами тебя осыплют, но не отпускают! Потому что ты вот такой, как сейчас, людям и нужен. До сегодняшнего дня ты сиял, Васенька, как начищенный пятак, и мало того, что слепил других, так в ослепительности своей много земного не замечал. Сегодня ты принял незаконное, но правильное решение. Оказалось, что между случайным проступком и преступлением есть невидимая нить, почувствовать

которую можно только сердцем. Примеры надо. Есть примеры жестокие, как сама жизнь. Выпей вот ещё, и я за тебя выпью.

Председатель налил по полстакана водки. Выпили.

– ...А вот сейчас слушай. В энном году у сельского участкового пропал пистолет. А в то время это годами тюрьмы пахло. – Василий Васильевич густо покраснел. Председатель продолжал: – Выходит, помнишь эту историю. Так вот, отца твоего кто только тогда не ел, в том числе и его бывшие сослуживцы: «Позор! Может, продал за бутылку? Судить! Ещё коммунист называется! Он своим поступком всех нас опозорил». Умеют у нас живого человека по-товарищески загрызть, было бы указание сверху. Ну ладно пистолет, оружие всё-таки, да за любую железку съедят и не подавятся. В общем, чудом успел я отца твоего из петли живым вытащить. Да и пистолет ты всё-таки вернул. Вот и суди твоего отца по всей строгости, и себя суди за то, что ты по недомыслию детскому натворил.

А отца твоего через несколько лет в Вологде на вокзале шпана зарезала. Увидел он, что пятеро сопляков девушку на улицу хотят вытащить. Подходит к милиционеру в форме. «Слушай, помоги, брат, там девчонку испоганить могут. Я сам милиционер, но с курорта еду, а тут, видишь, без формы вроде бы и не испугать шакалов». А тот: «Я по особому заданию в Котлас еду. Не пойду». Отец и пошёл один. Зарезали. На виду у всего вокзала. Ты вот о президентах и депутатах сегодня тоже хреново подумал. Наверное, заслужили. Но мы-то когда научимся себя защищать? Или войну опять надо? Вот так, Васенька! А изгибы судьбы неведомо куда заведут. Того милиционера и девушку на следствии свели. Оказалось: его двоюродная сестрёнка в медучилище в Вологду поступать ездила. Поступила. А где братан живёт, найти не могла. Деревенская, несмелая. Вот так вот. Как? Полегчало?

Участковый положил руки на стол и спрятал в них лицо. Молчал.

– Ты, Вася, линию свою води от сердца. Это безошибочная линия. И запомни одно: с коровой работать и то целая наука, а с людьми этого мало.

Вот тут сердце-то и выручает. Оно ведь как свеча горящая, и такое же обречённое. Поубавить бы огоньку-то, смотришь, пожил подольше. Только людям каково? В темноте?

Так глубоко, как ты сегодня заглянул в чужую душу, каждый ли сможет? Другой свалится как хрен с горы в начальники, и, не дай бог, скажут ему по наивности правдивое слово, а он, вместо того чтобы мотать на ус, будет этих правдолюбцев остаток их жизни изводить.

Дело ли? Так что держись, не кисни! Давай вот накатим по чуть-чуть, и поезжай, отдохни. Завтра попробую ещё раз с народом поговорить, чтоб не лезли к приезжим.

Нашли перед кем права качать. Присмотрись: там, где работы трудной и новой неупрочен, только единицы рычат: «Смело мы в бой пойдём!» Большинство же лишь попискивают: «И мы за вами». А на беззащитных – они герои. – Председатель протянул руку для прощания.

Участковый вышел на улицу. Солнце западало за горизонт, как раз напротив обезглавленной церкви, и потому восточная сторона её была тёмной и хмурой. До дома семь километров. Односельчане Василия Васильевича толпились у магазина в ожидании автобуса.

– Кто со мной? – крикнул участковый. Но люди, словно не поняли приглашения, приплясывали, стараясь согреться.

– Да поехали! Чего зря мёрзнуть? – снова крикнул участковый.

После этого приглашения две девчонки и три мальчугана пошли к машине. За ними устремились четверо взрослых.

– Пацаны назад. Девчонки – вдвоём на переднее сиденье. Остальным тоже места хватит! – скомандовал.

Все повеселели. И Василий Васильевич, наблюдая, как рассаживаются земляки, подумал: «А чего это раньше я их никогда не подвозил? Ну и болван».

Ехали молча. Но потом бойкая старушка с синим рюкзаком на коленях спросила:

– Чего-то, Васильевич, на тебя не похоже. Да никак ещё и выпил? Растает, поди, завтра? Праздник какой, что ли? А я, ну-ко, забыла. Церковный или нонешний?

– Мой, – ответил участковый.

Мысль, что он делает для своих земляков пусть пустячное, но доброе дело, очищала душу.

МУХА

26 ноября 2002 года художник Николай Николаевич Н. проснулся в полночь.

По старой привычке он выпил стакан кофе и, стараясь не разбудить жену, открыл дверь в мастерскую. Дверь, словно издеваясь, надсадно закрипела, и Николай Николаевич в сотый раз поклялся смазать навесы растительным маслом.

Запах красок и клея будил в нём жажду творчества. Глаза его блестели. Он нетерпеливо снял серое полотно и наклонился над неоконченным шедевром. Шедевр представлял нечто среднее между кустодиевской «Красавицей» и «Большой одалиской» Доминика Энгра образца 1814 года. Вообще-то, талантливому художнику создать объединённый образ обнажённой женщины оказалось несложно: на своей картине он развернул на другой бок лежащую на тахте одалиску. Убавил несколько килограммов добротного сала и размер груди «Красавицы», забросил её ноги обратно на кровать и чуть прикрыл их одеялом. Придал плечам и шее некоторую суховатость, что, несомненно, сделало натуру похожей на наших современниц с подиумов.

Не знаю, чем уж не понравились прически «Большой одалиски» и «Красавицы» нашему творцу, но, когда однажды я зашёл к нему, он старательно лепил к объединённому им соблазнительному телу голову Исабель Кобос де Порсель Франциско Гойи. Я тогда не дождался результата, но Николай Николаевич как-то позвонил и пробурчал, что лежащий «кентавр» (так окрестил он созданную женщину) получился на удивление оригинальным.

Он также добавил, что по прихоти жены пришлось второй план тоже сменить на современный: с левой стороны кровати он поставил стул с небрежно брошенным красным пиджаком, а за кроватью в лёгком сумраке изобразил кромку стола с пустой бутылкой устюгской водки и с бренными костями явно шекснинской копчёной курицы.

Всё это он говорил язвительно, и мне даже показалось, что он крепко под мухой.

И вот именно эту картину рассматривал Николай Николаевич, охваченный творческим зудом.

Откуда-то из глубины мастерской прилетела большая жирная муха и, брякнувшись на нарисованные обглоданные кости, нагло устала на художника.

Николай Николаевич, придирчиво рассматривающий «кентавра», почти автоматически прогнал муху с костей и забыл о ней.

Он то приближался к картине, то отходил от неё. Передвижением торшера менял свет и, в общем-то, остался доволен.

Да и действительно, в изображении встающей по какой-то нужде красавицы не было ничего безобразного, скорее наоборот, всей своей сутью картина утверждала невинность и чистоту. И быть может, лишь невоспитанный скептик испытал бы при рассмотрении картины лёгкое ощущение сдобности и вкуснятины.

Но вот лоб красавицы был слишком умён и как-то не соответствовал натуре.

Николай Николаевич ещё раз внимательно осмотрел лоб. «Да, да. Великоват!» – произнёс он вслух. И вслух же добавил: «А вот мы его так!» С этими словами художник открыл заветную шкапу, где на дне, застеленном голубым панбархатом, лежало пёрышко от крыла вальдшнепа – мечта всех художников. Он нежно приподнял его пальчиками, сдул несуществующие пылинки и поднёс к глазам, рассматривая как величайшую драгоценность. Затем он обмакнул пёрышко в чёрную акварель и провёл по лбу красавицы несколько изящных выходящих линий. В ту же секунду, откинувшись от картины, художник замер. Нежная прядь змейкой спадавших на лоб волос оживила шедевр и превратила и без того красивую женщину во что-то загадочное, ослепительное и даже родственное.

Художнику показалось, что женщина улыбнулась и он где-то видел эту улыбку. Но где? Вспоминать было решительно некогда. Николай Николаевич почувствовал себя классиком. Напевая первый пришедший в голову мотивчик, он тщательно промыл пёрышко и поднёс его к торшеру подсушить, мысленно предвкушая, как проснувшаяся утром жена Наташка увидит картину и застынет в восхищении. И уйдут в небытие её хлёсткие обидные слова – «бездарь», «писака-марака», «нищий интеллигент».

Желая быстрее просушить пёрышко и идти спать, художник ещё ближе поднёс его к торшеру. Гревшаяся на абажуре муха

испуганно слетела, села на очаровательную прядь красавицы и, ползая, размазала её, превратив в вульгарную чёлку гулящей женщины. Художник не сразу заметил это. Но, когда положил пёрышко и ещё раз взглянул на картину, схватился за кудрявую свою голову и опустил на пол.

Картина была испорчена.

Всегда добрый и тихий, Николай Николаевич взорвался, и, наверное, громы и молнии небесные были сущими пустяками в сравнении с кипящей в его душе яростью. Он гонял муху по мастерской, опрокидывая стулья, картины, краски, бросаясь кистями и тюбиками с клеем. В злом порыве он бросил на стол лист чистой бумаги и нарисовал на нём катышки конского навоза. Как заправский охотник, он терпеливо ждал свою будущую жертву, высоко подняв над головой толстую книгу «Изобразительное искусство XIX века».

Муха ошиблась и тотчас села на один из нарисованных катышков, но возбуждённый Николай Николаевич промахнулся. Шумная борьба продолжалась. На треск мебели, хлопки и грохот вбежала, придерживая над грудью ничего не закрывающую простынь, Наташка. Оценив обстановку и прошипев: «Ещё один знакомый с ума сошёл от своих шлюх», она широко распахнула жалобно скрипнувшую дверь и с размаху хлопнула ею так, что задребезжали оконные стёкла. Но муха, уже почти обессиленная, вылетела за ней.

Вообще-то, мухи в конце ноября в наших Северных краях редкость.

И когда Николай Николаевич, проплакавшись от бессилия, вышел на кухню, то увидел на крышке стола как ни в чём не бывало отдыхающую тварь. Художник опустил на табуретку и закрыл лицо руками.

Надо сказать, что бессловесно изгалявшаяся над художником муха ничем не отличалась от своих сородичей, постоянно издевающихся над человеческим величием. Наверняка она так же, как и все мухи, совала свой хоботок то в грязь, то в мёд и варенье. И с совершенным безразличием к прелести и чину кусала, «аки лев», то ненароком высунутую из-под одеяла очаровательную ножку провинциальной красавицы, то грубую ногу московского

генерала, из блажи или солидарности по крестьянским вопросам пожелавшего спать на повети.

Одним словом, совершенно дрянная муха.

Так философствовал Николай Николаевич, сидя на табуретке в темноте своих худых ладоней.

Он чуть приоткрыл лицо и увидел, что муха сидела на столе всё в той же наглой позе, но казалось, что она уснула.

Николай Николаевич, медленно отведя и приподняв правую руку, неожиданно легко смахнул её в ладонь. Слушая, как она недовольно забилась в ловушке, художник улыбнулся.

Не спеша подойдя к раковине, он включил горячую воду, подождал, пока из раковины повалит пар, и бросил в него отвратительную пленницу.

Затем он долго и с наслаждением мыл правую руку пахнущим земляникой мылом.

Не далее как вчера я, будучи проездом в родном городе, решил навестить Николая Николаевича. Дома его не было, но выбежавшая мне навстречу Наташка удивила какой-то давно не присущей ей весёлостью и добродушием. Не разрешив снять обувь (помнится, раньше она требовала этого едва ли не у калитки), она привела меня в зал, усадила на диван за журнальный столик, принесла бутылку местной водки с краснощёким Дедом Морозом на этикетке, конфет и печенья и необыкновенно ароматного немецкого чаю.

Я ничего не понимал. Передо мной сидела знакомая ещё по молодости Наташка. Я впервые понял, почему Николай Николаевич звал жену только Наташкой. И сегодня, несмотря на прожитые годы, передо мной сидела не Наталья Ивановна и не Наташа даже, а именно Наташка. Всё тот же, что и в молодости, белокурый, очаровательный бесёнок.

Я никак не мог поверить, что этот бесёнок совсем недавно был язвительным и вечно недовольным чёртом, изрыгавшим яростные тирады по поводу «проклятых пьяниц», «свинства алкоголизма» и «жертв ранних абортёв». Это обстоятельство не раз заставляло обходить стороной дом друга.

А сейчас Наташка наливала водку в три рюмки, и ямочки улыбки не покидали её розовеющих щёк.

– Он сейчас придёт. За красками к Мальцеву ушёл, – предупредила она мой вопрос. – Ой, знаешь, тут такое было! Я никогда его таким не видела. После того как он расправился с мухой, зашёл в спальню, и я почувствовала, что это «последний день Помпеи» и мой тоже. И вдруг всё поняла. Нет, нет, я и раньше часто ловила себя на мысли, что неправа. Но злой дух во мне, однажды вселившийся, командовал, и я измывалась над кротостью и любовью мужа, заставляла перерисовывать с классиков этих дурацких баб, желая заработать на их продаже. Я даже ревновала его к ним и злилась ещё больше. А он, боясь моих упрёков и истерик, рисовал. Это бесило его, но ради обречённой любви он терпел. И вот эта бестолковая муха.

Свет в спальне горел. И когда он наклонился надо мной, я увидела умное, красивое лицо очень страдающего человека. Родного человека! Ты это понимаешь? Тоненькая жилка надсадно билась у него на виске. И я испугалась, что она вот-вот порвётся. И я потеряю то, что было опорой моей, к сожалению непутёвой, жизни целых восемнадцать лет. Я с ужасом вспомнила, что у него большое сердце и ему нельзя волноваться!

Надо было что-то делать. А я лежала и мучилась, ослеплённая мыслью: «Ну почему именно любимому, родному человеку мы чаще, чем кому-либо, делаем больно?»

В ту ночь я решила, что, если останусь жива, буду его рабой до конца жизни. Я так много украла у него, что вряд ли смогу всё вернуть, но я постараюсь. К чёрту деньги, курорты, пляжи, евро-ремонт. В этом ли счастье жизни? И знаешь, что страшно: все это понимают, а делают в точности наоборот. А тогда я почувствовала невыносимый жар его дыхания и глупо подумала об аспиристине.

«Уходи, – были его слова. – Уходи навсегда! – И сам вышел.

Он долго ходил по кухне, видимо, искал сигареты, но не нашёл и лёг вот на этот диван, здесь, в зале. Он никогда не курил дома и пил с друзьями, как я поняла, только потому, что ему противно было встречаться со мной, вечно ноющей и укоряющей. Давай выпьем за его талант и вашу дружбу. Я и её-то чуть не погубила. Прости!

Бесёнок как-то странно всхлипнул и протянул рюмку, виновато глядя мне в глаза. Мы выпили. Николай Николаевич ввалился в дом с красками и покупками и, увидев меня, захохотал:

– Иду домой и чувствую, что-то надо купить: дома гости. Как видишь, не ошибся. – И он вытряхнул на диван бутылку шампанского. Его хорошее настроение захватило и меня, и, порывшись в дипломате, я достал коричневую коробочку из-под ручных часов. На дне её, на розовом бархате, лежали два перышка вальдшнепа.

– Вот это да! – охнул художник, и глаза его заблестели. – Я самый богатый человек в мире. Пойдём, пойдём, Наташка, пойдём. Ты не видела, а я вчера кое-чего добился.

Мы зашли в мастерскую. Николай Николаевич долго возился с кнопками, крепящими ширму. Наконец, она упала.

...По сиреневому от цветущего клевера полю нёсся белый конь. Наездница, девушка в летнем, в синий горошек платице, едва держалась в седле. В её глазах восторг и едва заметная знакомая улыбка.

Чуть обернувшись, я увидел Наташку и всё понял. Она стояла за спиной мужа, как будто мгновение назад сошла с картины.

Откуда-то, прожужжав, прилетела муха и села на ресницу коню. Но ничего испортить она уже не могла. Да и поправлять ничего было не надо.

НЕ ГОРЮЙ!

Есть люди, которые в состоянии испортить любую самую благоприятную для человеческого пребывания погоду и даже ожидание новогоднего праздника. Это, как правило, финансовые и пожарные инспектора, судебные приставы, и Антон Привольнов, рассказывающий о еде, которую нельзя было есть даже в старом году. Кстати, ничего ведь не случилось.

Понятно, что все эти страдальцы за народное благосостояние испытывают некоторое чувство вины, но долг службы обязывает: бороться, искоренять и предупреждать. Справедливости ради отметим, что и мы на их ответственном месте делали бы то же самое.

А ещё, к всеобщему несчастью, есть и такие, кого никто не уполномочивал вскрывать, так сказать, язвы общества. А они всё равно лезут. Всякие Зоценки, Петровы, Булгаковы и даже Чехов Антон Павлович взяли за моду над всем смеяться. Выра-

жать ехидное недовольство нашим поведением в семье, школе и на производстве форточных завёрток. Но если этим гражданам, в силу их несомненного таланта, многое можно простить, то особому «овощу», выращенному на плантациях зависти и скрытого недовольства издержками капиталистического общества, ничего прощать не хочется. В быту эту прослойку общества считают занудами, и в большинстве случаев уставшие на работе граждане стараются с ней не связываться. На беду, чаще всего зануды попадают в обстановке, когда вы обречены их терпеть. Например, в очереди в банк, или туалет, или в купе поезда, мчащегося по просторам нашей великой родины.

Да вот вам наглядный пример. Второго марта прошлого года маршрутный автобус плавно начал движение из пункта «А» в областной центр. Длинный по километрам и времени путь никого не страшил, поскольку погода была отменная, а переполненные сумки позволяли надеяться, что голод никому не грозит. На кондукторском сиденье грызла семечки красивая женщина средних лет и выше средней степени упитанности, явно служащая автотранспортного предприятия, но, скажем так, не при исполнении. Может, она ехала домой, в родные палестины, после трудовой недели? Есть замечательный сорт людей, которые даже во сне ведут себя по-рабочему. Да чего далеко ходить, вахтёр одного частного предприятия, находясь дома, забывался и даже у жены и детей требовал документы. По инерции. Но не о нём речь.

Женщина приятельски разговаривала с водителем, когда на последних сиденьях автобуса громко засмеялись сразу несколько пассажиров. Никто не знает, отчего этот смех вызвал возмущение автослужащей. Возможно, ей показалось, что смеются над ней.

Вы видели когда-нибудь только что родившегося щенка, пусть и породистой собаки? Жалкое и не очень эстетическое зрелище. Но уже в два месяца щенок становится таким милашкой с чёрными бусинками глаз, что даже взрослым хочется взять его в руки пощекотать и поцеловать в носик.

Нечто подобное, только в обратном направлении, произошло и с женщиной в форме. Красивое лицо её исказилось, она встала и своей могучей фигурой буквально раздавила всех пассажиров автобуса: «Над кем это вы смеётесь? Думаете, я не при исполне-

нии, так смеяться можно? Ничего подобного. Пока я в форме, я служу. При этих словах она подтянула к коленям форменную юбку и голосом, не допускающим возражений, крикнула: «Приготовьте билеты!» Пассажиры зашевелились, а женщина уверенно, проверяя билеты, двинулась к задним сиденьям.

Интеллигентный мужчина, висящий на поручне, мешал ей пройти, и она, грубо запихнув его между сиденьями, грозно произнесла: «Не мешай движению! Видишь, я иду! Это ты дома в спальне можешь лежать как заблагорассудится. А у меня будешь стоять, как положено, не мешая мне исполнять обязанности. Что, на работу едешь? А думаешь о чём? Как производительность труда повесить? Не смеши? Я тебя насквозь вижу, и думаешь ты не о производительности, а о том, как бы на рыбалку в пятницу умыкнуть.

– Я не рыбак, – ответил висячий строго. – И отвяжитесь от меня.

– Не рыбак, значит, бабник. Другими мужики не бывают, – жёстко, словно гвоздь вколотив, воскликнула женщина.

– Чего молчишь? Нечем крыть? То-то.

Интеллигент на всякий случай втянул голову в плечи и взглядом поискал защиты у пассажиров. Но все внимательно смотрели на меняющийся за окнами автобуса пейзаж.

– А ты, дамочка, чего билет не подготовила для проверки? Ишь, расфуфырилась? Кем работаешь? Официанткой? Обираешь клиентов по первое число. Знаю я таких: счёт подают, а сами глазки строят. Пока клиенты пытаются отгадать, на что вы намекаете, деньги теряют ценность.

– Ну а ты, дедуля, далёко ли без хлеба? – обратилась она к старичку, сидящему на месте для детей и инвалидов. – Куда намылился? За пенсией ездил? Велика ли пенсия? Да, не лишка. Терпи! Нам главное, чтобы там, наверху, не обеднели.

– Ну а ты, молодуха, чего прилипла к этому рудименту времён социалистического соревнования. Изнывая от любви к его двушке, терпеливо ждёшь, когда он даст дуба. Любишь! Ой, не смеши меня. Любить мужчину столь почтенного в годах всё равно что пускаться в круиз на самоходной речной барже-песочнице, к тому же названной «Титаник».

– Ну а вы, представитель передовой буржуазии, – кондуктор невежливо толкнула стоящего в проходе элегантно одетого толстого мужчину с усами а-ля Вертинский и с бородкой кулака времён первых завоеваний Октябрьской революции. – К какому разряду вас отнести позволите? Ах, к купеческому! Славно, славно. Могла бы и сама по животу определить. Ответьте нам только на два вопроса, и мы немедленно отвяжемся. Уважаемая публика, следующая в этом транспортном средстве, не прочь узнать из первоисточника, куда деваются просроченные продукты и почему содержимое бутылки, случайно выпавшей из рук моего знакомого, моментально выжгло два с половиной квадратных метра линолеума, хотя написано было: водка, очищенная молоком.

Усики презрительно скривились:

– Много чести, чтоб я отвечал на ваш вздор. Я депутат от правящей партии, и не смейте меня оскорблять. Первый раз решил приблизиться к чаяниям и бедам народным и оставил служебный автомобиль, чтобы ехать с вами на этой развалюхе, и вы же меня оскорбляете.

– Какой же вздор? Вопрос животрепещущий, – не отставала женщина. В автобусе одобрительно заворчали. – Первый раз он, видите ли, едет? А они, – она повела рукой над головами пассажиров, – всю жизнь ездят в этой, как ты выразился, развалюхе и думают, что так и надо. Лишнюю ракету на Марс запустим. Счастье-то какое! Дороги там построим, сады разведём. Излишки населения и те можно туда отправить.

Приблизившись к гражданину купеческого звания и приятельски его подтолкнув, спросила:

– Так чего по продуктам информации не даёшь?

– У нас просроченной продукции не бывает. Отвяжись.

– Врёшь, да ладно. Ты посмотри, бессовестный, вон девушка, на втором сиденье, тощая до невозможности. За поручень держится, чтобы не взлететь. Это она из-за тебя так похудела. При твоих ценах и её зарплате, как моряки говорят, гибель эскадры! Ты, милая, у него в лавке продукты покупаешь? Вообще не ешь? Отравиться боишься? Сочувствую. Ну хоть кашу какую бы ела.

Ах модель? Вон оно что? Модель чего? Жертвы нацизма или дурости? Вечером муж тебя спать унесёт и, наверное, плачет всю

ночь. Не надеется, что утром проснёшься. Его понять можно. Нет мужа? Тоже можно понять. Они хоть все кобели, но не до такой же степени.

Я уж на что человек нежалостливый, но ты меня доканала своим состоянием. Чего головушку-то повесила? Плачешь? Подташнивает и крути перед глазами? Так ведь ты умрёшь эдак. Ой дура! Вот, на конфету и быстро съешь. Служащая достала из кармана конфету, развернула её и буквально впихнула в рот поникшей девушки.

Не все увидели, что в это мгновение грозная представительница автотранспорта превратилась в красивую заботливую женщину. Не растерянный в боях за личную независимость материнский инстинкт явно победил в ней всё, что коверкало её характер и душу.

– Граждане, нет ли у кого сахара или чего-нибудь сладкого?

Со всех сторон потянулись руки со сладостями. Но всех удивил кудрявый русоволосый малыш, он только что получил от мамы большую красивую плитку шоколада и, попробовав кусочек, даже зажмурился от удовольствия, но, услышав призыв проверяющей, слез с сиденья и, держась за поручни, подошёл к девушке и протянул шоколадку:

– Возьми, она очень сильно вкусная. Не плачь. Мне мама другую купит. Ты не плачь. А то и мне плакать захотелось. – Он погладил протянутую за шоколадкой руку девушки. Всхлипнул, но поборол себя и тихонько шепнул ей: – Я мужчина. Мне плакать нельзя.

Автобус остановился.

– Ну, давай, Петрович, пока, – обратилась зануда к водителю. Вздохнула, оглядев салон с пассажирами, и остановила взгляд на девушке, отламывающей от шоколадки маленькие кусочки. Та, видимо, неправильно поняла её взгляд и протянула остатки шоколада:

– Возьмите, мне много нельзя.

Служащая транспорта смутилась. Ей хотелось закричать, что она не побирается, что нельзя судить обо всех по каким-то тварям, обирающим народ. Но вместо этого спросила:

– Тебе далеко ещё ехать? До конечной? Так это же ещё четыре часа? Не выдюжишь ты. Я ведь вижу, как у тебя руки и ноги трясутся. Пойдём ко мне. Никаких возражений.

Служащая помогла девушке выйти и спросила:

– Родители-то у тебя где? В деревне? Так какой леший тебя сюда-то принёс? Работы в деревне нет? Дожили. В деревне нет работы? А, что говорить! Давай через ларёк пройдем. Надо тебе отвару мясного попить.

Кондукторша купила большую курицу, гранат и апельсин.

– Сейчас не пропадем. Дай я тебя под руку возьму. На четырёх ногах идти надёжнее. Ты не горюй. Переночуешь, а утром я тебя на первом же автобусе домой отправлю. Да брось ты эту работу, к чертям.

Они шли по улице небольшого городка, где все знали женщину в форме, но, поздоровавшись, тут же отворачивались.

– Смотри! Это они так недовольство своё выражают. Я им всегда правду в глаза говорю. А у нас это опаснее, чем ругать президента. Вот и дуются. Да хрен бы с ними, не детей крестить. Завтра очередную сплетню запустят. Я даже знаю, о чём: «Видели, – скажут, – к нашей зануде дочь явилась? Тощая, в чём душа держится. Заморила мамочка. Только других судит, а сама родную дочь прокормить не могла! Надо Гордону написать, пусть прищучит, сразу».

Я не обращаю внимания. Не главное, что скажут, а главное, что я делаю. Ну? Как ты? Шоколад помог? Смотри, а тот малыш в автобусе какой молодец. Недаром в анекдоте говорится, что всё у нас так себе: а дети хорошие. Вот разболталась, а до сих пор не спросила, как тебя зовут.

Леной. Надо же. Какое ласковое имя. Ничего, Ленушка: «Все проходят раны, поздно или рано». Прорвёмся. Ты только не горюй!

ДВЕНАДЦАТЬ ГЕОРГИНОВ

В посёлке городского типа Д. проживала симпатичная девушка. Жила спокойно: выдавала книги и принимала их обратно, ходила по домам, таская с собой тяжёлую сумку с книгами. Проводила интересные мероприятия. Раз в месяц ездила в город с отчётом о трудовой деятельности и мечтала, что однажды

к ним в посёлок приедет рыцарь на белом «вольво», увидит её, бросится на колени и воскликнет: «Как долго я искал тебя!» Потом он схватит её в охапку и увезёт в далёкий южный город, где растут ананасы, падают переспевшие персики, а в далёком море то и дело распускаются, словно огромные розы, алые паруса кораблей, чьи капитаны устали от холостой жизни и едут за своей Ассоль.

Годы шли, но ни рыцаря, ни белого «вольво» так и не появилось. Местные же ребята, добродушные и робкие, ухаживали за ней, а один даже свистнул со школьной клумбы двенадцать георгинов и притащил их в библиотеку на её день рождения. Вместо того чтобы обрадоваться, она, изображая досаду, пересчитала цветы, выбросила их в приоткрытое окно, покрутила пальцем у виска и крикнула:

– Дурак, чётное количество цветов носят только на кладбище. Такой праздник испортил. Чего с тебя взять? Убирайся!

– Так ведь это я, – начал оправдываться парень, – хотел сказать, что...

– Убирайся с глаз! – прервала его девушка и бросила в ухажёра томом Эдгара По.

Будет справедливо именно сейчас открыть секрет, почему всегда спокойная и добрая сердцем девушка вдруг превратилась в жалящую, злобную горгону. Всё дело в том, что как раз накануне случившегося ей удалось прочитать книгу о Клеопатре Генри Хаггарда. Будучи впечатлительной, она тут же решила подражать египетской царице, и бедный паренёк первым попал под это преображение.

Вечером, когда гости ушли, она осталась одна и, вспомнив, как гадко вела себя по отношению к пареньку, принёсшему цветы, едва не расплакалась.

– Дура! – говорила она себе. – Парень от всего сердца подарил, а я его ещё и облаяла. Ой дура! Откуда ему знать такие тонкости про цветы, если он не только сам не умирал, но и все его родственники, слава Богу, живы. Гордый тоже. Ушёл, только дверь грохнула.

Друзья, простите великодушно: я до сих пор не представил вам героиню этого рассказа. Немедленно исправляюсь. Библиотекару звали Алей. Было ей двадцать два года. Если б над ней

поработали стилисты из передачи «Модный приговор», она легко затмила бы не только невест из «Давай поженимся», но и ведущую этой передачи.

Беда в том, что девушки из посёлков городского типа слишком хорошо воспитаны, чтобы предлагать себя как товар, причём зачастую лысым, худо воспитанным женихам из прошлого века.

Аленька, как звали её все поселковые пенсионерки, решительно была хороша, и не только лицом, но и всё стройное тело её, обрамлённое мягкими плавными линиями, не могло не восхищать мужчин.

Кто из нас не купался в холодном море неразделённой любви? Кто не страдал и не был готов на подвиг и преступление ради одного доброжелательного взгляда? Парень же, принёсший георгины, после Алиной истерики больше к ней не подходил. Ревность поселковой девушки, узнавшей, что он встречается с её подругой, была бы разрушительней ревности Клеопатры. Но Аля окончила десять классов и библиотечный техникум, чем выгодно отличалась от безграмотной гречанки, дьявольскими ухищрениями захватившей египетский трон. Более того, наша славная героиня была куда более воспитанна. Конечно, ей было обидно. Но переживала молча.

Прошёл год. Рыцарь явно заблудился в лабиринтах судеб и не являлся. Парень, ею отвергнутый, уехал на Север. Подруга говорила, что хорошо зарабатывает, что скоро приедет и сделает ей предложение.

Однажды Аля шла из дальней деревни, куда ходила обменивать книги, и с грустью думала о своей судьбе. Осенние берёзы, выступавшие на обочину дороги, сыпали золотом, и оттого ей показалось, что она идёт не по знакомому просёлку, а каким-то сказочным золотым коридором.

Ах, как не хватало рыцаря, чтобы восхищённое сердце девушки, нашло наконец своё счастье! И он явился. В золотом проёме просёлка показалась белая семёрка, и, когда поравнялась с Алей, из неё вышел тот самый паренёк, но уже возмужавший и какой-то особенно серьёзный. Он открыл пассажирскую дверку своего жигулёнка и, слова не говоря, невзирая на Алькино сопротивление, запихнул её в машину. Девушка поняла, пришёл

час расплаты, и уж хотела зареветь, но машина развернулась и пошла в сторону посёлка. Берёзы сыпали золото, из осенней хмари небес вырвались солнечные лучи, и дорожный коридор вспыхнул ярко-жёлтым пламенем.

Парень повернулся к Але и сказал:

– Наконец-то я нашёл тебя. Завтра у меня свадьба, ты свидетелем не побудешь у моей невесты?

Клеопатра, эта чёртова баба из Древнего Египта, сбежала из саркофага и немедленно переселилась в Алину душу. Ей стало так больно и, чтобы хоть как-то избавиться от этой раздирающей душу боли, она рванула ручку, открывающую дверцу автомобиля, но, слава отечественному автопрому, ручка, не выдержав столь неуважительного к себе отношения, отломилась.

И тогда Аля заплакала. Небо снова подёрнулось сулящими дождь облаками, а парень остановил машину. Достал с заднего сиденья большой пакет и, обойдя машину, открыл пассажирскую дверцу со сломанной ручкой. Вытащил на дорогу зарёванную девушку, осторожно убрал слёзы с её щёк и открыл пакет.

– Здесь двенадцать георгинов, – сказал он, высвободив цветы. – Ты принесёшь их на кладбище, если прямо сейчас не согласишься быть моей женой.

– А как же подруга? – прошептала Аля.

– А подруга согласилась быть свидетелем с твоей стороны.

Он неловко впихнул букет в руку девушки. Та, всё ещё не веря в случившееся, не считая достала из серебристой упаковки один цветок и положила его на жёлтую от листьев обочину дороги.

Ах, дорогие мои читатели, как мало иногда надо, чтобы сказать о своей любви и согласии. Достаточно убрать из букета один цветок. Или добавить.

НЕ ТРОНЬ ИХ

На одной из сухонских пристаней, обозначенных разве что на навигационных судовых картах, поднялся на палубу тихоходного пассажирского теплохода пожилой человек в потёртой ветровке цвета хаки и в таких же брюках. Чуть рыжеватый, с бе-

лёсыми бровями и усами, пассажир ничем бы не отличался от публики, устроившейся на палубе, но, присмотревшись к нему, я заметил в уверенной, вразвалочку, походке что-то знакомое, а когда он заговорил с матросом, сомнения развеялись. Это был мой школьный дружок Игорь Булычёв.

Прикинул мысленно: мы не виделись как минимум сорок лет.

Именно в эту минуту Игорь повернулся в мою сторону и крикнул:

– Привет, Валера! Я сейчас. – Он что-то ещё сказал матросу и, подхватив огромных размеров рюкзак, подошёл ко мне.

Слава Богу, привелось ещё встретиться. Мы обнялись. Я изредка слышал о его жизни и охотничьих успехах от наезжающих на весенние перелёты московских гостей.

Потому прошу любить и жаловать.

Булычёв Игорь Васильевич – бывший военный, сейчас пенсионер. Защитник и исследователь всего живого, что не мешает ему быть охотником. Именно охотничья страсть забрасывала его от удобств московской квартиры в наши вологодские леса. К тому же, как я узнал однажды от московских охотников, выйдя на пенсию, он оставил жену и детей в Москве, а сам купил в подмосковной деревне домик и занялся выращиванием чистопородных западносибирских лаек. Доходу особенного это не приносило, тем более что щенков он зачастую продавал деревенским охотникам за символические двадцать копеек, но с наказом, чтобы собака не на диване валялась, а занималась своим природным делом – охотой. «Проверю, – назидательно говорил он охотнику, – не дай бог, если узнаю, что по помойкам шастает или попрошайничает у магазинов и школ».

Я спустился вниз, купил в буфете замечательного устюжского пива с названием «Бархатное», чёрствых пирожков, уж не помню, с какой начинкой, и мы ушли на корму, где рядом с окошечком кассы стояли деревянные кресла и столик, чуть побольше журнального.

Правда, было немного шумно от выбрасываемой турбиной воды, но не настолько, чтобы это мешало разговору. Увидев принесённое мной пиво, друг раскрыл рюкзак и, покопавшись в нём, достал крупного вяленого хайруза.

Поговорили о семьях, о погоде и политике, но как-то исподволь перешли на любимую нами тему охоты. Было что вспомнить и рассказать. К тому же обстановка очень уж располагала. В весеннем радостном небе то и дело появлялись вереницы гусей, стаи уток, на речных отмелях искали пропитание кроншнепы, турухтаны и веретенники. А ещё мы много говорили о собаках. В армии, на границе с Китаем, Игорь Васильевич по совместительству был ещё и инструктором по воспитанию служебных собак и дело знал не только как любитель, но и как настоящий профи.

– Командир дивизии частенько наведывался к нам на заставу, – рассказывал друг. Вот тоже собак любил. «Эти не продадут и зря не облают», – было его любимое выражение.

– Я, ты знаешь, предпочитал зверовых лаек и держал их иногда по три одновременно. Это четвероногий спецназ, и, чего греха таить, гибли иногда. А тут предложили мне щенка курцхаара по дружбе, и не мог устоять, взял. Воспитывал не для диванного блаженства, а для охоты. Но, как оказалось, всё, что положено знать и делать легавой, передалось щенку с кровью матери. Передалась и какая-то исключительная деликатность по отношению ко мне и семье, да ещё совершеннейшая исполнительность. Достаточно было сказать: «Нельзя! – и собака замирала в том положении, в котором её застала команда. Лучшие твои друзья – это злейшие враги воспитанной тобой собаки, поскольку постоянно провоцируют её на крепость характера: то хлеба бросят, то котлетку, дай волю – водки бы налили. Как-то Стелла схватила брошенный ей кусок колбасы. Я увидел это и крикнул «Нельзя!» и, отругав друга, подошёл к собаке, раскрыл ей пасть и забрал колбасу.

Все охнули, а один из друзей почесал затылок и восхищённо произнёс: «Вот это да! Моя гончая, руку бы по плечо мне отхватила. Ну и воспитание».

Честно говоря, я и сам удивился поведению собаки. Да, у неё была привычка почти по-человечески садиться на лежащее бревно, она крайне нежно будила меня и, подойдя к кровати, сначала как-то особенно громко дышала, но если это не помогало, брала в зубы мою руку и тихонько сдавливала. А ещё она могла заду-

мываться и различать людей на тех, кого надо обляять, и на тех, кого можно пропускать без «доклада». Боясь потерять собаку во время встречи с местными суками, я старался уследить за Стеллой и, когда она бросалась на нарушительниц своего участка, я кричал: «Не тронь их!», имея в виду, что лучший способ сохранить собаку – это отучить её задиаться. В памяти навсегда остались случаи, когда хорошие, обученные по зверю собаки гибли по причине излишней драчливости и храбрости.

Так вот, со Стеллой и произошёл у меня случай, совершенно неправдоподобный, и я бы сам сомневался, если б не был его соучастником.

Ты наверняка в курсе, что, получив собаку редкую, чистопородную, любой охотник заботится о её нравственности не менее, чем родители о своей взрослеющей дочери. Но если дочь при каждом удобном случае пытаются пристроить в жёны, как мыслится, к хорошему человеку, то охотник, особенно профессионал, категорически не приветствует появление в лесах собак с качествами его питомицы. Потому он или держит собаку в невозможности занять потомство, или, если уж такое появилось, отдаёт или продаёт щенят в места отдалённые от своих угодий.

Это вполне оправданно: хорошая собака и жадный до мяса «охотник» способны оставить без дичи довольно обширные угодья.

Так вот, на третьем году Стелла понесла, без всякого на это моего благоволения. Летом родились щенки, после чего началось невероятное. Каждое раннее утро она перетаскивала их в разные укромные места и переживала, услышав, как они пищат и выдают место своего пребывания.

Я, глядя на материнские муки собаки, и сам переживал, отсчитывая дни, когда можно, без ущерба для здоровья, ликвидировать щенков. Мучился так, что начал покрикивать без всякой на то причины на жену, а о детях уж и говорить не стоит. И вот этот час пришёл. Утром я закрыл Стеллу в предбаннике, полагая, что толстые, из шпунтовки сделанные двери, которые я сам открывал с трудом, не позволят ей вырваться наружу, да и писка щенят слышно не будет. Долго ходил вокруг дома, пытаюсь настроиться. Но всё равно было противно. А тут ещё старое ведро попало

под ногу, и я пнул его так, что оно взлетело и, описав изрядную траекторию, пробило стекло на тепличной раме. Совсем озверев от навалившегося невезения, я залез под пол сарая, где находились щенки, и они, ощутив движение воздуха, запищали. С собой у меня была старая кожаная сумка. Вот уж потянулся за первым щенком, как вдруг, там, за моими торчащими ногами, кто-то совершенно внятно по-человечески сказал: «Не тронь их!»

Ну, думаю, один из соседей, с похмелья мучаясь, пришёл занять спиртного.

Обрадовался даже. Вылезаю, весь в песке и липучей пыли, и думаю: «Вот сейчас я этого мужичка и попрошу достать щенят и утопить. Бутылку пообещаю. Без отдачи». Вылез, встаю, отряхиваюсь. Взглядом мужика ищу, а никого нет. Ну, думаю, почудилось. И тут увидел лежащую за сосной Стеллу. Раздираемая материнской любовью и воспитанностью, она лежала на сосновых иголках и тряслась, словно её било током. Дверь её временной тюрьмы была открыта. Но я не поверил, что её смогла открыть собака.

Решил, что кто-то подшутил. Отдаю команду: Стелла, место! Бедная собака не сразу, но вернулась в предбанник. Обошёл дом. Никого. Сам себя успокаиваю: щенков утопить, экая страсть. Самолёты вон с народом падают. А тут?

Снова забираюсь в подпол, а мысль такая: вдруг этот шутник снова поиздеваться решит. Потому далеко не полез, а только ноги подтянул к животу. И вдруг слышу, в предбаннике скрежет, и на тебе, дверь открылась, а Стелла затаилась перед моим лазом. Протянул руку в сторону щенков. Они запищали. И тут снова совершенно явственно: «Не тронь их!» Я быстро вылез. Собака лежала за сосной. И дрожала. Было желание идти искать издевающегося надо мной земляка и отколотить, его, что называется, по первое число. И я бы, учитывая нервное потрясение от необходимости лишить жизни беззащитные существа и от того треклятого ведра, влетевшего в тепличную раму, наверняка бы так и поступил, но никого и нигде не было. Посмотрел на исходившую дрожью собаку, она вильнула обрубок хвоста и взглядом, полным страдания, словно просверлила меня насквозь. И я раскис. Я, офицер-пограничник, не раз стрелявший на поражение в людей, рисковавший своей жизнью так, как будто у меня была ещё одна, запасная, вдруг

раскис и, оправдываясь, заговорил с собакой, пытаясь выторговать у неё прощение за свои гадкие намерения.

– Что ж ты со мной делаешь-то, Стелла? – говорю ей. – Думаешь, хочется мне щенят твоих топить? А как быть? Поручить кому? А намучает ещё? Это не просто – невинных животных жизни лишать. Одному вон поручили собаку застрелить (заразы хваталась), так третьим выстрелом только убил. Каково ей было ждать, когда он свою одностволку дважды перезарядит! С тех пор боюсь я случайным людям такое дело поручать. Ты тоже подумай, – говорю, – щенята наверняка не породистые. Во-вторых, куриц давить будут. В-третьих, если и раздать их, то им сладко не заживётся. По помойкам шастать будут и всякую заразу домой потащат. Ты сама-то подумай, что за жизнь у них будет? Да, всего скорее, застрелят их за «нарушение правил общежития».

Ни один мускул не дёрнулся на морде у собаки, и дрожь её пробивала так же, как и до моих упрёков. Только там, внутри собачьего горла, словно комок застрявший проскочил, и я услышал жалобное: «Не тронь их!»

Я на всякий случай осмотрелся и, удостоверившись, что эти слова «сказала» Стелла, сел на старую кроличью клетку, прижал собаку к себе и вдруг понял: не убить мне щенков. Сверх это моих мужичьих сил. Она из страха своего материнского, от любви своей превозмогла себя и каким-то непостижимым образом проскулила нужные слова, и на те мгновения едва не стала равной человеку. Я же равным зверю быть не смогу. Разговариваю с ней, заикаюсь:

– Т-тяжело тебе, Стеллушка? Стр-ашно. Мне бы тоже было страшно. Ладно. И-иди к своим охламонам. К-корми их. Слышишь – орут? И-иди.

Собака метнулась в подпол. Была – и нет.

Столько времени прошло. Забыть бы, а не могу. Да ещё заикаться стал, когда волнуюсь. Вот такая история.

Помолчали. Всё так же толкала наш теплоход выброшенная из турбин вода, чайки, прикормленные кем-то из пассажиров, то и дело бросались навстречу брошенному кусочку хлеба. Сухонские скалы понизились, расширяя горизонт и открывая вид на недавно засеянные поля.

– Ты сейчас хочешь спросить: как всё-таки со щенками-то распорядился? – не глядя на меня, спросил Игорь.

– Не хочу, – ответил я. – Знать хочу, а спрашивать не буду.

– Жалеешь меня? Понимаешь, что нехорошо это, по больному тупым ножом резать? Только в тот раз обошлось всё. Видимо, на счастье: комдива, о котором я тебе говорил, перевели в Москву на большую должность. А так как мы связи письменной не теряли, он и приехал в гости. Посидели. В луга со Стеллой сходили. Без ружей. Просто чтобы работой собаки полюбоваться. Я ему и рассказал о своём горе. Одним словом, увёз он у меня щенят. Шесть штук. Оказывается, у таможенников питомник какой-то есть. Воспитывают собак для обследования грузов на наркоту. Туда и пристроил.

С тех пор, Валера, я к сказкам и легендам старинным, где животные говорят, а люди немеют, по-другому относиться стал. И охотник я сейчас худой. Всех жалею. Возможно, это возрастное.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Я открываю глаза и вижу небо. Бездонное. Голубое. Такое рисуют на церковных фресках. Мелкие белые облачка, похожие на кудрявых ребятишек, зависли надо мной, словно спросить хотят: «Дяденька, вы живы?» А я не знаю. Какое-то время назад точно был жив и в мыслях не имел прямо из седла попасть в рай. Надо же, я в раю? А чего всё вокруг молчит? Так здесь положено, что ли? Все отдыхают от человеческой болтовни? Или я оглох, ударившись головой о клеверные лиловые шарики, под которыми оказалась очень твёрдая земля? Не пробил, видимо, на нужную глубину. А потому частично жив.

Пытаюсь перевернуться на бок. Спину разрывает невыносимая боль, словно кол в рёбра воткнули. И дыхание тяжёлое. Каждую порцию воздуха с трудом, как надутый шарик, толкаю в рот. А ещё правое плечо болит. Так было в армии после автоматной пальбы. Синяк, наверное, во всё плечо.

Вспоминаю, как я оказался в таком беспомощном виде. Медленно переворачиваюсь на левый бок. Больно.

Раздвигаю стебли клевера и вижу: впереди, метрах в пяти, карьер. Наш карьер, совхозный. Глубина метров шесть, а может, и все десять. Гравий хороший. Чуть поодаль деревня. Название деревни Койка. Весёлый народ. Надо же такое название придумать. Речка рядом. Деревянный мост. А на мосту моя убийца. Чего остановилась? Тоже, наверное, в себя приходит; не шутка на дно карьера прыгнуть. Поняла ли, чертовка, что, сорвись мы туда вместе, не только от меня, но и от неё разве что фарш мясной в шкуре остался? Ничего она не поняла. Всего скорей, первые мгновения после того, как я выпрыгнул из седла, радовалась обрётённой свободе, краем глаза наблюдая, как я кувыркаюсь параллельно её бегу, а потому проворонила карьерный обрыв. Когда увидела, было уже поздно остановиться или повернуть. И прыгнула, но не перевернулась в воздухе и упала-таки на дно карьера, чудом не сломав передние ноги. Неужели не покалечилась даже? Мне повезло меньше.

«Матушка родная! Дай воды холодной!» Господи, рехнулся, наверное? Иначе с чего бы песню вспоминать. А пить правда хочется. Горит всё внутри. Надо встать и идти, а то сварись тут в собственном соку. Жаркий в этом году август. Хлебам впору.

Тишина не проходит. В ушах звон есть, но больше ничего не слышно. В деревне и то тишина. Может, на работе все, а ребята в лесу чернику собирают.

Встал. Качает. Шагнул. Нет во мне живого места. Хотя если больно, то наверняка есть что-то живенькое. Надо как-то идти.

Венера с места не сходит, как приколоченная. О чём думает, интересно бы знать? Не обо мне. Я для неё досадный придаток, от которого всегда хочется избавиться. А вообще, она способна думать? И как ко мне относится? Кто я ей: враг или столб, о который хорошо почесаться мордой, стоня слепней и комаров? В недавние времена ей приносило великое удовольствие выбросить меня из седла или кошёвки, пронестись по просёлочной дороге до деревни и, выбив грудью конюшенные ворота, а заодно размолотив дверку стойла, сунуть голову в кормушку и, словно ничего не случилось, уплетать заранее надаванное конюхом сено.

Узнав о её фортелях и моих травмах, директор совхоза приказал отправить Венеру на мясокомбинат, но я возмутился, и бла-

годаря этому она до сих пор жива и здорова, чего не скажешь обо мне.

Подхожу к мосту. Замечаю, что сброшенные через голову поводья узды попали под щётку правой ноги. Вот почему она не выпадает. Не может терпеть, когда повод щекотит ногу в этом чувствительном месте. Вот и стой. Всыпать бы тебе, дражайшая моя Венерушка, по первое число. Отхлестать как сидорову козу на глазах почтенной публики. Да только публики нет, да и плётку, которую мне цыгане подарили, ты предусмотрительно сожрала ещё в прошлом году. Так ни разу я тебя и не успел ею огреть. Гуманность проявлял. Будь она неладна. Конечно, ум плёткой не вобьёшь. Да и вряд ли выстегнешь. Сосед вон, Матвей Ильич, какие только казни египетские своей благоверной не учинял, а она как вообразила себя столбовой дворянкой, так до сих пор наотрез отказывается готовить, мыть посуду и полы. Сам виноват: испотачил, пока ещё невестой была. На руках носил, пылинки сдувал. Она и поверила, что так всегда будет. Сидит целыми днями ногти пилит и раскрашивает. Сосед по пьянке рычит и пальцы обещает отрубить по локоть, и даже поколотит порой в воспитательных целях, а ей всё до лампочки. Надуется ещё. По неделе молчит.

Вот и с тобой так же. Привыкла ты из себя принцессу корчить: десять лет тебя кормили и поили, работой не утруждали, а всё потому, что директор, страстный любитель лошадей, купивший тебя на племя, уже в следующем месяце в другой совхоз направлен был. Несколько с другими целями. А без него никто связываться с тобой не захотел. Была попытка: мужики на Масленицу решили в розвальни впрячь. Ну и что? Вот уж где озверела ты. Била копытами, кусалась, рвала накиннутый на шею аркан. Сломала все, что ломается. В том числе бригадирову ногу. Бедные мужички, спасаясь, в стойла к другим лошадям запрыгивали.

На этом бы всё и закончилось. Да приехал зоотехник с центральной усадьбы. Сам метр с шапкой, а до того боек да настойчив, что заставил мужиков под своим руководством снова кобылу уму-разуму учить.

– Нельзя ей потакать, мужики, – говорит, – надо своего добиваться во что бы то ни стало. Только раз отступимся – всё: ни-

когда уж из неё нормальной лошади не будет. А она ведь породистая, дорогая, зараза. Надо обучать.

Плетусь и мыслю вот так. Венера голову ко мне повернуть хочет. Может, поняла тварь, что с такими выкрутасами и на мясокомбинат можно угодить. И чувствует, что это только от меня зависит. Отступлюсь, приговор быстро подпишут, поскольку охотников с ней связываться больше не найдётся. А зря овёс и сено переводить никто не будет. Что-то закружило голову. Сел на мостовой отбойный брус, чтобы не упасть.

Расположились средь бела дня два поражённых в правах существа. Я от ушибов, она из характера своего сволочного, по телу бы сказали – из-за любви к свободе. Тошнить меня стало. Вспомнил одного скалозуба: «Если б мозги были, было бы сотрясение». Похоже, что у меня они есть. И на том спасибо.

Спустился к речке, попил воды, лицо сполоснул. Посидел в мостовой прохладной тени. Полегчало маленько. Что же мне с этой стервой делать? На мосту садиться в седло опасно: запросто в речку сиганёт. А сдавать ей нельзя. Зоотехник прав. Отдохну и уведу подальше от карьера. Башку сразу к небу задеру, чтоб удила пасть рвали, если задумает «прыжок в рай» повторить.

Кто домашних животных только на диване и на пастбище видел, люзует, увидев кнут в руках пастуха, клянёт кинологов, когда те плёткой или палкой своим питомцам грозят. Именно у этих сентиментальных господ и барышень не знающие воспитания четвероногие погибают и калечатся чаще, и травят их любители спокойствия и санитарии с большим успехом. Да чего говорить: мои московские друзья, увидев, как я ударил выданным из старой изгороди колом застрявшую и тонущую в болоте пару лошадей, запряжённых косилкой, перестали со мной разговаривать. Не обижаюсь. Откуда им знать, что только таким «варварским» методом можно было спасти погибающих лошадей. Удар был страшным и болезненным. И эти страх и боль сделали животных сильнее. Рванули так, что не менее тонны торфяной грязи выбросили на суходол и сами вылетели, словно из преисподней, чёрные, в лохмотьях травы и ивовых корней. Остановились, тяжело, с прихрипом дыша, почуяв земную твердь. Давно не верящий ни в бога ни в чёрта косильщик подбежал ко мне и как

заводной повторял: «Слава тебе, Господи! Слава тебе, Господи! А я уж в мыслях в тюрьму наладился. Шутка ли, отборных лошадей утопить? В косилке-то не каждая может».

– Как же ты недоглядел? – сказал я сурово и пошёл в машину. А там – гробовая тишина. Как сейчас. Ничего не стал объяснять. Дулись долго. Особенно дамы.

Вот и сегодня, увидели бы, как я в кровь рву губы любимой моей лошади, чтобы спасти её от прыжка в карьер, получил бы я общественное порицание и звание изверга.

Хорошо хоть, никого нет. Остановился. Венера – вот змея подкодная – голову мне на плечо положила, ласково так, как будто извинения за прошлое просит. Глаза коричневой влагой блестят. Того гляди, заплачет. Только меня не проведёшь и не разжалобишь. Преодолевая боль, взгромоздился в седло и, перехватив повод двумя руками, рванул так, что лошадь вынуждена была извернуть шею и едва не упала. Момент, когда опустил голову к земле, она могла повторить фортель с карьером, был ею окончательно упущен. Сейчас я её повелитель.

– Что, не нравится? А мне прыгать из седла на полном твоём скаку, думаешь, нравилось? – ворчал я с полной уверенностью, что меня понимают.

В груди закололо. Рёбра, видимо, всё-таки сломаны. Надо домой. Пусть хоть медик посмотрит. Задрал лошадиную голову аж до седельной луки. Пыталась сделать «свечку», да не вышло. Ломанулась перейти в галоп, но железные удила врезались в губы. И тогда она затанцевала, высоко поднимая передние ноги, а когда я чуть ослабил поводья, перешла на свою знаменитую размашистую рысь. Малейшее напряжение на поводке заставляло её поворачивать ровно настолько, насколько было необходимо мне. В те минуты я снова влюбился в неё и простил ей и сломанные рёбра, и разбитое плечо, и возможное сотрясение мозга. Венера набрала скорость, и я закачался, словно в зыбке, а встречный ветер прижимался к лицу и невидимой прохладной ладонью отгонял жару.

Боль в теле утихла, и недавние прокурорские мысли мои плавно перестроились в защитную для подсудимой речь.

Ну было, было: ещё при том, первом курсе обучения, когда мужики, воодушевлённые зоотехником, всё-таки надели на потную

морду две узды (одну под язык, одну выше), она так разъярилась, что вылетела на крышу хомутной всеми четырьмя копытами, но не удержалась и, соскользнув по кровле, разбила в кровь левый глаз. Оттого стала им плохо видеть и при любом звуке слева она и сейчас резко прыгает в сторону, а неожиданный её маневра всадник, летит по прямой.

Сколько раз её злобный характер являлся причиной, приближающей меня к инвалидности и даже смерти, но как-то обходилось. Одна старушка, зная обо всех моих злоключениях, доказывала своим подружкам, что у меня хороший ангел-хранитель. Не знаю. Видеть не приходилось. Но раз я пишу эти строки, значит, кто-то меня бережёт.

В посевную каждое утро, когда вечерняя заря перерождалась в утреннюю, я седлал Венеру и, жестоко подавляя её желание сбросить меня, направлял в поля, чтобы определить их готовность для посевных работ. Немного поуросив* и, видимо, почувствовав мою власть, лошадь перерождалась. Конечно, надо было быть начеку, но, как только тропа или дорога позволяли, она переходила на рысь и в это время становилась совершенно послушной, хотя и азартной. Ей доставляло удовольствие перегонять трактора и машины, всадников и повозки, и я молил Бога, что в это время суток они были редкостью.

Надо было видеть со стороны, когда, вылетев из тесноты и грязи весенних просёлочных дорог на поле, она на какое-то мгновение останавливалась, поднимала голову и, раздувая ноздри, всматривалась в простор, словно выбирая более удобный для себя путь. Возможно, в эти минуты она ощущала древний зов её вольнолюбивых предков, слышала гул копыт пробегающего табуна и хотела немедленно к нему присоединиться. Без какого-либо напряжения она выбрасывала красивые, чуть суховатые ноги вперёд и, словно захватывая ими и время и пространство, переходила на удивительную размашистую рысь. Нет, она не бежала, назвать тот её ход бегом – извращение. Она плыла и, вытянувшись над зеленью едва проципнувшей травы, превра-

---

* Уросить – значит не слушаться, пытаться сбросить всадника.

щалась в какое-то живое, стремительное пламя. Вот оно откуда: конь-огонь. Недаром в древности лошадей рыжей масти называли поцелованными огнём. Венеру он целовал долго, только на лбу белое пятнышко осталось. А скорость, скорость какая! Казалось, ещё миг, и она, оторвавшись от земли, поднимется в небесную голубизну и уж никогда не вернётся обратно. Я знал, что, наблюдая её в минуты полёта, все испытывали восторг. Даже конюх, которому она своими капризами, по его же выражению, всю плешь переела, влюблялся в неё. Что уж говорить обо мне, грешном.

Вот и сейчас с ней что-то стряслось, и она несёт меня к дому бережно, но так быстро, что кусты и деревья по обочинам дороги мелькают, как кадры при оборвавшейся киноплёнке.

Возликовала душа моя: я победил этого своенравного рыжего зверя. Нет, не буду мстить за ушибы и боль. Наверное, я ему тоже не очень нравлюсь. Говорят, что в прошлом мы были не теми, кем живём сейчас. Венера наверняка была королевой большого, свободолюбивого народа. Иначе откуда у неё такой гонор и такое обострённое чувство свободы? Не потому ли она съела плётку и так любит полевое раздолье? А почему ей всегда хочется быть первой? А ещё я заметил, она любит себя и любит себя, особенно когда удаётся лететь по берегу отражающей её реки.

Нетрудно представить, что думала она, когда при следующем своём рождении предпочла стать лошадкой. Однажды, уже будучи более степенной и мудрой, она откроет мне тайну своего перерождения и начнёт свою исповедь, скорее всего, так:

«Быть королевой людей тяжелее, чем терпеть на себе седло с одним-единственным человеком. Всадник, хоть и ничего не смыслит в психологии королей и лошадей, но он один и можно как-то приспособиться. Например, влюбить его в себя. Или позволить ему вообразить себя всемогущим, способным покорять не только сильных животных, но и целые народы. Чем бы дитя ни тешилось. А когда людей много, всегда находятся недовольные и завистники. Вон даже горбатый паж, считающий, что все не горбатые люди уроды, увидев, как я выезжаю на охоту на своей стройной, с хорошими манерами Капельке, не упускает возможности съязвить: "Две кобылы!" Ничтожество, и тем пользуется.

Его жалеют, разрешают дурака валять, скажи такое крестьянин, кожу с живого спустили бы.

Тяжек крест королевский. Ой тяжек. Надо смеяться, когда несмешно, плакать, когда весело, корчить благородство и великодушие к подлецам, хотя надёжнее была бы гильотина. А ещё надо всех любить, всех, хотя добрая половина этого не заслуживает. И в то же время надо бояться любить кого-то больше всех, потому что это многим не понравится. В этом смысле моя кухарка имеет больше привилегий, чем я. Даже моя любимая Капелька и то более свободна. Последнее время мне стало стыдно на ней ездить. Она так любит меня. О её дыхание можно греться, а глаза такие большущие, что я могу в них видеть себя. Может, она и не лошадь вовсе. Может, я смогу, быть как она. Принадлежать одному человеку и покоряться только ему. Стать свободнее королевцы».

А потом она стала Венерой. Красивой и сильной. Вот только упрямство королевское: сказывается бывшая работа.

Но сейчас, сменив гнев на милость, её бывшее высочество несёт меня к ближайшему медпункту. В эти мгновения, когда я опустил поводья и не рву королевские губы, она тоже чувствует себя победительницей, способной обучить хорошим манерам этого не самого умного из людей. В награду за победу она обязательно получит кусочек сахара и солёную горбушку хлеба. А ещё этот человек будет гладить её шею, щекотать за ухом и говорить ласковые, в его понимании, слова. Пусть.

Слухи о том, что Венера снова покалечила меня, дошли до директора.

– Хватит. Эта зверина оставит меня без управляющего, – выговаривал он зоотехнику. – Немедленно на мясокомбинат. И никаких но.

Через неделю меня отправили за семенами на железнодорожную товарную станцию.

Когда, уже поздно вечером, я вернулся и, разгрузив в склад семена, зашёл на конюшню, Венеры не было. Конюх сидел в хомутной и курил. Недопитая маленькая сиротливо томила на столе.

Вылив остатки водки в стакан и подтолкнув его мне, конюх рассказал, как погибла лошадь:

– Где-то в девять пришла с центральной усадьбы машина с наставленными бортами. Зоотехник приехал. Сказал, что Венеру переводят в центральную конюшню. Только я всё понял. А спорить бесполезно. Недоуздок и верёвку для привязи дал старые: всё равно обратно не вернут. Погрузили с трудом. Не идёт по сходимям, и всё. Оглядывалась почему-то и первый раз слышал, как заржала. Жалостливо так. Словно плакала. Хорошо, что тебя не было.

Но загрузили. Водитель Валька, пришивная голова, знаешь его, на дорогу выруливает, и вдруг Венера встала на дыбы (зря я верёвку плохонькую дал), изорвала её и махнула через борт. И всё бы ничего, но ведь не видит она левым глазом, а там КамАЗ гружёный на обгон пошёл. Метров двести тащил её под собой. Кровищи. Да чего теперь говорить. Жалею. Королева, она и в лошадином виде королева. Другой вон обличьем человек, а...

Я не стал дослушивать, кем может оказаться человек, и вышел.

Было темно. Даже на западе, где солнце, уже выбиваясь из сил, обычно ещё освещает горизонт, не было просвета.

ШТОРМ

Тот вечер он запомнил навсегда. Именно с него начались золотые дни в его собачьей судьбе. Его никто не пинал, не заставлял бросаться на собак и кошек, никто не садил его на тяжёлую, пригодную для якоря «Титаника» цепь. Его кормили дважды в день, а ребятишки украдкой давали ему сладости и кусочки колбасы. Но самое главное, он ходил с новым хозяином на охоту. Судя по разговору с друзьями, им подслушанному, новый хозяин был им доволен. Иногда они уходили в дальнюю деревню, к леснику, и жили там по два, а то и три дня. Его звали Шторм. Конечно, он не знал, какие обстоятельства определили его, красивую самоедскую лайку, в собственность алкоголику и садисту. Каждое утро, страдая от похмелья, тот бил собаку, таскал её за цепь, а однажды в приступе необъяснимой ярости сломал беззащитному животному переднюю лапу. Шторм залез тогда под крыльцо и долго

плакал. Нет, не так, как плакали избитые алкоголиком женщины за то, что не могли найти водки. Он лежал, вытянувшись под крыльцом, свет падал только на его морду, и внимательный человек мог бы заметить, что в глазных впадинах собаки скопились слёзы. Но не было человека.

А однажды произошло чудо. К расхристанной, годами не ремонтированной калитке подошла чужая машина. Из неё вышел хорошо одетый высокий мужик. Хороший человек: Шторм определил это по запаху. От него не пахло водкой и табачным дымом, а ещё у него был низкий красивый голос.

Алкаш выскочил на крыльцо и, кривляясь, пригласил незнакомца зайти в его «хоромы». Но тот отказался: противный запах перегара и гнили вываливался из жилища, вызывая тошноту.

Человек заплатил пьяному, в синяках и ссадинах садисту какие-то деньги, тот пересчитал их, засмеялся, целуя купюры, и широким жестом показал под крыльцо: «Владей! Жалко собачку. Продешевил я. Но уж такая у меня душа. А собачка зверь. Не знаю только, как ты её с цепи освободишь. Загрызёт. А я не буду отцеплять. Разве за бутылку».

Купивший собаку не сказал ни слова. С омерзением, с каким люди отбрасывают грязную тряпку, толкнул алкаша в челюсть, тот скатился по ступенькам на землю, обиженно запричитал, но встать, как ни пытался, не мог.

И тут Шторм услышал, что его зовут. Рыкнул скорее по привычке, но какая-то сила подняла его и заставила выползти из-под крыльца. Увидев его, тощего, со струпьями на морде, с грязной скатавшейся шерстью, новый хозяин опустился на колени погладил ему голову и попытался вытащить накопившуюся за ушами грязь. Было немного больно, но Шторм не такую боль испытывал, а потому терпел. Только сунул носом между коленями и блаженствовал от незнакомого, но приятного запаха. С него сняли старый брезентовый ошейник, и пёс, почувствовав свободу, хотел убежать, как это всегда делал, но опять что-то удержало его.

Приезжий открыл заднюю дверку УАЗа и, хлопнув по сиденью рукой, спокойно и негромко сказал: «Шторм, место». Когда-то давно-давно пёс слышал эту команду и с радостью исполнял её, потому что получал за это или кусочек сахара, или печенюшку.

Оглянулся. Увидел валяющегося на земле старого хозяина и вдруг, совсем как в давние годы, впрыгнул на заднее сиденье машины и лёг, вытянув морду к раскрытой дверке. Этот новенький сел рядом и, дотронувшись до плеча водителя, сказал: «Поехали».

В деревне, где, как сообразил Шторм, ему придётся жить, его разместили в предхлевнике, куда, видимо специально, было настелено сено. И, что ему не понравилось, прицепили на тонкую, но крепкую цепочку.

«Пусть попривыкнет, – сказал хозяин водителю, – а то потеряется ещё в новом месте. В первую же ночь Шторм в щепки изгрыз клетку для перевоза живых поросят, но хозяин, принёсший ему утром еду, не бил и не ругал его. Наоборот, присел на корточки и долго ласково что-то говорил. Слова были незнакомы собаке, но успокаивали и утешали её. Был момент, когда Шторму, будь он человеком, захотелось бы заплакать и пожалиться на горькую свою судьбу, но он только виновато прятал голову под мышки хозяина, словно боясь его взгляда.

– Ну потерпи, потерпи ещё немного. Отпущу я тебя с цепи, – говорил спаситель. – Скоро охота откроется. У нас тебе раздолье. Потерпи.

Ушёл. А Шторм, впервые за всю его собачью жизнь, стал тосковать и ждать. Раньше он ненавидел моменты встречи со старым хозяином. Они всегда предвещали боль от пинков и удушье от цепи, сжимающей горло.

Через сутки хозяин освободил его от привязи. С тех пор не было у собаки большего счастья, чем всегда находиться рядом с ним. Но даже когда его снова садили на цепь, он относился к этому спокойно.

– Значит, так надо, – думал пёс. – В город, наверное, поедет.

Он не ошибался. Потому что противный запах бензина и дыма заводских и выхлопных труб ещё не был им забыт. А именно этим пах хозяин, возвращаясь из очередной поездки.

А потом была охота.

Глубоко ошибаются те, кто считает, что собака ищет и подлаивает зверя исключительно из рефлекса, переданного ей древними предками – волками. Основа, конечно, в этом.

Но надо видеть, с каким ликованием, с какой радостью встречает своего хозяина с ружьём на плече любая, казалось бы, вовсе не охотничья собака. Человеку далеко до приёмов выражения чувств, которыми пользуется его питомец, заметим, никогда не обучавшийся этому. Вот он вздрагивает, внимательно наблюдая за вашей реакцией и улавливая тончайшую нить вашего одобрения, начинает носиться вокруг вас, прыгает, юлой крутится, делает вид, что хочет укусить собственный хвост, взлаивает и убегает в сторону леса. Возвращается и, остановившись в метре от вас, внимательно смотрит в глаза, словно спрашивая: «Ну, ты видишь, как я люблю тебя? Только пойдём скорее на охоту». Интересно то, что даже пожилые зверовые лайки профессиональных охотников, воспитанные в строгости, не могут удержаться от подобных кульбитов, особенно в первые охотничьи дни. Надо ли говорить, что взрослым волкам это не присуще. А чем, кроме любви, можно объяснить умение многих собак чувствовать возможности хозяина и помогать ему там, где его способностей и органов чувств явно недостаточно. Это только кажется, что собака носится по лесу, совершенно потеряв связь со своим двуногим другом. На факте же она всегда знает, где он, чем интересуется и как надо себя вести, помогая ему.

Но вернёмся к Шторму. Мало того, что в нём возродилась способность работать по крупному зверю, пёс быстро научился разбираться в людях. Так, он приветливо крутил хвостом, издали замечая кого-то из знакомых хозяина, но угрюмо ворчал и даже взлаивал, если от того пахло спиртным. Он даже ревновал и дал изрядную трёпку соседскому щенку только за то, что хозяин погладил и взял его на руки.

За время пребывания у нового хозяина пёс вычистился, струпья от ран, засохших на морде, отвалились, длинная шерсть лоснилась и отливала тёмным на спине и каким-то золотистым цветом по низам. Даже длинные гачи, явный признак собак работающих по крупному зверю, были двухцветны. Одно огорчало нового хозяина: Шторм ни во что не ставил волков и мог не страшась бросаться в волчью стаю, где поднимал такой вопль, что звери единственно возможным спасением считали немедленное бегство с поля боя. Забегая вперёд, скажу, что даже из

таких переплётов собака возвращалась совершенно невредимой. Конечно, было престижно иметь собаку, не боящуюся волков. Но опасно. А потому, когда она возвращалась и, усевшись перед хозяином, «спрашивала»: «Ну как? Дала я серым трёпу? Запомнят надолго», – тот не радовался вместе с ней, а грозил пальцем.

Всё закончилось трагически. И совсем не от волков. Хозяин Шторма недаром удивлялся какой-то удивительной преданности собаки. Зная об этом, его жена приспособилась использовать это её качество в своих целях. Бывало, засидится муж у кого-либо в гостях, и жена, никогда этому не радуясь, принимала меры. Она спускала Шторма с цепочки и наблюдала за его поисками. Никто не знал, как удавалось собаке найти хозяйский след в неоднократно перемешанной тракторами грязи, но после поисков она всегда ложилась у той калитки, где находился хозяин. Ясно, что супруга, пользуясь подсказкой, немедленно напоминала загостившемуся мужу о домашних делах и заботах.

О самом трагическом в судьбе собаки трудно рассказывать с человеческой колокольни. Но люди наблюдательные, с малолетства любящие собак, знающие их привычки и их способности, многое могут рассказать из того, что наши четвероногие друзья сами пока рассказать не могут.

Шторм не исключение. Но, как единственный свидетель, я возьму на себя смелость рассказать историю великой преданности и страшного предательства так, как это сделала бы сама собака, имея такую возможность.

Вот её рассказ. «Однажды хозяин всей семьёй уехал в отпуск и перепоручил моё содержание и кормление добрейшей и очень заботливой старушке, проживающей рядом с нашим домом. Меня посадили на цепь, но я не возмущался и не выл, точно зная, что это ненадолго. Но когда соседка, покормив меня вкусным холодцом, не сняла с меня цепь и на третий день, я расстроился. Ночью, когда все в деревне уснули, решил действовать.

Нашёл место в стеновом бревне, куда был вколотен штырь, я выгрыз его и освободил цепь. К несчастью, она тут же попала в щель на полу и её снова заклинило. Все мои усилия освободиться теперь уж от цепи не имели положительного результата, и только под утро каким-то невообразимым случаем кара-

бин на моём ошейнике сжался, упёршись в деревянную стойку, я мотнул шеей, и он соскользнул на подстилку. Я не поверил в освобождение и долго лежал рядом с карабином, но затем сделал несколько шагов к двери на улицу и, когда понял, что ничто не мешает моему движению, вышел из предхлевника. Деревня уже просыпалась. То тут, то там в окнах вспыхивал свет, звенели открываемые щеколды, иногда слышались голоса уходящих на ферму доярок. Все эти звуки были знакомы и успокаивали, но у меня была цель. И я рванул по деревенской улице, низко опустив голову, пытаясь уловить знакомый запах хозяина. Со всех сторон, не вылезая из подворотен, забрежали собаки, но мне было не до них. Я носился по улице нашей деревни и по улицам тех ближних деревень, где неоднократно был с хозяином, но труды мои не увенчались успехом.

Меня хватились и неоднократно подъезжали на машинах, пытаясь меня в них посадить, но это не входило в мои планы, и я, огрызнувшись для виду, продолжал поиски. Уверенность мне придавал один случай: когда весной в разлив я, переплыв несколько проток и озёр, нашёл хозяина в пяти километрах от нашей деревни, где он о чём-то разговаривал с трактористами. Все удивились тогда моей способности к поиску. Обратно я ехал с хозяином на переднем сиденье скользящей по водной глади моторной лодки. И был счастлив.

Сейчас же, когда все водоёмы застыли, для будущего счастья встречи с хозяином я не находил препятствий. Но не получалось.

И тут я вспомнил о леснике, к которому мы часто ходили на охоту и у которого зачастую хозяин оставался на ночлег.

Был вечер, когда я побежал в деревню, где жил этот человек.

Неожиданно, примерно на половине пути, я наткнулся на лыжню с запахом лесника и бросился по ней. След уводил меня не в деревню, а туда, где ещё до отъезда хозяина была устроена привада на волков. Лесник знал толк в добыче серых капканами. Он, помнится, накрепко привязал останки поваленного волка-ми телёнка и огородил его срубленными деревьями, оставив небольшой проём для подхода зверей. Как ни сообразительны бывают собаки в охотничьих делах, но им далеко до человеческой изощрённости.

Во времена кабаньих охот я не раз подходил к приваде, но никогда и ничто не угрожало мне.

Откуда было знать, что именно в прошедший день лесник зарыл капкан и, замаскировав свой след, ушёл домой.

За дни поисков я ни разу не ел и изрядно оголодал. При новом хозяине у меня не было нужды есть пропавших животных, но в этот раз голод подсказал мне, что неплохо бы было проглотить кусочек.

Резкая боль в правой передней ноге бросила меня вверх, я изогнулся, пытаюсь разжать капканье железо, но только сломал клыки и разорвал верхнюю губу. Боль была настолько сильной, что я переставал что-либо соображать, а только бился и бился, срезая капканьей цепью кусты и молодые ёлочки. Кровь хлестала из повреждённой лапы и стекала на снег с разорванной губы. Я слабел. Но более, чем потеря крови, парализовала меня мысль о приближающейся смерти, а ещё более об обречённости моего положения. Не верьте никому, что животные умирают легко. Я не знаю, может быть, так оно и есть, но меня охватил такой ужас, что, если бы я тогда умер, именно он был тому причиной. Ни единой ниточки надежды на спасение не мог я найти в своём положении.

Бился, пока совсем не обессилел. Слышал, как недалеко за деревьями кружат пришедшие на приваду волки. Не раз и не два гонял я эту братию по лесным косогорам, подставляя их под выстрел хозяина. Но сейчас они короли. А все короли не боятся народа, пока тот на цепи. И эти не боятся. Завершают круг. Вот сейчас вожак вопьётся мне в шею, и всё закончится. Но что-то медлит. Тупое безразличие одолело моё сознание.

Волки лежали рядом, но напасть боялись. Видимо, запах железа не позволял им перешагнуть ту черту, которая отделяла меня от смерти. Под утро они ушли. Стало холодно. Сказывалась потеря крови, да и морозило по-настоящему.

Снова был день. И снова была ночь. Холодные звёзды и «стреляющие» изредка деревья равнодушно наблюдали за моими мучениями. Капкан, торчащий из снега, тоже безразлично ждал моей смерти. Вот она подошла рядом и уж нагнулась, чтобы задушить меня в своих мерзких объятиях. И тогда я рванулся,

чтобы прогнать её, и даже не понял, почему капкан с моей лапой только чуть пошевелились, но не вырвались из застывшего снега. Я отпрыгнул в сторону и только тогда понял, что освободился от смертельного браслета, оставив в нём уже насквозь промёрзшую лапу.

Больно не было, но я долго лежал, не веря в освобождение. Холод мучал меня, и, пытаясь уйти от него, я поплёлся по старой лыжне, так как вцело снегом идти не мог: проваливался. Никто мне не поверит, но в измученной душе моей снова появился образ хозяина, и это придало мне сил. Дополз до дома лесника. Лёг, содрогаясь от холода, на обметённые от снега доски крылечка. Лесник услышал мою слабую возню, вышел. Покачал головой, что-то приговаривая, и затащил меня в избу.

Хозяин приехал через два дня. Обо мне ему сообщили сразу, и он сразу же приехал. Сам рулил прыгающим на ухабах уазиком и почему-то плакал. Я не понимал его: ведь всё обошлось и мы опять вместе.

Конечно, я, наверное, уже не смогу охотиться на трёх лапах, но дом хранить я смогу. И в кабинете у хозяина могу лежать, чтобы его зря не беспокоили.

Прошла неделя. Лапа совсем заросла. Сейчас двигаться я могу только вприпрыжку.

Однажды к хозяину приехал товарищ по армейской службе. Он мне сразу не понравился. Да и хозяин скорее терпел гостя, чем ему радовался. Увидев меня, прыгающего на трёх ногах, приезжий тут же начал в чём-то убеждать хозяина. Но тот не соглашался, и разговор кончился ссорой. Каким-то чувством я понимал, что речь идёт обо мне, но я и подумать не мог, что меня могут убить. За годы моего пребывания здесь я и мой друг многое пережили. Недаром он всем с восхищением рассказывал, как я спас его от нападавшего кабана. Что и говорить, я правда рисковал в тот раз, когда бросился прямо на клыки многопудового секача, направленные в пах моему другу. Шрам от передней лопатки до последнего ребра и сейчас болит в непогоду. В другой раз я вовремя предупредил друга о затаившемся у тропы раненом медведе, и это спасло ему жизнь.

Шли дни, а предчувствие беды всё более овладевало мной.

Однажды, уже под вечер, хозяин и его друг вышли из дома с ружьями. Обрадованный, что мы пойдём на охоту, я прыжками бросился к лесу. Но в нескошенной траве сломанная ранее нога часто путалась, и я, теряя опору, падал, но тут же вскакивал и бежал. Выстрел и горячая жестокая боль в спине заставили меня оглянуться и броситься назад, под защиту хозяина.

Вместо эпилога

Второго выстрела, ударившего откуда-то сбоку, Шторм уже не слышал.

– Эх ты, мазила! – сказал гость, открывая и продувая ружьё. – А ещё на медведя один ходишь.

Ему никто не ответил. Хозяин Шторма сидел на земле и, положив голову мёртвой собаки на колени, перебирал на ней тёмную с подпалинами шерсть. Порой он проводил по лицу рукавом заношенной синеватой телогрейки. Так и сидел долго, пока не появился лесник, приехавший в магазин за продуктами. Поняв, что произошло, как-то сурово сказал: «Что уж теперь? Поздно. А зря убили собаку. У меня была одна трёхпалая, а лучше многих целоможных работала. Иди домой. Шторма я на Карьке в лес увезу. Там и схороню. Уходите с глаз».

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Было ещё совершенно темно, и Рафаил Евстафьевич Сырников, проснувшись, лежал, сверля открытыми глазами темень, и думал. Тема для мыслей была одна-одинёшенька: как отнять у соседа Виталия Фалалеева четыре сотки сенокоса, что находились рядом с деревней за старым гумном. Из-за них разладились хорошие в молодости отношения с соседом, таким же, как он, горемыкой, кстати тоже воевавшим и изрядно на войне покалеченным.

Трудно даже мыслью приблизиться, что при российском-то раздолье какие-то четыре сотки земли могли стать яблоком раздора для двух по-своему замечательных русских мужиков.

Но так случилось. И лежи бы эта земля между камней и ям бывшего гумна, и расти бы на ней вольно крапива и лопухи, но

Виталий, женившись и дополнительно к жене обзаведшись коровёнкой, решил пристроить её под сенокос. Рафаил Евстафьевич в ту же зиму, что и сосед, прекративший своё холостяцкое и бесхозяйственное существование, немедленно возмутился.

– Как так? Витаха оттяпает сенокос вблизи деревни, а ему надо будет корячиться в лесных логах, где трава плохо сохнет да и сено не едкое.

Этот день лета запомнился жителям деревни на всю сознательную жизнь. У них на глазах молодые мужики, такие смиренные на вид, перешли сначала к тайным, а потом и открытым военным действиям. Я не буду перечислять все мелкие и масштабные неприятности, которые они подстраивали друг другу, степень человеческой изощрённости всегда ограничивается только техническими возможностями в этом неблагородном деле, но кровушки и нервов они попортили друг другу изрядно.

Что удивительно, во время всенародных и деревенских праздников мужики забывали вражду, звонко чокались стаканами, смеялись, рассказывая о своих выходках во зло друг другу, и клялись, что уже утром разделят эти сотки по справедливости. Но до конца праздника стремления к миру почему-то не хватало, и всё кончалось отвратительной руганью и упрёками. Вспоминалось даже то, что у Рафаила Евстафьевича дядька был кулаком, а у Виталия отец отбывал наказание по пятьдесят восьмой где-то на Колыме. До кулачных боёв никогда не доходило только потому, что жёны спорщиков, всегда более трезвые, а значит, более умные, растаскивали их по домашним кроватям при первых признаках обострения конфликтов. Было удивительно, что богатырские на вид мужики теряли воинственность, едва их благоверные напускали на глаза слезинки и начинали причитать по поводу сиротского будущего ни в чём не повинных детей. Не нами сказано: «Мужчины врут молча, женщины со слезами на глазах». Дело заканчивалось тем, что, проснувшись ночью дома, мужики старались вспомнить, что они натворили по пьянке, и, не находя другой возможности выяснить пугающую правду, тихонько вставали и бежали огородами друг к другу. Редкий случай, чтобы ночное бдение не продолжалось встречей двух недавних супостатов на задворках одного из их домов. Садились на подхо-

дящее бревно или на нерасколотые чурки. Молчали. Вздыхали и курили. Не находя подглазников и синяков на лице соседа, маленько успокаивались, и мысли уж переходили в другое направление: как поправить здоровье? Не было случая, чтобы кто-то не вспоминал о припрятанной в ларе с мукой или в старом сапоге чекушке – и жизнь налаживалась. Никто не вспоминал о делёжке. Никто даже краем глаза не смотрел в ту сторону, где в лёгком сумраке летней ночи наверняка весело зеленело разнотравье на спорном сенокосе.

Разойдутся молча. Но в середине июля, едва солнце высветит крыши деревенских изб, встретятся мужики на своих сотках. И снова какое-то неприятие при встрече с соседом. У обоих косы в руках, злость в груди. И быть бы беде, но едва один отпустит косу и взмахнёт, сметая влажную от росы траву, второй торопливо начнёт окашивать круг от своих ног, стараясь захватить как можно больше площади. Так и косят, молча и глядя в землю, чтобы не дать выплеснуться ярости на приближающегося соседа.

Рафаил Евстафьевич отходчив, а потому, когда приустанет, крикнет:

– Иди, Витька, отдохнём.

Куда деваться. Витька, обтерев косу клочком травы, подойдёт и, ни слова не говоря, сядет поодаль на синий большой камень.

Покурят.

– Давай делиться, – предложит Рафаша.

– Ишь, какой хитрый. Знаю я твою делёжку. Ты какую сторону мне хошь отмерить, ту, что к деревне ближе, или ту, что к лесу?

– Хошь, жребий потянем. Спичку ломаную вытащишь, значит, к лесу.

– Не, я спичками землю не делю, – прерывает Витька. – Давай вот от этого камня справа всё моё, а остальное за тобой будет числиться.

– Ну да, – не соглашался Рафаил, там две кочки мятликовые да яма гумённая, а чуть подальше суходол – зачем они мне?

Вражда закипала вновь. Но вот уж скосили всё. Воткнули по два кола на границах своей кошенины и разошлись.

Так продолжалось пять лет. А потом началась война. Повестки пришли в один день. На проводинах ходили обнявшись. Целова-

ли соседских детей, как своих. Просили друг у друга прощения, а потом ушли на свой сенокос. Сели рядом прямо на нескошенную траву. Не пожалели, что сомнут. Тишина. Лишь изредка сквозь неё прерывались всхлипы гармошки да тоже реденько вскрикивал коростель. Луна, полная, большущая и какая-то серьёзная, смотрела на мужиков то ли с осуждением, то ли с жалостью.

Первым заговорил Рафаил:

– Ну, Витаха, забирай любую сторону. Дарю. Нисколько не жалко.

Виталий насторожился.

– Как это любую сторону? Я, может, самое лучшее отхвачу, а ты с чем останешься? Нет, давай уж по справедливости. И кочки и яму, и суходол, чтоб тому и другому поровну.

– Эх, Витаха, не нам с тобой делить сенокосы. Судьба разделит. Но, если ты вернёшься, никому мой пай не отдавай, сам пользуй, а то обижусь.

– Это ещё вернуться надо, – склонил голову и отщипнув губами высокую травинку овсяницы, – прошептал Виталий. – Тебе не боязно на войну-то идти? А мне так боязно. Вдруг убьют. Ребят у меня трое. Да огород и сенокос вот скоро. Как баба без меня со всем этим? Своё хозяйство да колхозных коров двенадцать. Уставать последнее время стала. Жалко. Никогда не жалел, а вот сейчас чего-то нашло. Ты придёшь, так моих не забывай. Помоги, если что. Сенокос, понятно, пользуй.

– Ладно. Шибко-то не поддавайся. Вернёмся оба. Мне Галька-ворожея нагадала.

– А чего это ты про меня узнавал, – скривился Виталий, выплюнув травинку. – Из-за моих соток, что ли?

– Дурак ты, Витька. До наших соток, может, подальше, чем до Царствия Небесного будет, а ты опять за своё. Выжить надо! Понял? А потом уж разберёмся. Может, нам в Германии земли дадут. Ешь – не хочу.

– Ладно, Евстафьевич, прости. Растерялся я чего-то.

– Растеряешься тут: не на свадьбу и едем. Пошли по домам. Прохладно. Тропинка была узкая, но они шли рядом, то один, то другой заступая в мокрую от росы траву. Но всё равно шли рядом.

Перед тем как разойтись по домам, остановились.

– Знаешь чего, Виталей, – пожимая протянутую руку, сказал Рафаил Евстафьевич, – ты духом-то не падай. Смерть ерунда. А вот когда о ней думаешь, хреновато становится. Так что брось это дело. Мне ведь тоже невесело, но креплюсь. Чему быть, того не миновать. А ты надейся. Свидимся ещё.

Разошлись, унося тревогу неизвестности и тоску. Вино почему-то не брало, а чувство какой-то осиротелости и обречённости подавляло грудь холодной пустотой. Даже дети, спустившие головушки с полатей, чтобы насмотреться на папку, и жена, какая-то особенно угодливая и предупредительная, не смогли изгнать холода из груди. Лихо было и тогда, когда осушил протянутый женой стакан самогону. Как воду выпил, не поморщился и не закусил.

Не планировал Рафаил Евстафьевич такую жизненную оказию.

Виталий зашёл в дом тихонько. Не разбудить бы. Но дети и жена не спали. Холод дакнул в грудь: провожают, словно в последний раз. Сел на лавку. Взгляд упёрся в старые жёнины боты. Рваные, а она их любит. К скоту ходить, ногам легко, а толстая подошва не даёт промокнуть. Достал из опушка шило и дратву. Зажал между ног рванный бот, быстро и ловко ушил его. Осмотрел второй, ещё не рванный, но тоже накрепко подшил подошву. Подал жене. Усмехнулся:

– Вот тебе на память.

– Спасибо, – еле слышно прошептала жена. Беззвучно заплакала, прижав голенища бот к лицу, чтобы не увидели дети.

– Не реви, – угрюмо произнёс муж. – Самому тошно. А что делать? Может, обойдётся. Не реви, мать. Хотел сказать ещё что-то ласковое утешительное и постеснялся. Потом, на фронте уже, часто вспоминал прощание с женой и корил, что не нашёл тогда нужных, добрых слов и переживал. Письма писал редко.

Они вернулись в июне сорок пятого. Рафаил – полуоглохший от сильной контузии и с дюжиной минных осколков в спине, ни один из которых, слава богу, не добрался до нужных любому крещёному органов. Сколько их ещё в госпитале вырезали? Раненый в грудь сержант с соседней койки смеялся:

– Вот, земляк, сейчас остатки жизни будешь ты отплёвывать-ся от тех, кто в бою ни разу не был. Скажут: «Раз ранен в спину,

значит, отступал». За труса сочтут. А ты плюнь. Атака, в которой мы с тобой выжили, по самой каёмочке Царствия Небесного нас провела. Но живы, а значит, и на земле ещё местечко для нас есть. Сколько их было, таких атак? Сколько их ещё будет? А в тылу, слышал, голод. Скорей бы домой. Всё-таки помогли бы, правда, земляк?

Помнил Рафаил Евстафьевич сержантские слова, но то, что увидел, возвратившись, было страшнее и жёстче.

Заросли бурьяном и их сотки. Да чего о сотках говорить, поля зарастали на глазах дурной, не едкой травой. И людей стало меньше, и дома словно присели, а раньше такими хоромами казались.

Но некогда было слёзы лить. Сотки свои всё-таки скосили. Хоть на прок хорошая трава нарастёт. Но в этом году надо было где-то в другом месте на коров накашивать.

– Пойдём в сельсовет, – предложил Рафаша, – всё-таки мы фронтовики и кровь, как теперь в газетах пишут, проливали. Неуж нам хорошего сенокоса не дадут?

В сельсовет пошли вдвоём. Сенокоса не дали.

– Ишь, чего задумали? – заныл плюгавенький, с бабьим голосом председатель. Одни вы, что ли, воевали? На всех сенокосов не хватит. А на колхозных коров в лесу, что ли, корма заготавливать?

Ругаться хотелось. Но не стали. В тот день впервые за всю жизнь оба, не сговариваясь, упомянули о необходимости ехать в город.

– Уезжать надо. Бросать всё и уезжать. Правда, потом сменили тему и, когда делили, присев на речном берегу, купленную в сельмаге бутылку, разговорились почему-то о войне. Вспоминали друзей, случаи, когда немцы шибко припекали, и о том, как удалось спастись после ранений. Не хвастались. Просто рассказывали и переживали. И ещё плодородию пройденных чернозёмов удивлялись.

Сено заготавливали воровски, в логах, о которых, по поверьям, и чёрт-то забыл. Солнца там мало, а потому сушили сено, считай, на граблях, каждую свободную минуту от колхозной работы урывая для этого дела. И метать пришлось в остроги. Радовались. Но

нашёл доброхот, доложил. И однажды вечером, в августе уж, увидели фронтовики, как вдалеке от деревни вскинулось зарево, и белый дым, поначалу тоже взлетевший к небу, оседая, заполнил каждую впадинку на пути к их стожкам. Это и послужило поводом, что, не дожидаясь, когда вырастет картошка и поспеют на огороде другие овощи, Рафаил Евстафьевич первый начал упаковывать, как он говорил, манатки, продавая за бесценок и раздаривая землякам то, что увезти не представлялось возможным. Вся деревня, несмотря на страдную пору, провожала их. Кто-то всё ещё отговаривал: «Куда ты, Рафаша? Один переезд равен двум пожарам», «За морем-то телушка полушка, да рубль перевоз».

Но железным мужиком был фронтовик Сырников Рафаил Евстафьевич и хоть стирал украдкой рукавом слёзы, но настоял на своём. Пришёл студбеккер из леспромхоза (о колхозном транспорте и подумать было нельзя), сгрузили имущество, и под гул и плач толпы семейство русского мужика устроилось в кузове. И всё. Осиротела деревня.

Когда обходил Рафаил своих земляков для последнего прощания, остановился напротив Виталия. Сунулся на плечо, обнимая своего врага и друга, и прошептал: «Владей! А только и тебя уведут. Так что убирайся отсюда, пока в силах. Прости, я ведь тебе в мыслях чего только не сулил. На вот. Прошёл к своему забору, поднял из травы большой металлический штырь и подал Виталию. Прости.

Всё хотел эту штуку в твою половину сенокоса заколотить, чтоб ты косу сломал. Да так и не удосужился. Дурак, что с меня взять. Прости, Виталей. Я сообщу, как устроюсь.

– Поезжай. Зла не держи. Я не лучше. Тоже прости. За домом я присмотрю. Узнаю, как ты устроишься, так тоже, может статься, рвану в город. Никому мы с тобой оказались не нужны.

Через год Виталий с семейством тоже покинул родной дом навсегда.

Прошло всего десять лет. Один за другим ушли в мир иной наши ветераны. Хоронили их на местном деревенском кладбище. Так завещали. В дни похорон тот же председатель, который отказал в сенокосе и сжёг стожки, говорил, какими они были героическими земляками. Минуты молчания, как порядочный,

объявлял. И все молчали, только пьяненький мужичок из числа копальщиков могилы на похоронах Виталия неожиданно громко, хоть и не к месту, сказал, имея в виду не только председателя:

– Далась Виталию ваша минута молчания. Сначала лишили всего и в гроб загнали, за заслуги перед отечеством; а одной минутой отделаться решили. Эх вы! Здесь сейчас военный оркестр вместе с нами должен плакать. И прощальный залп карабинов, чтобы вся округа слышала: ещё один защитник Родины умер, не дождавшись почестей при жизни.

Как на него зашикали! Но мужичок был в том состоянии, когда не страшно говорить правду. Махнул рукой: «Ну вас!..» И бросил первую лопату сырой земли в могилу на опущенный гроб.

Эпилог

Заросли лопухами и крапивой стёжки-дорожки покинутой деревни. Гуляет беспощадный ветер в избах с разбитыми окнами, стонут распахнутые крашеные двери, только вёснами у сгнивших, но не сбитых ветрами скворечников всё ещё знакомо насвистывают прилетевшие скворцы.

Четыре сотки у гумна заросли мелкой берёзкой и ивняком. Никому они сейчас не нужны: ни Богу, ни людям». Не нами сказано: «Без хозяина дом сирота», а что уж о земле говорить.

ЕЛИЗАВЕТА

Былая боль – единственная мера
сегодняшнему счастью моему.

Ах, Елизавета Петровна! Елизавета Петровна! Как непомерно счастлив был ветер, который доставил вас в наши палестины. А уж как счастлив я, имеющий возможность видеть вас вновь после тридцати лет разлуки. Нет, нет, это только мои тридцать лет. Вас же они практически не коснулись. Вы и сейчас просто очаровательны и если не верите мне, то посмотрите на мужчин, словно по команде оглянувшихся в вашу сторону, едва вы шагнули с трапа этого речного лайнера. Не пытайтесь мне возражать,

вы действительно великолепны, и я действительно рад вас видеть. Как хорошо, что вы не дочь Петра Первого и не княгиня Монако и я могу вот так запросто общаться с вами. Надолго ли вы в наши края?

– Не знаю, ей-богу! Посмотрю! Может быть, недели две вытерплю. У вас тут, наверное, комары, а я уж и боюсь их.

– Так точно, Елизавета Петровна, комары, – улыбнулся Анатолий. Такая совершенно невоспитанная мелочь, что кусают всех, независимо от чина и счетов в банке. Вас же, такую приглядную и благоухающую ароматом «Шанель», укусить, наверное, приятно не только комарам. Но не переживайте. Зато коров, которых вы не любили пасти в детстве, осталось только две. Кстати, баранов, в детские годы с удовольствием гонявших вас по деревне, вообще нет. Эти бедные животные с библейских времён отдувались за человеческие прегрешения. Вот и почили. В основном на шашлыки. Где изволите остановиться? Дом-то ваш давно на дрова распилили. Сгнил бы иначе. Ничего, в конце деревни ваша родная тётушка проживает. Или забыли? Старенькая, а такая чистюля. Бельё полощет, так дважды выворачивает. И в доме у неё чистота, какой, к примеру, даже в Кремле наверняка не наблюдается. Там каждый чиновник пыль в глаза пускает, а в тёткиных апартаментах она в единственном числе: «И Бог, и царь, и воинский начальник». А главное – совершенно в свои восемьдесят здорова. Вот народ, Лизонька: на себе пахали и боронили, по шесть-семь детей вырастили, мох да клеверные лепёшки ели, траву для коровы с лесных полян на крыльцах* таскали, а живы. Из чувств зашкаливающей благодарности местное начальство их хвалит и даже грамотки даёт, как в своё время за освоение целины. Грамоткой и откупятся: чем дороги строить да быт какой-никакой налаживать, всучил грамотку старушке, и на сердце начальственным благоговение: вот какой я отчаянный молодец. Любуйтесь и избирайте. Ничего, что я тебя Лизонькой-то, может, обидишься?

– Перестань ехидничать, Толя! Я рада, что приехала. Рада, что ты меня встретил и узнал, рада, что меня называешь, как рань-

---

* На плечах.

ше, Лизонькой. Веди к тётё. Я, дура, даже подарка ей не купила. Думала, уж нет её. Нехорошо. В городской суете о родне редко вспоминаю. Пустит ли?

– Конечно, пустит, ещё обрадуется. Это по телевизору деревенских жителей дурачками показывают. Выкопают ведь где-то. У нас на всю округу один такой. И знаешь, в чём его ненормальность заключается? Безотказный, как автомат, и деньги стесняется за работу брать. Но в единственном числе остался. Раньше, говорят, такими почти все были.

Кстати, читал по случаю две твои публикации в столичных газетах. Хороший язык, но то, о чём ты пишешь, не нужно ста сорока восьми миллионам наших сограждан. Не буду расстраивать. Это только моё мнение. Пойдем к Наталье Васильевне.

Наталья Васильевна полола гряды и, когда увидела идущих к ней людей, бросилась навстречу, вытирая о подол фартука испачканные землёй руки. Подбежала и, узнав гостей, вдруг заплакала. Что чувствовала женщина, увидев свою племянницу через тридцать лет, угадать не сложно. Всё смешалось в её душе: и радость встречи, и горечь от ранней потери сестры, и грусть по тем годам, когда эта раскрашенная дама была угловатой озорной девчушкой. Обняла. Но целовать постеснялась.

– Господи, вся в мать. Рядом бы поставить – не отличить. Да вы проходите, проходите. Толя, тащи вещи на крыльцо. Я сейчас кипятильник включу. Цайку попью. У меня и бутылочка для хороших людей припасена. Проходи, Лиза. Ой, как на сестру похожа. Надо же.

Толя занёс вещи на крыльцо и тоже зашёл в дом. Пахло чистотой и свежим хлебом. Знакомые фотографии на стене. Аккуратно застеленная кровать. Стол под красным углом. Недавно побеленная печь: в детские годы, когда морозы не давали возможности «атаманить» на улице, он и Лизка любили валяться на лежанке и выдумывать всякие небылицы.

Пили чай и вспоминали прошлое. Было как-то грустно, но хорошо и спокойно. Всё прошлое казалось милым и близким. Сидели часа два.

Толя засобиравшись домой, и Лиза пошла проводить его.

– Я ненадолго, – сказала она убирающей посуду тётё.

– Дело ваше. Столько лет не виделись? Есть о чём вспомнить. А я в нежилой комнате приберусь, печку истоплю, чтобы воздух подсушить, да и кровать заправлю.

Лиза вышла. Широко раскрытые глаза её выражали недоумение.

– Толя, как же так? Я для неё будто бы никуда и не уезжала? Ничего не спросила: надолго ли я? Сколько платить буду? О семье моей, о работе...

– Лиза! Тётя твоя жизнью выученная, а потому, как сейчас говорят, тактичная женщина. Понимает, будет желание, сама расскажешь. А не будет, то чего допросы устраивать. Осваивайся помаленьку.

– Толя, а можно узнать, ты чем занимаешься? У тебя семья, да?

– Да семья. В городе. А я туда не хочу. Задыхаюсь. Они сюда не хотят. Не весело им. Мне же веселье не нужно. Я художник. Плохой или хороший, не знаю. Показывать картины не буду. Боюсь, что скажешь о них плохо. И что мне тогда? У меня, кроме них и идей, зачастую несбыточных, ничего нет. А они никому не нужны. Не то сейчас время. Не та страна.

– А может, ты не тот? Может, тебе надо стать другим? – Лиза остановилась. – Не могу понять, почему у нас такая, мягко говоря, нелюбовь к стране, в которой живут.

– Да не к стране, Лиза. Не к стране. Многие любят театр, но не любят исполнителей главных ролей. Не любят не потому, что играют плохо, а потому, что ждут от них большего. Ты с тётей Наташей всё равно говорить «за жизнь» будешь. И многое узнаешь и захочешь, чтобы узнали твои читатели. А не напечатают. И все твои «души прекрасные порывы», канут в Лету. Потому что для начальства твои откровения – расстройство. А оно не любит тех, кто их расстраивает.

– Что? – воскликнула Лиза, дослушав земляка. – Как это не напечатают, я заместитель главного редактора и сама решаю, что печатать, что нет. И если будет стоящий материал, даю слово: увидишь его в моей газете. Я обязательно пошлю.

– Попробуй! Только, если что-то не в тему к всенародной радости напишешь, заедят. Наймут хорошего безработного журналиста, заплатят и крикнут: «Фас!» Но я желаю тебе удачи. А зав-

тра в лес советую сходить. За полем на вырубке земляника, с пуд ягода. А запах! Не бывал в раю, всё дела какие-то, но сдаётся мне, что там воздух тоже земляникой пахнет. Ну а ещё неплохо бы, для укрепления родственных связей, помочь прополоть Натальин огород. Смотри, Лиза, какая у нас красота. Придёт время, люди поймут, что эти места не только для пикников, а и для жизни годятся. И вернутся. Построят дома, дороги и обработают поля. И будут её любить, беречь и защищать. Придёт время. Ты устала, наверное. Отдохни. В гости не приглашаю. Мой порядок тебе бардаком покажется. А для меня впору. Каждая вещь, чем чаще я ею пользуюсь, тем ближе лежит.

Подошёл. Взял руку женщины и, словно извиняясь, тихо сказал: «Не обижайся».

Елизавета Петровна пришла к Анатолию только через неделю. Отсутствие косметики состарило её, но не настолько, чтобы победить породную красоту. И всё-таки это была другая женщина. В её поведении уже не было показного превосходства и весёлости, не проскальзывало и желание быть лучше всех и удивлять, как это было при первой встрече. Мало того, она стала серьёзней и в какой-то степени даже родней, ближе, что ли? По крайней мере, у Анатолия исчезло желание говорить ей колкости.

– Что-то долго не приходила? Обиделась всё-таки? Ну и как тебе деревенская жизнь?

– Не в обиде дело. Я помогала тёте в огороде, а вечерами она рассказывала мне о своей жизни. И, кажется, я стала больше понимать, почему тебе не понравилось то, о чём пишу.

– Заметь, не то, как ты пишешь, а то, о чём пишешь, – уточнил Анатолий. – Я и сам недавно прозрел. Искусство – дело, оказывается, крайне ответственное. Оно может оживить тех, кого уже нет, восстановить погибшие государства и цивилизации, оно позволяет приоткрыть двери в будущее. А потому заниматься им в какой-то мере всё равно что соревноваться с высшими силами, нас создавшими. Я знаю, о чём ты хочешь написать. Знаю, что тебя жжёт желание немедленно этим заняться. Но не спеши и не задирайся зря. Буря выкорчёвывает столетние деревья, но не может растерзать хлипкий на вид куст краснотала.

Лиза уехала в Москву через два дня. А через два месяца Анатолий получил бандероль с подборкой её рассказов и очерком. Вот два отрывка из её очерка.

Воспоминания Натальи Васильевны

А ещё помню. Это уж в сорок третьем было. Бригадир послал нас яцмень сеять. Маленько. По-ранешнему нам бы на уповод работы-то. А тут ползём, друг друга придерживаем. Кацает от голода. Дошли. Я наклонилась над мешком зерна в ведро набрать, а голову кружнуло, и кувыркнулась. Встать нет силушки. Лежу и реву. В первый раз о муже нелёстно подумала: их, небось, кормят на войне-то. Потом себя за это всегда корила. Казалось мне, что именно в тот час, когда я о нём так подумала, и убили его. Похоронка через три дня пришла. Все беды, Лизонька, на меня той весной свалились в одночасье. Недаром говорят: пришла беда – открывай ворота.

Посеяли мы яцмень и маленько в сапоги семян насыпали, чтоб дома ребят подкормить. Уж к деревне подходим. Уж радуемся, что удачно всё получилось. И посеяли, и ребятишек накормим. Но... Выезжает на сером жеребце наш председатель. Поравнялся с нами и ехидно так командует: «А ну, бабы, снимай сапоги!» – и матюком вдогонку. Сняли. Зернышки-то по песочку рассыпались. Испугались. Но боле всего стыдно. Воровками признают. Позор-от какой. Да ещё и засудят. Дети-то как без нас? Совсем растерялись. На солнышко весеннее глянем, а оно цёрное. Только по ободку свет. Тогда не обратили внимания, что Евстолюшка, товарка наша, к председательскому верёвочному стремени прилипла и вроде как шепнула чего-то наезднику. Тот сразу на лице изменился и уж по пути заговорил. «Ладно, – говорит, – молитесь Бога, что я сегодня в настроении. Яцмень соберите, но чтоб до единого зёрнышка. Да помалкивайте. Не то посажу». Попытали мы Евстолюку: чего шепнула-то? А не сказала. Видимо, свой интерес был.

Пришла я домой, а сынок на полу у двери лежит. Три годика.

Не плачет уж. Отплакался, Христовой, пока я зёрнышки собирала. Травки какой-то поел. На полу рвота зелёная. Не могла отводиться. Умер. Чего мужу-то скажу? Ей-богу, удавиться хотела.

Но пришла свекровь и, словно почуяв неладное: «Ты, девка, цево удумала! Не смей. Придёт Федька с фронта, а не к кому голову приклонить. Только о себе думаешь. Дети будут. Молодая ещё». Сама плачет. А меня строжит. Кажинной день заходить ко мне стала. Вместе и похоронку оплакивали. Боялась я её, а до того добрая до меня оказалась, что с матерью наравне её считать стала.

Всё плацу, а ведь не всегда с ним ладила. Погуливал, а вот ничего от него не надо, если б был: посадила бы под божницу, и пусть бы только поглядывал на меня. Вот как, Лизонька, бывает.

Наталья Алексеевна вытерла передником глаза.

Из очерка

Рассуждения о деревенской идиллии имеют лишь одну опору: недостаточное знание всего того, что пережила деревня в военные и послевоенные годы. Ватные штаны и багры на плечах женщин, возвращающихся со сплава, – это признак беды и отчаянной схватки за выживание, признак борьбы с голодом, который тревожит даже во сне. Но это и признак подвига во имя будущего, во имя спасения своих детей. Не их вина, что новые люди, пришедшие во власть, забыли, ради чего великий народ ложился полками и батальонами на уже напитавшуюся кровью землю, умирал от голода и от изнеможения под непомерной ношей каждодневного труда. Стыдно воровать у такого народа! Стыдно вгонять его в новые испытания ради золотых унитазов и заморской жратвы. Стыдно пытаться поднимать веру в Бога, благословляя обогащение и ложь. Только стыд – удел совестливых.

Что будет с моей страной через два десятка лет? Не знаю. Что ещё можно взять с безропотных и доверчивых людей, живущих в глубине России? По-моему, уже нечего. У них ничего нет. Всё, в том числе здоровье и даже заработанные за десятилетия гроши, умудрились изъять глашатаи нового строя под противным соусом будущего благополучия. «Ум человеческий тонок и гибок. Знаю, на место сетей крепостных люди придумали много иных...» – писал Некрасов. Цепи предусматривают рабство. Неужели без них нельзя строить справедливую и отчаянно любимую нами страну? Отцы наши сумели защитить Родину от чужеземных врагов. Нам бы суметь от своих её защитить.

Прочитав последние строчки, Анатолий отложил рукописи в старый, ещё от родителей оставшийся комод. Вышел на заросшую разнотравьем улицу. Присел на пень большой старой берёзы, которую пришлось спилить из-за отмирания ветвей, и привычно осмотрел луга, простирающиеся от борового леса до русла реки. Не скошено ни сотки. Коростелям и перепёлкам бы раздолье. А нет и их. Тишина. Мёртвая. Сглотнул подступивший к горлу комок и ощутил какой-то болезненный приступ сиротства. Захотелось убежать, уехать куда глаза глядят, чтобы никогда не видеть призрака подкрадывающейся к его полям, лугам и деревням смерти. Ещё недавно здесь о ней не вспоминали даже старики: других дел было невпроворот. Звенел луг от рокота косилок, гудел от мощи тракторных двигателей, но когда эти звуки удалялись, ясно слышался окающий говор прибирающих сено земляков.

«Оказывается, – прошептал Анатолий, – это и была жизнь. Простая, незамысловатая, трудная, но жизнь».

«Всё путём!» – говаривал приезжающий в отпуск его друг, капитан дальнего плавания, жадно, взahlёб вдыхая знакомый с детства воздух. Снимал с себя капитанский мундир и, преобразившись в простого, незаносчивого и доброго мужика, с какой-то необъяснимой радостью принимался за крестьянский труд.

Нет капитана. Никого нет. Всё реже, встречаясь на полузаросших улочках, улыбаются приезжие люди. Всё чаще приходят грустные вести о том, что, сиротливо пометавшись в городской суете и безликости, бывшие жители бывших деревень уходят в другой мир, так и не исполнив свою главную мечту – навсегда вернуться домой.

МОЛИТВА

Кто в море не бывал, досыта
Богу не маливался.

В. Даль

Бывшая деревенская учительница Юлия Григорьевна в свои семьдесят два года, часть из которых была пронизана голодом и холодом военных и послевоенных лет да вдовьей судьбой, с за-

вистью смотрела, как собираются за клюквой молодые бабы и девки. Ох, сбросить годочков десяток, показала бы она этим хохотушкам, как надо ягоды собирать! Смолоду получалось у неё это лучше всех в деревне. Подружки говаривали матери: «Ну и Юлька! Ягоды двумя руками собирает да ещё и ногой прихватывает!» Бабы, словно учуяв её грустные мысли, вдруг наперебой закричали: «Григорьевна, поехали с нами. Там и идти-то до болота всего ничего. Поехали!» Словно вожжей хлестнула мысль: «Откажусь, а потом уж, может, и не бывать». И вдруг неожиданно для себя крикнула: «Подождите, бабоньки! Поеду!» Собралась, как ноне говорят, в шесть секунд. В аккурат и машина подкатила. Двадцать минут езды да полчаса ходьбы до болота. Шли споро. Но Юлия Григорьевна не отставала и радовалась в душе, что не задерживает баб. Клюквы в первом же болотном отнорке хоть лопатой гребь. Остановились перепышкаться. «Бабы, я, наверное, тут останусь?» – спросила Григорьевна. «Дело хозяйское, оставайся. На обратном пути заберём. А мы ещё минут с десяток пройдем и тоже собирать будем». Бабы ушли. Старушка не торопясь положила на высокую кочку завернутые в пакетик кусочек хлеба, два яичка и два помидора. Подвесила на сосновую вершинку старую газету. Осмотрелась: «Господи, день-то какой баской! А ведь октябрь уж». Перекрестилась с благодарностью и, придвинув корзинку, начала собирать быстро и чисто. Словно и не было за склонёнными над болотным мхом плечами семи десятков по-своему радостных и горестных лет. Жаль, нет мужа. Порадовался бы столь щедрой ягоде. Вот ведь ушёл и разрешения не спросил. А словно ноги подломило. Да что ноги – в душе опоры не стало. Достала тогда из комода старую тёмную икону, протёрла и приспособила в красный угол. Баб спрашивала, кто на иконе изображён? Да какие и когда молитвы читать положено? Сказали, что на иконе Николай Чудотворец, и остальному научили. Припало к сердцу Божье слово. Десять лет прошло, попривыкла. Длинными зимними вечерами, когда уж вовсе неумоготу было, перечитывала Алёшины письма с фронта. Одно особенное, как-то не по-мужицки написанное, наизусть выучила. И сейчас душу греет.

«Юленька, золотиночка моя, здравствуй! Вчера по-настоящему понял, как хрупка человеческая жизнь, и побоялся, вдруг не

успею сказать тебе тех главных слов, которые стеснялся говорить в довоенной жизни. Чем дольше длится наша разлука, тем чаще мысленно бываю там, где впервые почувствовал нежную робость твоей любви. Слава Богу, я ни разу не обманул её. Вспоминаю до подробностей те слова, которые мы шептали друг другу. Наверное, сейчас новые влюблённые, спрятавшись в кипени весенних черёмух, слышат наши слова, могут потрогать и повторить их. Я знаю, что именно ими пронизана вся наша земля: каждая травинка, каждый окровавленный камень морской прибрежной полосы, на которой ещё вчера шёл бой, и даже палуба грозного, стоящего на рейде корабля. Штормовые солёные волны не в силах их смыть. Да и как смыть то, что до последнего вздоха живёт в человеческой душе? Знаю, как тяжело тебе с двумя малышами. Пиши, как с питанием? Можно ли прикупить семян картошки? Её надо обязательно посадить. При первой же возможности вышлю денег. Мне-то они и нужны только на махорку. Мамке моей скажи, что за сварливость ей воздастся. Если в роно посодействуют, переедь по зимнику к своим родителям. Учителя и там нужны. Алексей».

Юлия Григорьевна осмотрелась. Проверила, в какой стороне газета. Вдалеке перекликались бабы. Взлаяла собака, и с шумом над самой головой Григорьевны пролетел тяжёлый одинокий глухарь.

Радостно на сердце: ягод в корзине на три дранки. Всем хватит: и детям, и самой останется на кисели. Склонилась вновь. Руки собирают ягоды. Мысли ворошат прошлое. Одно другому не мешает. Молодая лайка выбежала из предболотья, увидела качающуюся на вершинке газету и бросилась к ней. Охота оказалась удачной: хлеб, яйца съела, куснула и помидоры, но не понравились, скатила лапой под кочку. Газета качалась, приглашая к игре. Собака подпрыгнула, легко стащила её и, мотая головой, разорвала на мелкие кусочки. Посмотрела в сторону увлечённой сбором Григорьевны и, словно осознав вину, пустилась своим следом наутёк к хозяйну. «Весна да осень – на дню погод восемь», – говаривали раньше старики. Когда старушка в следующий раз подняла голову, то не увидела ни газеты на сосенке, ни солнышка в небе. К тому же сменился и усилился ветер, да и попутчицы вдруг замолчали.

«Доберу корзинку и пойду на тропу, – решила про себя Григорьевна, – бабы всяко не оставят». Долго ли ещё собирала, та-кая ставшую тяжёлой корзину за собой, вспомнить потом не смогла. Но как-то враз навалилась усталость, ноги путались в кочках, а то и проваливались в торфяную грязь. Решила отдохнуть. Поставила корзину повыше, наломала и постелила на кочку сосновых веток, чтобы зад не подмочить, и села, опира-ясь спиной на невысокие сосёнки. Задремала сразу, видимо по привычке: дома тоже, пообедав, любила отдохнуть. Сквозь сон слышала чей-то призывный крик, но не проснулась. Бабы, поте-ряв свои заломки, сбились с направления и, черпая короткими сапогами болотную жижу, с трудом вылезли на тропинку совсем не в том месте, где оставили Юлию Григорьевну. Покричали, по-ходили по тропке туда-сюда и, решив, что старушка давно ждёт их в машине, пошли к дороге. Короток октябрьский день. Пока вышли на дорогу, уже по-настоящему смеркалось. Григорьевны не было, но оставалась ещё надежда, что подобрала её попутная машина. Надежда была слабой. Так, для очистки совести. А по-тому поехали сразу к её дому, а потом к сыну и всё рассказали. Но было уже темно, выткни глаз. Потому искать решили утром. Так и осталась Юлия Григорьевна одна на сырой болотной кочке. Проснулась оттого, что холод пробрался не только в сапоги, но и под фуфаячку. Всполошилась. Крикнула несколько раз, но никто не ответил в сумрачном промозглом лесу. Осмотрелась ещё раз, надеясь на чудо. Но ни признаков тропинки, ни газеты не увиде-ла. Ужаснулась вслух: «Как же я сейчас? Неужто ночь на болоте коротать? Умру со страху. Мало ли молодых и здоровых в лесах гибнет? А я разве выдержу?» Юлия Григорьевна вновь ощутила своё безысходное сиротство. Что-то подобное с ней уже было в день похорон Алексея, когда с поминок все ушли и она, оставив на дочерей уборку и мытьё посуды, незаметно прошла в боко-вушку, вальнула на застеленную кровать и сдавленно зары-дала. Всё было в той ушедшей навсегда жизни, но услужливая память выбирала сейчас только хорошее, и от понимания, что ничего подобного уже не повторится, становилось ещё горест-нее и больнее. Робко скрипнула дверь, зашлёпали по полу босые ножки, и двухлетний внук ткнулся пушистой головешкой ей под

грудь. Опираясь на постель, подтянулся, прилип губками к щеке и вдруг, отстранившись, спросил:

– Ты плачешь, да? У тебя щека солёная. Я, когда плачу, тоже солюсь. Поедем к нам жить. Печку большую возьмём и поедем. Ты будешь блины и оладушки печь. Поедем, а? И шмыгнул носиком.

Юлия Григорьевна поднялась, подхватила внука на колени, и, хоть слёзы вновь покатались по её морщинистым щекам, она почувствовала, что это были совсем другие слёзы. Поставила внучка на пол, взяла за ручку и, оттого немного успокоившись, сказала: «Пошли-ко, голубок мой, Ванечка, к маме на кухню. Мне уж и обряжаться пора». И они вместе шагнули в другую, ещё незнакомую жизнь.

Нет сегодня внука Вани. Кричи не кричи, не услышит из далёких неродных краёв. Выгнали молодых из деревень, оставив на одряхлевших, заросших крапивой улицах да в редких жилых домах вечную, неутолимую родительскую печаль и непреходящий страх за своих детей и внуков.

Юлия Григорьевна ещё раз с надеждой огляделась и пошла наобум. Лишь бы с болотной сырости засветло выбраться. Загрохотало несколько вершинок молодых сосёнок, чтобы корзину найти. Напокасть пошёл дождь. Крупные холодные капли его, казалось, прожигали насквозь. Так и шла с единственным желанием достичь сухого места. Грозно шумел лес. Вдруг словно железная рука зло и беспощадно сжала грудь. «Вот и сердце не выдержало», – горько и отчуждённо, словно речь шла не о её сердце, прошептала и истово перекрестилась. Вспомнила вдруг: валидол в пакетике в кармане фуфайки. Нашла, разорвала пакетик, нащупала таблетки и положила в рот сразу две. Оперлась на деревце и замерла. Сколько стояла, понять не могла. Но ослабла железная хватка. Поплелась, видя перед собой лишь торчащие на фоне темнеющего неба вершины больших деревьев. Вышла на светлый, даже в ночи, белый боровой мох. Нашла одиночную невысокую ёлочку. Из последних сил наломала сырых веток, бросила поближе к стволу и упала на них, уже не веря в спасение. Пока шла, ноги согрелись, и, свернувшись клубочком, Юлия Григорьевна попыталась заснуть.

Дождь разошёлся, пробивая слабую крону боровой ели. «Только бы не снег», – шептала, вжимаясь в подстилку, старушка. А то утром и тропку-то завалит. Тогда уж точно смерть. Вот ведь, когда прихватывало здоровье, звала её и ничуть не боялась. Но так вот, не по-людски, не хочется. Конечно, наутре пойдут искать и найдут и обрядят как следует. Но лучше бы дома. Да и за какие такие прегрешения ей это наказание? А как не найдут? Растащит волчье по сузёмам. И будет её сиротливая душа мотаться по лесам и весям в вечном поиске успокоения.

Тёплые струйки слёз робко спускались к старушечьим губам. Приподнялась, поправила подстилку. Села, опираясь на еловый ствол. Ноги вновь стали мёрзнуть. Но ещё холоднее было на душе. Резкий треск одряхлевшего на корню падающего дерева пронзил страхом всё существо Юлии Григорьевны. Мысли о том, что она погибнет в ночном лесу, заставили снова вернуться в прошлое и лихорадочно вспоминать, за что всё-таки ей такая гибель? Всю жизнь учила деревенских детей. Да своих шестеро. Шутка ли, в такие годы одеть, накормить. А как, повзрослев, разъезжались дети из родного гнезда? Каково материнскому сердцу кровинок своих на чужбину отпускать? Скулила ночами тихонько, чтобы не разбудить мужа. Забудется иной раз ненадолго, и сразу сон: таскает в своё гнездо чёрно-белая собака утопленных и зарытых соседом щенков. Слышится ей даже, как, воскреснувшие от материнского тепла, попискивают собачата. Страшно. А вдруг с её ребятами что случилось, а её и в завидании нет. Рядом бы была, неуж хуже собаки? Кровь бы свою до капельки отдала, лишь бы жили. Тайком, чтобы народ не увидел, к гадалке ходила. Та маленько успокоила: хорошо, что собака пёстрая и что щенята оживают. Прибаливают, мол, иногда дети, но излечатся. Болезни у них от тоски больше. Привыкнут, и всё наладится. Худо, кому чёрная собака, мёртвых щенков таскающая, во сне привидится. Тогда большую беду жди.

Не находила Григорьевна больших грехов в прошедшей жизни. Всё отдала своим и чужим детям. Себе оставила немножко, чтобы посмотреть, как оно дальше-то будет? Только чужое пришло время, непонятное. Всё деньги, деньги! Нет. Не приходили на память грехи. Зато в тайниках страдающей, испуганной души

неожиданно родилась молитва. Ей даже показалось, что кто-то тихо читает её, а она повторяет: «Ангеле Христов, хранителю мой святой и покровителю души и тела моего, вся ми прости, елика согреших во днешний день, и от всякого лукавствия противного ми врага избави мя, да ни в коем же гресе прогневаю Бога моего; но моли за мя, грешную и недостойную рабу, яко да достойна мя покажешి благодати и милости Всесвятыя Троицы и Матере Господа моего Иисуса Христа и всех святых».

И надо же, дождь перестал, но донимал дующий с болота низовой ветер. Встала, походила по боровинке взад-вперёд, согреваясь. Помогло. Стало чуть теплее. Зубы, по крайней мере, уже не выбивали дробь. «А может, и ничего, перемаюсь как-нибудь до утра», – услышала Григорьевна собственный голос и испугалась его. Прилегла. Невидимые капли прошедшего дождя лениво падали с деревьев. Забылась, видимо, потому что разбудивший её плеск воды за спиной оказался совсем рядом. Вжалась в подстилку, насколько могла, и крестилась, крестилась, на одну лишь Божью волю уповая. Кто-то громадный и тяжёлый, отряхнувшись на боровинке, прошёл близко. «Леший, наверно», – подумала Григорьевна, и страшно стало от собственной мысли. Вспоминались леденящие душу рассказы о нечисти. Слёзы вновь засолонили губы, а она лежала и боялась их вытереть. «Хоть бы кто-нибудь помог. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешную», – дрожащими губами раз за разом причитала Григорьевна, мелко крестя себя спрятанной под фуфаячку рукой. Услышала, как «леший», громко сломав ветку, начал удаляться. Радоваться боялась. Вдруг обманывает нечистый? Вернётся и утащит в сузём, а там-то уж её никто не найдёт. Стихло. Немая и слепая ночь хранила свои тайны. Григорьевна отлежала бок и хотела повернуться и только тут почувствовала, что сжатая в троеперстье ладонь под телогрейкой всё ещё свершает крестное знамение. Достала руку и невольно, но уже размашисто, от плеча до плеча, перекрестилась. Вытерла слёзы. Вальнулась на другой бок. Со страхом и недоверием вслушивалась в ночь.

Прошло какое-то время, но никто не нарушил ночного покоя, и Юлия Григорьевна, утомлённая усталостью и переживаниями, вновь вздремнула. Приснилось ей, что она, ещё совсем моло-

денькая, в гостях у бабушки, сидит у окна и наблюдает, как по их дому ходят чужие вооружённые люди. Что-то ищут. Бабушка плачет в кути. Дед сидит на пороге и тяжело, с придыхом тянет из трубки махорочный едкий дым. Он бригадир и украл, как она поняла из разговоров военных, мешок муки. И вот сейчас дед, не раз рисковавший жизнью ради новой жизни, лично знавший Будённого и прошедший в его армии от Туркестана до Перекопа, сидел и, склонив голову, оправдывался перед молодым холёным сосунком с наглыми бесцветными глазами. Юле было жаль деда. Да и если бы в доме была мука, не ели бы они лепёшки из травы. Грохот на чердаке и мат отвлекли её от рассуждений. Выскочила в сени, поднялась на чердак и увидела отряхивающегося от пыли военного. «Немедленно сжечь!» – скомандовал тот, показывая на разваленную стопку икон. Схватил пачку образов и выбросил в слуховое, открытое для проветривания окно. И вдруг на него напала какая-то необъяснимая ярость: он топтал иконы, многие из которых были застеклены и украшены стеклянными разноцветными шариками, ломал через колено и, матерясь, выбрасывал.

Юлька метнулась в куть: «Бабушка, что делать? Он велит все иконы сжечь!» Та, к её удивлению, даже не оборачиваясь, как-то обыденно, будто речь шла о куче тряпья, сказала: «Делай, что говорит, и не реви. Бога не сжечь. Баню истопи. Деда заберут, наверно». Юлька плакала и носила в баню разбитые иконы. Потемневшие лики святых смотрели на неё спокойно и мудро. Растопила берестой печку, сняла с икон уцелевшие шарики, серебром отливающую бумагу и едва заставила себя бросить первую доску в топку печи. Бросила с опаской, но ничего страшного не произошло. Пламя лизнуло сухое дерево, жадно за него ухватилось и, превращаясь в крупного рыжего зверя, с рёвом метнулось вглубь печи. Юля подбавила дощечек и закрыла печную дверку. Ещё раз перебрала иконы. С последней, словно из тёмных сумерек, смотрели на неё пронзительные чёрные глаза святого. Она отвела икону влево, затем вправо, но глаза неподвижно смотрели на неё. Юльке показалось, что там, за иконой, спрятался кто-то живой. Она не бросила эту икону в печь, а укрыла её в дровах, уложенных в предбаннике.

Разные мысли крутились в девичьей голове. С одной стороны, она уже второй год комсомолка и не раз выступала на собраниях о необходимости борьбы с «опиумом народа». Но когда ей приходилось бывать в разорённых церквях, она с трепетом и благоговением рассматривала искусно вырисованные потолочные и настенные фрески, рассказывающие о житии святых. Ей не верилось, что можно было усилием одной лишь выдумки изобразить никогда не существовавшую жизнь со всеми её тонкостями, человеческими скорбями и радостями. Это настораживало, но, как добросовестная атеистка, она заучивала молитвы, чтобы по совету историка, расчленив их на отдельные выражения, доказывать своим слушателям, чаще всего пришедшим на школьный концерт землякам, что Бога, Которому они поклоняются, нет и не может быть.

Открыла печную дверку. Дощечки догорали, постреливая искрами и пощёлкивая. Не грели. Юля протянула руки к пламени, но стало ещё холодней. Ужас охватил девочку, и она закричала: «Господи, прости меня и спаси!»

Юлия Григорьевна, не понимая, где находится, услышала последние, полные отчаяния слова комсомолки Юли. Вытянутая вперёд правая рука совершенно окоченела и не слушалась. Содрогаясь от холода, попыталась встать, но ничего не получалось, занемевшее тело, казалось, уже стало частью боровой холодной земли. От страха снова, почти не осознавая, шептала молитву. Блеснула мысль, как хорошо, что в юности она выучила их много. «Царица моя Преблагая, Надежда моя Пресвятая, приятелище сирым и странным заступнице, бедствующих помощи и озлобляемым покрове, зриши мою напасть, зриши мою скорбь; отовсюду искушением одержим есмь, а заступающего несть. Ты убо Сама помози ми яко немощну, окорми мя яко странна, настави яко заблудша, уврачуй и спаси яко безнадежна...»

Юлия Григорьевна ещё не дочитала молитву, как услышала негромкие щелчки, и тут же вспомнила, что именно так щёлкали, разгораясь в банной печи, сухие доски икон. Продолжая молитву, старушка поняла, что щелчки двигаются по кругу, в центре которого находится она. Но было уже всё равно. Как только одна из молитв кончалась, на память приходила другая, и она шептала

её. Не заметила, как встала с подстилки и пошла по кругу туда, где слышались щелчки. Прямо идти не получалось. Едва подходила она к какой-то невидимой границе, щелчок раздавался сзади. Она резко оборачивалась, пытаясь увидеть того, кто щёлкает, и снова заходила в круг. Это и спасло почти потерявшую сознание женщину.

Есть хорошее качество в нашем северном народе. Деревенские жители, узнав о чьей-то беде, всегда придут на выручку, отложив самые срочные дела. Вечером, узнав о пропаже Юлии Григорьевны, мужики собрались в доме её сына, чтобы договориться о поисках. Засиделись, вспоминая прошлую жизнь и свою учительницу:

– Помню вот, хотя ещё в начальных классах учился, как Григорьевна целую семью спасла, – рассказывал начинающий сидеть мужик с голубыми печальными глазами. – Был у нас в деревне плотник по кличке Пашнет. Звали его так за то, что вместо вопроса «Понимаешь или нет?» у него эти слова таким образом выговаривались. Узнал как-то Сашка от мужиков, что недавно приехавший к ним в деревню фельдшер обозвал его пьянью и дрянью. Надо сказать, плотник, кроме редких дней получки, был услужливым и даже стеснительным мужиком. Но, услышав о себе такое, закусил удила, и однажды в получечный день деревня услышала его рёв «Убью!» и глухие удары топора в дверь фельдшерского дома. Сашка, хоть и пьян, рубил дверь мастерски, отщипывая щепку за щепкой от толстой кондовой двери. Народ столпился. Бабы визжали и уговаривали плотника. Мужики, потупившись, молчали. Знали зверский характер пьяного Пашнета.

И надо же, Григорьевна идёт. В руке портфельчик, как сейчас помню, жёлтенький, тетрадки под мышкой. В толпе сунула свою ношу в чьи-то руки и напрямик к Сашке. А в двери дыра уж с кулак. Подошла вплотную, спрашивает: «Что, обидели тебя, Александр Васильевич? Знаю, что зря обидели». Сашка с рёвом: «Он меня, падла, за человека не считает. Изрублю!» – и мат, соответственно. «Ну изрубишь. Посадят тебя. Кому от этого легче станет? У тебя трое детей да у него трое. Вместе играют, вместе в школу ходят. Те и другие сейчас от страха к мамкиным ногам жмутся. Неужто не жаль? Если уж совсем озверел, руби меня. – И платок с головы стащила. – А лучше дай топор да пойди проспись».

Охнула толпа, когда взлетел топор над кудрявой головой учительницы, а затем тупо ударил в половую доску у Сашкиных ног. Сам он рванул рубаху до пупа и метнулся на задворки, где темнел небольшой сосновый островок. Все видели, как опустилась Григорьевна рядом с топором, обхватила голову и задрожала в беззвучном плаче.

– А мне дочь рассказывала, – подхватил разговор мужик с окладистой светлой бородкой, – как она в забастовочный день к ним в школу пришла. «Бастуете, говорит, девоньки? Молодцы! Только доярки, видела, коров кормят и доят. Не бросили. Жалко им, видите ли, скотину. А ведь институтов стойно вас не кончали и живут труднее, чем вы. И декабристы, помнится, на Сенатской площади не заявляли: "Извини, мол, царь-батюшко, за то жалование, которое ты платишь, мы Отечество любить и защищать не можем. Добавь хоть сребреник". Моя вина. Чему-то я вас, девоньки, недоучила? Вот и в коммунистах бойко разуверились, как по команде. И к Богу некоторые из вас с выгодой переметнулись вслед за начальством. А я вот, старая, иногда от безделья задумаюсь, так Он по жертвенности Своей во имя нас, грешных, первым интеллигентом на земле был. Да и не обмануть Его, не партком. Подумайте на досуге». И ушла. Дочь призналась, что другую бы они немедленно съели в порядке профсолидарности, а тут словно языки прикусили.

– Найти бы завтра. Пошли. Утром раньше надо, до ягодников, – поднимаясь, сказал бородатый. Все согласно кивнули и заспешили домой. Чуть свет на поиски вышло всё мужское население близлежащих деревень. Та самая лайка, которая оставила Григорьевну без ориентира и еды, нашла её, уже упавшую, в трёхстах метрах от корзины. По молодости собака взлаяла несколько раз и тут же унеслась, зачуввав убегающего по болоту лося. Несколько мужиков повернули на собачий лай и вскоре увидели лежащую старушку.

«Умерла Григорьевна, – горестно заключил один из спасателей. – Да и не шутка, такая ночь гибельная». Сняли вязанные шапочки, потупились. Затихли. И вдруг слышали шёпот: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим...»

Мужики бросились к Григорьевне, затрясли, пытаясь привести в себя. И только когда она со стоном открыла глаза и даже

назвала мужиков по имени, два ружейных выстрела оповестили всех о спасении.

Выносили Юлию Григорьевну по двое, по очереди, меняясь. Ей наверняка было тяжело висеть на мужичьих шеях, но терпела и лишь иногда, если кто-то из носильщиков спотыкался, постанывала и просила остановиться. Нашёлся термос с горячим кофе. Старушка выпила две термосные крышки и отказалась от носильщиков: «Сама, робята, дойду. Спасибо, не дали умереть старухе. Вы да Господь. Всю ночь молитвы читала».

– А чего, Григорьевна, пока болото близко, может, за клюквой, завернёшь? – пошутил один из носильщиков.

– А и сходила бы, но уж не сегодня, – улыбнулась женщина и тут же заплакала. Никому в голову не пришло утешать её. Чували, что чистится плачем исстрадавшаяся бабья душа.

Вечером того дня, когда нашли Юлию Григорьевну, я и ещё многие владельцы коров собрались в их ожидании на крыльце бывшей колхозной конторы. Курили. Говорили о спасшейся учительнице.

– Как это она выжила? Я бы и то с ума сошёл, – начал разговор коренастый мужичок. Без спичек. Холодрыга. А темень – ладони не видать. Хреново! Говорят, молитвы читала. А я и не знал, что она верующая.

– Да, Тимоха, тебе бы как. Все знают, что ты, особенно по пьянке, кроме матюков, все слова забываешь. При злости и радости только они у тебя в ходу. Да ещё ржёшь по-жеребачьи. Вот и все твои способности, – говоривший моложавый мужик с тонкими, почти женскими чертами лица, вздохнув, продолжил: – Григорьевна только после смерти мужа к Богу шагнула. Не во всём ещё могла разобраться, а потому по деревне, как иные нововерующие, с крестом не носилась. Благодати особой от веры не ждала. Доброта в неё смолodu заложена. Дед ещё рассказывал. Заготавливали они сено на «Мауре». Вдруг выбегают из лесу четверо беглецов. В те годы из лагерей частенько сбегали. Дед косу в небо: «Уходите, робята, зарублю. Не дайте грех на душу положить. Уходите!» Беглецы оборванные, голодные. Видели, конечно, что дед на сенокосе один, а остальные бабы, но повернули и ушли своим следом. Так Юлия с рёвом бросилась в шалаш,

схватила все мягкие, какие в холстяном мешке запасены были, и побежала вдогонку. Дед бросился ловить. Остальные бабы причитали, уговаривали. Но где там. Пришла через час. Взглядом виноватится. В мешке два мягка осталось. И эти отдавала, да не взяли. Рассказывала потом: «Один, молоденький такой, нерусский. Хлеб ест и лепечет: "Якши кысс! Якши кысс!"*» Так что дай ей Бог здоровья! На таких земля-то и держится.

– Коровы идут! – крикнула молоденькая бабёнка в обрезанных резиновых сапогах и синей потёртой куртке. Чёрно-белое стадо вышло из-за поворота, остановилось и вдруг громко в разнотой замычало.

– Вишь ты! Скотины, а понимают, что сегодня последний пастбищный день, прощаются, – подгоняя корову к калитке, проговорила маленькая сухонькая старушка. И чему-то улыбнулась.

Я шёл по красивой деревенской улице и думал о Юлии Григорьевне. Каким же надо быть человеком, чтобы и через многие годы к тебе относились с искренним, неподдельным уважением. Тревожило лишь то, что только беда, с ней случившаяся, проломила лёд равнодушия и невнимания. Все мы хотим быть прощёнными, но не любим прощать. В последнее время люди, которые в своё время не задирались с государством, не пели, запершись, кому-то неудобных песен, вроде бы уж и не люди совсем. А они, как Юлия Григорьевна, делали своё дело честно и точно зная, что при любом строе их труд и опыт будут востребованы. Слава Богу, что таких большинство.

Вот и угор. За пойменными полями серебряной саблей блесит река. Воздух пронзительно прозрачен, и зовущие дали бередят душу неизъяснимой и чистой грустью осени. Рядом со мной памятник русским пахарям и сеятелям этой земли, не вернувшимся к ней из пекла беспощадной войны. Слева едва виден другой памятник – таким же мужикам, шесть веков назад погибшим за эту землю и за это неприветливое сегодня небо. Справа внизу, за свинцовыми отблесками озёр, ждёт нашего побуждения Троице-Орловская церковь. Я часто выхожу на этот красивый угор;

---

* Хорошая девочка! – *Киргиз.*

здесь успокаивается сердце и забываешь земные тревоги. Здесь, если позволяет погода и тишина, можно услышать печальную, пронзительную, поднимающую к священному огню веры молитву. И даже мне, не верящему в чудеса, становится ясно, что кто-то ещё молится за нас, несмотря на изуродованные церкви, запущенные поля; за погубленные леса и иссохшие речки нашего детства. Кто-то ещё прощает нас. Злых и добрых. Сильных и слабых. Всех. Без исключения.

«АЛЛЮР* ТРИ КРЕСТА!..**»

На всю жизнь запомнилось. Выводит он из конюшни свою нравную и непородистую лошадь по кличке Рыжуха. Она, скосив глаза, рвёт из рук узду и недовольно всхрапывает. Но памятные наказы конюха: главное при прыжке на спину этому рыжему зверю – резко и беспощадно вздёрнуть его голову вверх, ибо, не дай бог, лошадь успеет наклонить её к передним ногам и тогда уж обязательно сбросит или унесётся с ездоком в ближайшие заросли, где ветви деревьев просто сметут его. Ладно, если не убьёт и не искалечит.

А ещё конюх говорил, что нельзя пускать её в гонки с другими лошадьми. Поскольку в характере Рыжухи заложено чёрт знает кем непреходящее желание обязательно быть первой; скорее умереть от разрыва сердца или разбиться о невидимое препятствие, но не допустить, чтобы кто-то был впереди.

Малыш подвернул коня поближе. И вот оно это счастливое мгновение: едва задев ногой переднюю лопатку лошади, он взлетает ей на спину и неистово, почти зло рвёт узду вверх. От неожиданности Рыжуха делает свечку, скалясь, задирает голову и, ничего не видя, несётся прямо на угол деревенской избы. Но Малыш, перехватив поводья обеими руками, заставляет её

---

* Аллюр – вид хода лошади.

** Крест на пакете с донесениями обозначал скорость, с какой этот пакет должен быть доставлен. Один крест – шагом. Два креста – рысью. Три креста – галопом.

повернуть на пыльную широкую дорогу. Ослабил поводья и, торжествующе крикнув не раз слышанное от деда-кавалериста выражение: «Аллюр три креста, мать ..!» – поддал пятками по рыжим бокам коня. Он не знал, что обозначали эти слова и при чём тут мать, но чувствовал в них могучую энергию бешеной кавалерийской атаки. Казалось, и Рыжуха почувствовала её. Прекратила отчаянные прыжки, перешла на широкую плавную рысь. Летний ветер обнимал тельце Малыша прохладой, незастёгнутая рубашка вздувалась за спиной трепещущим пузырьём, и ему вдруг показалось, что он летит какой-то необыкновенно мягкой дорогой прямо к облакам в синее и радостное небо.

Эх, если б мама увидела, какой сильный и смелый он стал! Порадовалась, а может, испугалась бы за сына, в бешеном аллюре несущегося от неё в далёкую, неизведанную даль. Хотелось петь, чтобы выплеснуть в мир хоть часть восторга, подпирającego маленькое сердечко. Поделиться радостью маленькой победы с зеленью полей, лугов, и, конечно, со встречаемыми людьми, почему-то бросающимися в сторону и предупреждающе кричащими. Если бы знать, что с такой же скоростью пронесутся над тёмной от пота Рыжухиной спиной его детство, юность да и сама жизнь. Может, замедлить бы бег, чтоб успеть насмотреться на маленькую, но такую родную Кичугу, на Волоковое поле, посидеть в тишине на громадном камне. Никогда и ни с кем не прощаться и никого не обижать. Отдавать и принимать любовь, не веря в возможность её потери. Беречь себя и других людей. Если бы знать! Мудрость так часто опаздывает, что и применить её уже не успеваешь.

Я подвожу коня по кличке Жизнь ближе. Знаю, что когда-то он меня непременно убьёт. Он всех убивает. Далеко не с той ловкостью взлетаю в седло и, осадив его попытки сбросить меня, знакомым с детства рывком поводьев команду: «Аллюр три креста, мать ..!»

ВЗВОД

Прапорщик Михаил Николаевич Бесстрахов давно отслужил все полагающиеся ему сроки. Но пенсия с гулькин нос, две позд-

ние дочки-двойняшки не позволяли вкусить радостей пенсионной жизни, и он терпеливо продолжал службу. Даже из меркантильных соображений попросился с группой офицеров в Чечню. Отпустили, хотя ради приличия пытались отговорить. На десятый день его ранило осколком подскочившей мины-лягушки в лёгкое. Военные врачи, конечно, спасли, осколок достали и заштопали, но вскоре по приезде домой с ним случился приступ удушья. Уже другие врачи определили хобл* и какую-то сердечную недостаточность. Кроме сугубо медицинских назначений посоветовали бросить службу.

«Годик ещё послужу и весной уволюсь», – решил для себя прапорщик. В родной деревне на Вологодчине остался от матери домик и участок земли. Где-то в середине лета его вызвали к начальнику училища, и тот подозрительно мягко, без напора попросил его взять на обучение новый взвод курсантов.

– У вас опыт, подход какой-то особенный и дочерей воспитываете славно. Я вот к своей единственной не знаю, как и подойти. Чуть что – рёв на всю ивановскую. А у вас, я видел, получается.

– Да тоже всякое бывает, но в среднем по батальону жить можно, – ответил прапорщик, не заметив грозящей ему опасности.

– Ну, спасибо, Михаил Николаевич, выручили. А то ведь молодым такой взвод не поручишь. – Начальник вышел из-за стола и с чувством потряс руку прапорщика. – У меня гора с плеч. Спасибо!

Ровно через минуту безупречный служака вновь стоял перед начальником, красный от возмущения, и почти кричал, что он скорей повесится, чем будет командовать бабьим взводом.

О том, что взвод будет девичий, он узнал от ехидно улыбающегося капитана Нетименко, который встретился прямо за дверью кабинета начальника.

Разговор командира и возмущённого прапорщика на этот раз был долгим. Итогом его стал приказ по училищу. Пришлось подчиниться.

«Проклятый взвод», как назвала его жена прапорщика Аля, прибыл вскоре почти в полном составе. Четыре дня ушло на

---

* Хобл – хроническая обструктивная болезнь лёгких.

приведение разношёрстной толпы «стрекоз» в боевой вид, закрепление оружия и т. д. и т. п. Прапорщик заставил подопечных написать биографии, но, читая их, ничего не выяснил. Биографии были явно слизаны у одной из курсанток. Причём слово в слово. Понятно, что есть какая-то оторва, организовавшая подобное чистописание.

«Ничего, не таких обламывали, – утешал себя прапорщик. – Главное – её вычислить и своей помощницей определить. Остальные вертихвостки, если не сказать хуже, быстро поймут разницу между военным училищем и институтом благородных девиц. С выражением «если не сказать хуже», которое вырывалось у прапорщика иногда не к месту, он связывал многие конфузы в собственной службе. Беда в том, что когда это летучее словосочетание касалось представительниц слабого пола, то невольно подразумевалось совершенно нелитературное, хлёсткое и часто незаслуженное слово.

Однажды он гонял по полосе препятствий отделение курсантов. Была ярая жара, и при третьем повторении преодоления полосы некоторые не выдержали и, чтобы прекратить свои мучения, нарочно бросились в трёхметровый мутный водоём и плавали в нём, несмотря на ругань Бесстрахова. Это увидела жена начальника училища и, налетев на опешившего прапорщика, обозвала его словами, лучшими из которых были «изверг и фашист». Занятия пришлось прекратить, а вечером, докладывая о происшествиях начальнику, Михаил Николаевич сказал буквально следующее: «Во время отработки взводом полосы препятствий ваша жена, если не сказать хуже...» Могучий хохот построенного батальона прервал его доклад. Вороны и галки, мирно сидевшие в кронах берёз, разом взмыли ввысь и подняли рассерженный гвалт.

Позже прапорщик казнил себя за ту нелепость и испытывал чувство вины при каждой встрече с командиром. Вот и взвод пигалиц он принял частично в искупление той вины. Мысленно оправдывал себя.

Плнуть бы и растереть, уйти в отставку. Но кто-то должен же с ними «воевать». Мои вот тоже вырастут. А куда деваться? Институт для двоих нам с матерью не потянуть. Может, тоже

придётся в училище определять. Дело, если не сказать хуже, – швах.

«Бог не выдаст, свинья не съест. Может, всё наладится к тому времени», – подумал Бесстрахов и ничего хорошего не обещавшим голосом рыкнул:

– Второй взвод, стройся!

Построились с грехом пополам. Ушло минут пять.

– В ружейную комнату шагом марш! Взять оружие!

Толкучка, лязг автоматов, чей-то визг. Ну, так и есть: Полозкова, вскидывая автомат на плечо, зацепила мушкой щеку ждущей своей очереди Патраковой. Для парня бы пустяк, царапина, а эти обе в рёв.

– Взвод! На плац бегом марш! Вавилонское столпотворение, если не сказать хуже.

Вышел на плац. Девчушки стояли в жалком подобии строя. Прапорщик покачал головой и, словно досадуя, негромко и коротко распорядился:

– Равняйсь. Смирно. Отставить. Равняйсь. Смирно. Отставить.

Ничего не получалось. Укоризненно посмотрел на своих бойцов и больше из недовольства собой рыкнул:

– Как вы стоите? Как стоите? Я сказал, что боец при команде «Смирно!» должен видеть грудь четвёртого человека. И съязвил, перейдя на шёпот: – Восьмую грудь четвёртого человека, если не сказать хуже. Ардыбашева, вы когда-нибудь видели солдата в декольте? Здесь не стриптиз-бар. Отставить. Заправиться по уставу.

Ардыбашева, что-то ворча под нос, неохотно застёгивалась.

– Разговорчики в строю! Я команду «Смирно!» не отменял.

– Портнова, куда вы оттянули вашу материальную часть? Животное, которое вы изобразили, нежизнеспособно. Его не существует в природе. Нет его и в нашей доблестной армии. По крайней мере, до вас не было. Смирно! Портнова, это вас касается.

Вот, уже лучше. Сейчас будем учиться строевому шагу. И если останется время, изучим некоторые ружейные приёмы.

– Что у вас, Огнева?

– Товарищ прапорщик, уж очень жарко сегодня. Кошмарный ужас, как жарко!

– Ну и что вы предлагаете? Солнце на время прикрыть? Или войну отменить?

– Нет, нет, товарищ прапорщик. Я предлагаю перенести занятия на пасмурную погоду, а сейчас бы на пляж. Можно?

Михаил Николаевич едва не улыбнулся обезоруживающей наивности курсантки, но усилием воли изобразил на лице непроницаемость и скомандовал:

– Смирно! Нале-ву! Шагом, арш!

Какое, к чёрту, арш? Что это был за шаг? Слёзы, а не шаг.

Падающие с покатых плеч девушек автоматы вразнобой лягнули об асфальт. Прапорщика нехорошо кольнуло в раненое лёгкое.

– Отставить! – рыкнул. Поднять оружие. Смирно. Шагом марш! И строй двинулся. Сначала неуверенно, но с каждым метром всё чётче и успешней. Только Светлова шла рядом со строем. Урезанная, некуда выше, юбочка, при попытке строевого шага сползала к талии, открывая всем на обозрение округлости курсантки.

Прапорщик мысленно выругался:

– Надо же, какая зараза! Так испортить форменную юбку.

– Светлова, встать в строй. Внимание, взвод! Левое плечо вперёд! Арш! Бахарева! Плечо отличается от бедра тем, что из него растут руки, а не ноги. Уберите бедро в линию строя. Внимание, взвод. Стой! Направо. Раз-два. Огнева, направо – это лицом ко мне, а не на пляж в парке Мира. И это уяснили целых десять человек из взвода. Для остальных: «Кругом!» Снова резанул слух лязг падающих автоматов.

– Поднять оружие. Равняйся. Смирно. Показываю парадный шаг. – Прапорщик легко, красиво, словно и не было за спиной шести десятков лет, промаршировал по плацу. – Надеюсь, понятно. Нога стремится к прямому углу, носочек оттянут.

И вдруг ему захотелось сказать что-то ободряющее, доброе этим, так похожим на его дочерей, курсанткам. Но какой-то чёрт там, внутри его отцовской души, всё ещё продолжал язвить:

– При парадном шаге главное – проникнуться гордостью за свою армию и своё Отечество. Гордостью к себе.

Увидев, что после его слов строй чуть шевельнулся и превратился в напряжённо натянутую струну, прапорщик хитро, но по-доброму улыбнулся и продолжил:

– Вы! И вы, Светлова, тоже, лучшие девушки лучших Вооружённых сил мира. Вас красивее, стройнее и обеспеченнее материально нет ни в одной армии мира. У вас самое надёжное стрелковое оружие. Поцелуева, прекратите лизать автомат. Это не то, о чём вы думаете. Не эскимо, если не сказать хуже. Девушки, словно по команде, чтобы не захохотать, зажали рты ладошками. Прапорщик, не успевший понять, какую несуразицу выдал, скомандовал строго:

– Отставить смех. Сайкина, отстегните от ушей серьги, похожие на гимнастические кольца. При команде «К ноге!» мушкой автомата оборвёте себе уши. Виткина, в практике военной службы я не помню команды «На автомат!». Что, вы так и будете таскать его между ног?

– Что? Тяжёлый очень. А так легче? Неужели? Убрать! То есть на пле-чо!

Виткина с трудом взгромоздила на себя оружие.

– Напра-во!

Ни один автомат не упал. Строй не сбил ряды и при команде «Строевым марш!» довольно сносно начал рубить шаг.

Так продолжалось около получаса. Бесстрахов ходил вместе со строем, то впереди, то рядом и чем дольше наблюдал за стараниями девушек, тем более проникался к ним совсем не уставной, отцовской любовью. Доброта всё более отражалась на его усталом лице, хотя он сурово сдвигал брови, пытаясь придать ему грозный вид.

– Внимание, взвод. Стой! Равняйся! Смирно! Вольно! Оправиться, разойдись!

Девчата бросились врассыпную. Сбросили автоматы на жухлую подстриженную траву и тоскливо посматривали кругом, выискивая то нужное заведение, в котором одинаково нуждаются и королевы, и курсантки военного училища.

В обозримом пейзаже его не было. И тогда девчушки, образовав живое кольцо, решили произвести необходимое дело прямо рядом с плацем. Михаил Николаевич не сразу разгадал

их манёвр, а когда сообразил, так рывкнул: «Отставить!» – что взвизгнули свисавшие над плацем телефонные провода. Кольцо распалось. Прапорщик резко отвернулся, чтобы не быть свидетелем не всеми законченного мероприятия, и, не оглядываясь, крикнул: «Строиться, взвод!» Когда за спиной всё утихло, развернулся и только сказал: «Что ж вы меня перед всей частью позорите? Могли бы обратиться? У меня до вас этих проблем не было».

Строй виновато молчал.

– Ну да ладно, не мука, а вперёд мне, старому, наука. И тут его прихватило: сначала боль сдавила грудь, помутилось сознание, но, уже теряя под ногами землю, успел скомандовать:

– Направо! С места с песней в казарму шагом арш! Запевай! Бросил в рот заранее приготовленную таблетку нитроглицерина, присел на ступеньку шведской лестницы. Строй удалялся. Запевалы выводили: «Не плачь, девчонка!» Слова песни в девичьем исполнении звучали дико и глупо. Боль в груди зверела. В мозгу настойчиво крутилась мысль:

– Дожили, до хрена вплоть, если не сказать хуже. Девочек под ружьё, а пацаны за материнскими юбками от армии прячутся. Да ещё радуемся, как недоумки. То-то они нам гренадеров нарожают. Надо Светловой юбку уставную выпросить.

Прапорщик уже не помнил, как съехал с лестничной ступеньки, а когда очнулся, видимо, лекарство всё-таки подействовало, то первое, что увидел, были зарёванные лица его курсанток.

– Надо же, вернулись. Бабы они и на войне, бабы. Испугались, видно, за меня, и все приказы побоку. Закашлялся, но уже не от давящей боли, а чтобы скрыть от своего утопающего в слезах взвода свои смущение и благодарность.

СВЕТ
ОХОТНИЧЬИХ КОСТРОВ

ОТПУСТИ МЕНЯ, НОЧЬ

Нежная голубая тень сгустилась и погасила на нашей ласковой земле последние краски разноцветной осени. На опушке у овсяного поля, где я нахожусь в страстном желании увидеть медведя, сбежались, словно на вечеринку, молодые осинки и, краснея, шушукаются о чём-то... Налетевший из лога, заросшего красной осокой, забияка ветер, балуясь, звенит, словно колокольчиками, листьями размашистых берёз.

Нахмурившись, следит за ними уже чёрная в сумерках ель. В тихом скрипе её слышится недовольство: «Разыгрались, бесстыдницы, с ветреным шалуном, а ведь в годах». Но кто знает, что добра ворчливая ель в пору ненастья для уставшего путника, зверьков и птичек?

Ни один самый лихой дождь не пробьёт её густую крону. Ещё деду моему она давала приют. Мой сын, а может, и внук испытают её бескорыстное гостеприимство.

Гаснет день, ещё один неповторимый день Великой Жизни. И грустно от этой мысли пожилым людям, и радостно молодым, ибо одни живут закатами прошлых дней, вторые – восходами грядущих. Ещё не смыла ночь с голубого небесного покрывала клюквенный сок, а звёздочки уже заискрились, словно радуясь, что первыми вышли на смотрины. Господи, как далеки они и как же должны быть велики, коль свет их достигает земли сквозь толщу космических километров! Как же мал человек! Зато тщеславия, воображения!

Ночной лес – это другая планета, которую мы плохо знаем, а потому каждый шаг и взгляд лишь задаёт безответные вопросы. А что там? Но тот, у кого хватает терпения и, может быть, смелости больше прочесть в чёрной книге ночи, не будет болтаться в лесу, натываясь на острые сучья, проваливаясь в болотину и чертыхаясь. Он сделает как я и, затаившись от тысячи глаз лесных наблюдателей, сам станет невидимым.

Можно всю ночь просидеть в тайном местечке и никого не увидеть. Природа неохотно открывает свои тайны. Но иногда после длительных дождей и ветров вдруг к вечеру проглянет солнышко и установится тихая, сухая погода. В такие выходные

вечера оживает весь вечерний лес и можно открыть столько тайн его жизни, что потом, когда ты будешь рассказывать где-нибудь в компании друзей и знакомых, тебе не все поверят.

Да, впрочем, сегодня как раз такой вечер. Садись рядом, смотри и слушай. Вот кто-то устроил страшную возню под ногами. Не медведь ли, выбравший тебя в жертву этим вечером? Только мышиный писк помогает тебе осознать, что сегодня, возможно, обойдётся без кровопролития. А вот приближающийся тяжёлый топот наверняка принадлежит какому-то огромному хищнику. Спаси и сохрани! То, что у страха глаза велики, убеждаешься сразу, как только замечаешь зайца, идущего пешком по кромке овсяного поля. Нет, наверное, для заячьей души любезнее времени, чем это: тишь: можно и полем в открытую, и поужинать на выбор.

Словно злой дух, бесшумно проплывает под ногами белый лунь, но вдруг, словно наткнувшись, взмывает вверх, выставив вперёд когтистые лапы, и, упав на правое крыло, бросается в спасительный лес. О, да это белогрудка-патрикеевна изволили выйти поохотиться. Шубка ещё не ахти, но форс держит. И как идёт! Идёт как! Как хвост держит!

Стелется, чуть покачивая задом, струится между вздыбленными плугом и заросшими травой пластами глины: Мэрилин Монро идёт в магазин. На заячий горячий след – ноль внимания. Но что это? Что за манеры? Подпрыгнув, лиса ухватила овсяную бронь и попятилась назад, обрывая зубками зёрна. Ай-ай-ай! Так испортить свой классический имидж прекрасной дамы с дурными наклонностями воровки-курятницы. Вот мы всем расскажем!

Я знал, что овёс любят все, но в том, что в лисьем меню есть овёс, убедился впервые. А лиса, между тем, продолжала ужин.

...Видимо, вспугнутый кем-то, с хлопаньем поднялся с поля глухарь и сел, качая еловые сучья.

...Метрах в двухстах от меня почти в середине овсяного поля появилась чёрная полоса. Вот она придвинулась ближе, и я увидел кабана. На расстоянии он был чёрным, и белые пятна на морде зверя позволили определить секача-одиночку. Грозен и непредсказуем кабан в лесу. Было время, когда прогонял я с овсяных полей полчища кабанов. Снежные, холодные зимы и голод губят

зверя, но находятся сильные и умные кабаны, выживающие даже в этих условиях. Учёные всё ещё думают: нужен ли кабан северному лесу? Охотники уважают его как интересный объект, но эта свинья ест то же, что и человек – хлеб, картофель, корнеплоды, яйца, и иногда наносит ощутимый вред сельскому хозяйству и лесным обитателям, поедая птичьи кладки, подрывая запасы зверушек и муравейники. ...Кабан исчез в еловом подсаде.

Что-то изменилось в ночном лесу. Чиркнула беспокойно маленькая серая птичка. Воздух наполнился чем-то тревожным. Лису словно ветер сдул с поля. Я не видел и не слышал медведя, но точно чувствовал, что он где-то рядом. Его величество не то-ропился с выходом на поле, как какой-нибудь молодяшка-заяц.

Обстоятельно прослушав и проследив обстановку, медведь всегда неожиданно появляется в овсе и начинает трапезу. Но не так было в этот раз. Страшный треск и ворчание, переходящее в рык, нарушили тишину за моей спиной. Никогда раньше я не слышал ничего подобного. По ели, стоящей за мной, кто-то лез. Медленно повернув голову, я тщетно пытался разглядеть виновника шума. И вот из-под ели, словно шерстяной мячик, выкатился медвежонок, неуклюжий, большоголовый и очень косолапый. Качнулся сук, и второй медвежонок прыгнул на первого и начал его тузить передними лапками. Шум, рычание, сопение, борьба на дыбках, нешуточный оскал маленьких клыков, угрожающие позы – всё прорепетировали медвежата, а затем, успокоившись, вышли под лабаз.

Когда охотники говорят, что застрелили медведицу, не зная, что она с медвежатами, они лгут. Природа, оберегая медведицу, как продолжательницу рода, сочла благоразумным, чтобы медвежата первыми появились на поле. Может быть, она втайне надеялась, что на детей, и тем более на их мать, ни у кого не поднимется ружьё, дрогнет сердце человеческое и не позволит нарушить семейное счастье. Ах, если бы это было так!

Если бы кусок мяса и медвежья шкура не заслоняли жадные глаза на законы природы и законы человеческие, запрещающие стрелять в медведицу с несмышлёнышами. Дважды мне пришлось слышать, как, совершенно по-женски ойкая и захлёбываясь то ли в безумном смехе, то ли в плаче, бросается то в одну,

то в другую сторону медведица, потерявшая убежавших с испугу медвежат.

Нам ли, знающим утраты, не раз пережившим кладбищенские стенания наших родных и близких, черстветь сердцем и брать на себя грех гибели целой медвежьей семьи? Я пишу эти строки, а на сосне за окном три белки грызут сосновые шишки и три лайки, которые только что в лесу радостно и ярко облаивали таких же точно белок, лежат и внимательно следят за белчьим пиршеством, но не лают. Чем объяснить этот факт? Может, дело в доверии, может, собаки считают их домашними, но, как бы там ни было, даже среди зверей, видимо, существует то, что мы называем гуманностью.

...Между тем медвежата принялись лакомиться овсом. Наблюдать за ними всегда интересно и как-то весело. В густом сумраке я чувствовал затылком медведицу. Да вот она. Громадный лобастый зверь с белесым ярмом на шее и с жёлтым осиновым листком, зацепившимся за шкуру, подняв голову над лабазником, вдыхал ночной влажный воздух. Хозяйка лесов не чувствовала себя по-хозяйски. Два сорванца, кормящиеся на открытом поле, делали её незащищенной и осторожной. Кровью обливалось материнское сердце от страха за малышей. С шумом взлетел на противоположной кромке поля тетерев. Я видел, как спрыгнул с медвежьей шерсти осиновый лист, и понял, что медведица вздрогнула.

Многие охотники говорят, что медведица подзывает медвежат свистом, и ошибаются. Звук, который издала медведица, – это скорее скуление, жалобное, кроткое и очень высокое по ноте. Но его хватило, чтобы медвежата стремглав бросились к ней. В следующее мгновение медведица совсем по-матерински шлёпнула передней лапой по шерстяным штанишкам первого медвежонка, и он кубарем, коротко взвизгнув, покатился по логу вглубь леса; второй, предусмотрительно obeжав маму, бросился за ним. Так и растаяли они в глубине осенней ночи.

Ах ночь, ночь, какая женщина учила тебя тайнам перевоплощения? Надменная, сверкающая звёздами и белым бисером, студишь ты сердце человеческое при лунном зелёном свете. Но весной, когда лишь любовь правит миром, позволяешь себе стать хмельной, манящей и даже чуть легкомысленной. Где готовишь

ты то вино, пробуя которое мы становимся нежнее, влюбчивее, чувственнее?

А кто научил тебя ласкать и целовать летом? Какая волшебница поднимает твою ладошку, наполненную лесной земляникой, навстречу моим губам? Прочь житейские невзгоды! Как при первой любви, хочется всегда быть с тобой, летняя ночь, отогреваться твоим теплом, шептать наивные, добрые слова и умирать, да, да, умирать от любви и очарования. Злые ли чары неведомой колдуньи превращают тебя в жилище ужасов и тоски осенью? Как можешь ты украшенный багряными колокольчиками куст шиповника превратить в громадное чудище, хватающее, рвущее одежду и царапающее лицо! Как умеешь ты нагонять чувство тоски и ничтожности в самое отважное молодецкое сердце!

Я не люблю тебя, осенняя ночь и, когда пробиваюсь сквозь бездну твоих тайн, неслыханных звуков и чудовищ, искренне клянусь, что никогда больше не приду на свидание с тобой. И мечтаю лишь о том, как зайду в залитый электрическим светом дом, увижу знакомые лица и, наливая чай в блюдце, буду рассказывать, как, выйдя на поле перед деревней, я оглянулся и вдруг увидел твои чёрные бездонные глаза и как дрожь пробрала всё моё существо. Неужели я только что купался в их страшной бездонности и не утонул, не потерялся, не умер от страха?!

И ещё я буду рассказывать, что подарил мне час за закатом. Это твой час, осенняя ночь, и мы с тобой ещё обязательно встретимся, и ты откроешь мне многие тайны. А сейчас я умираю от усталости.

Отпусти меня, ночь!

РУКОВОДСТВО ПО ОХОТЕ НА КРУПНОГО ЗВЕРЯ

Охота – есть в этом слове что-то многообещающее, зовущее, мужское. Едва слышав это слово, половина настоящих мужиков, ещё задолго до похода или поездки в уголья уже лелеет в себе завораживающие картины удач на фоне никогда не стареющей природы. Стремление в знакомые уголья охватывает охотника,

и тогда уж ни чёрт, ни брат, ни жёнина родня не способны его остановить. Что-то подобное бывало только в пору бестолковой юности, когда спасу нет, как хотелось увидеть неприметное ранее, хрупкое существо с косичками и весёлыми веснушками на носу.

И вот, начитавшись охотничьих рассказов, которые по накалу страстей и вымысла мало чем отличаются от любовных романов, всё новые любители острых ощущений уходят в лес для испытания себя охотой на крупного зверя. Чтобы развеять их чрезмерный оптимизм и сберечь от многих разочарований и огорчений, взялся я за неблагодарное дело написать это руководство. Надеюсь, что с первого шага по охотничьей тропе оно сбережёт молодых охотников от неприятных сюрпризов.

Будем считать, что вас не устрасило изучение моего труда до его последнего слова, вас не испугали обещанные мной тёмные осенние ночи, звериный рык, судороги в ногах от многочасового и часто бесполезного лазания по логам и болотам, тогда я жду вас за деревенской околицей.

Снаряжение

Нашим предкам собраться на охоту ничего не стоило; схватил рогатину и вперёд. У нас же это целый процесс. Надо не забыть ружьё, патроны, топор и, конечно же, нож, на случай рукопашной схватки. Учítывая, что зверь крупный и попасть в него пуль не составит труда, вы, конечно, посчитаете необязательным пристрелку оружия, чем, безусловно, поможете зверю благополучно с вами расстаться, но вызовете умиление у разодетых в меха барышень из природоохранных организаций.

Одеться надо так, как будто вы собираетесь на Северный полюс. Предварительно вымыться в бане, надеть чистое нательное бельё, побриться – всё это при несчастном случае намного облегчит хлопоты родственникам. Очень приятно вылить на себя пару-тройку флаконов одеколона, но если вы идёте на встречу с холостой медведицей, подойдут французские духи «Шанель № 5» и пара полноценных рюмок хорошей водки для уверенности и храбрости.

Что же положить в рюкзак? Вы, конечно, понимаете, что идёте на серьёзное, мучительное дело, что зверь, тем более крупный, не

планирует быть съеденным, а потому жареная курица, килограммовый шматок сала, кусок копчёной колбасы, десяток яиц только вначале покажутся вам тяжестью. Чай из трёхлитрового термоса разгонит кровь и согреет в засаде, а десяток пачек сигарет помогут перенести часы тоскливого одиночества и страха, вызванного то душераздирающим криком невидимой ночной птицы, то топанием зайца или шуршанием в жухлой листве мышей.

Возьмите с собой аптечку – бинты, таблетки, особенно сердечные и закрепляющие, и обязательно инструкцию по оказанию первой помощи при несчастном случае. Если идёте вдвоём с товарищем, отстающим от вас в знании техники безопасности на охоте, не худо иметь бронежилет. Если вы надеетесь на удачу, то котелок, специи и справочник «Кулинария для всех» тоже не будут лишними.

Итак, вы готовы.

Но кого же убить? И каким способом? Тигров, львов, зубров у нас нет, и мы не будем вдаваться в описание этих охот. Начнём с охоты на медведя. Распространённые в России охоты на медведя следующие: на овсах, на приваде, с подхода с лайкой, с рогатиной и на берлоге. Основное правило техники безопасности: никогда ни при какой погоде не встречаться с медведем. Да, ещё маленькое пожелание: не верьте никому, что перед нападением медведь встаёт на дыбы, чешет под мышкой, а потом идёт на потенциального врага и перспективного покойника во весь рост. Встретив медведя в лесу, не медля ни секунды, кричите что есть силы и убегайте. Вид вашего удаляющегося зада, как правило, оскорбляет высокие медвежьи чувства, потому бежать желательно, как выражается великий и хитрый народ, взад пятки. Медведя такой способ бега настолько озадачивает, что, как говорят опытные бегуны, заставляет чесать затылок, и вы спасены.

Охота с лабаза на овсах

Помните, что хороший охотник всю ночь способен высидеть на двух палках, поэтому не утруждайте себя мучительным креплением на деревьях стульев и раскладушек. Если вам всё-таки страшно, подходя к лабазу, вымажьте сапоги в дорожной грязи: звук отпадающих кусков высохшей глины надёжно уберёжёт вас

от встречи с окаянным зверем. Выстрелите дважды, покричите страшным голосом, закурите и уже потом залезайте. Возьмите с собой фотографию жены и детей. Неплохо знать несколько молитв, ибо прочтение их вслух при появлении зверя благотворно подействует на вас обоих. При каждом шорохе палите в темноту. Если вместо рычания зверя вы услышите крик грибника, рёв коровы или храп лошади, радуйтесь, что ружьё не пристреляно. В противном случае прямо с лабаза можно угодить в казённое место.

Если медведь всё-таки вышел на вас, немедленно читайте молитвы и мысленно прощайтесь с роднёй. Отвязывайте ружьё и нажимайте на все курки по нескольку раз. Если зверь упал, у вас есть ещё два варианта: вы или сидите до утра, тем более что табак и продовольствия у вас достаточно, или прыгаете вниз и подбегаете к поверженному зверю с головы, держа нож в зубах. Если зверь начнёт подниматься вам навстречу, выбросьте молитвенник и притворитесь мёртвым. Медведь брезгует умершими от страха: они плохо пахнут, и вы спасены. Спросите: зачем на охоте фотографии близких родственников? Отвечаю. Исключительно как напоминание, что стрельба по медведице с медвежатами запрещена.

Охота с подхода

Чуть брезжит. И вот уже на расстоянии двадцати шагов вы сможете увидеть всё, что величиной с медведя. Тогда вы идёте на охоту. Дойдя до овсяных полей, немедленно снимайте с себя всё, что при соприкосновении с овсяной бронью издаёт хоть малейший звук. Как правило, это сапоги и штаны. Не обращайтесь к лесным травам, покрытым инеем, и на лужах поблёскивает ледок. Такая охота требует жертв. Чтобы их было меньше, не забудьте то место, где разделись. Продвигаясь кромкой поля, пересекая лесные пролески, вы должны двигаться так, чтобы ни в коей мере ни один сучок не треснул под ногой, а остатки вашей одежды не колыхнули наклонившиеся над полем или тропинкой веточки. Зрение, слух, нюх должны быть напряжены до предела.

А вот и медведь.

Выстрел. Быстрая перебежка на безопасное место, взлезание на очень холодное дерево. Нервная лихорадка. Осторожное сле-

зание с мыслью: «Как это я забрался на такую высоту?» Подход к «медведю» и трудно передаваемая радость, что стреляли вы в прошлогоднюю копну соломы. Возвращение к одежде. Как трудно при душевном напряжении и дрожи попасть в собственные штаны, наверное, лучше расскажут любовники, по воле рока застигнутые возвратившимися мужьями. Потому я не буду вас отвлекать описанием столь душещипательной оказии. Быстрый переход к охотничьей избушке и увлекательный рассказ проспавшим товарищам о том, как вы, мучимые холодом, отважно подкрались к медведю, но... промахнулись. Рюмка водки. Приступ радикулита. Палата № 5 в неврологическом отделении.

Охота на медведя с собаками

Начинаю эту главу, а у самого перед глазами, словно в замедленном старом кино, вьюном вьются, кипятком кипят, радуясь охотничьему полю, мои замечательные, мои любимые охотничьи собаки. Одни клички что значат: Мишка, Вьюга, Игрушка, Потеха, Белка. Да разве всех упомянешь!

И разве есть слова, способные оценить преданность, храбрость и ум собак в самом высоком их значении! Какими лесами несётесь вы, радуясь совпадению своих природных инстинктов с возможностью послужить человеку? Какие реки переплываете, у каких костров лежите, свернувшись калачиком, даже во сне чуть-чуть улавливая звуки и запахи? Мне грустно без вас. Как много бы я не понял, не ощутил, просто не знал, если бы шёл охотничьей тропой длиною в жизнь без вас, моих четвероногих верных друзей! Считаю, что столь объёмное лирическое отступление будет оправдано всеми читателями, коих хоть однажды из своих секретных чувств лизнул щенок.

Лайки, работающие по крупному зверю, несколько теряют сентиментальность, но всегда отзывчивы на ласку. Иногда диву даёшься: только что перед тобой был свирепый зверь, способный разорвать дорогую шкуру на живом медведе, и вот уже он подходит к тебе, трётся о колени, ластится и преданно заглядывает в глаза. Но вѣрнемся к охоте.

Говорят, чтобы определить, будет ли лайка работать по медведю, надо натравить её на поросѣнка. Понятно, лучше на чужого

и, конечно же, в отсутствие хозяев. Но как рассказать собаке, что поросёнок денег стоит и что всякие там захваты за промежуток недопустимы, руководства по натаске умалчивают. Умалчивают они и о том, как собаке определить, что приближающаяся с рёвом женщина и есть чистокровная хозяйка неистово визжащего поросё. Ещё в более печальном положении вы окажетесь, если наученная таким образом взматеревшая собака будет давить весь посильный ей домашний скот. Потому лучшим способом воспитания хорошей зверовой лайки остаётся всё-таки охота. Собака по поведению хозяина распознает, что ему нужно, и, если обладает изрядной долей смелости, легко усваивает новые виды охот. При этом вовсе не надо, увидев медвежий след, вставать на четвереньки, кататься по нему и тыкать в него носом порядком озабоченную вашим поведением собаку. Молодая собака примет это за игру и всего скорее облает вас. Более опытная отскочит и изобразит такое сожаление, которое в русском переводе звучит: «Ещё один знакомый с ума сошёл».

Но вот лайка поняла задание и не упускает случая нарвать штаны всякому праздно шатающемуся медведю, и вы идёте на охоту. В представлении не охотника это выглядит так, как рассказывал мне славный мичман Балтийского флота и чудесный человек Николай Петрович.

«У нас в деревне до войны охотник был. Много медведей убил. Собака у него, Шариком звали, здоровая, как телёнок. Осенью медведи на овёс ходят. Вот тот охотник построит лабаз, затащит на него Шарика и ждёт. Медведь выходит, собака прыгает на него сверху и держит за правое ухо. Ну а тут уж хозяин поспевает с ножичком. Только под левую лапу бил. Поднимет повыше и хресь. Я так поросят в хлеве и сейчас бью. Всегда насмерть. Чего ты смеёшься? Да любого спроси, подтвердят».

Чтобы не обижать прошедшего войну золотого русского мужика, двадцать семь лет отдавшего флоту и единолично построившего дом, натаскав предварительно лесу с реки на крыльцах, то бишь на плечах (в сельсовете не дали для этого лошади), я соглашался с Петровичем. Но вам, дорогие мои читатели, не советую использовать этот рассказ как руководство к действию. Шибко мудрёно. Да и как собаке заткнуть рот при подходе медведя?

Есть способы проще. Утром, когда ещё только особенно нервный, страдающий бессонницей петух раскроет клюв, вы, отмахиваясь от телячьей радости и восторгов собаки, уходите к овсяным полям или к заранее выложенной приваде. Иногда собака тут же прихватывает свежий след и уж через каких-то двадцать-тридцать минут «оседлает» зверя, и если тот, вместо того чтобы просто убежать (что он в состоянии сделать при любой злобности медвежатницы), начнёт с ней возиться, ваши шансы на удачу возрастут. Тем не менее, разрешите мне просить вас о ненападении. Чего вам не хватает? У вас есть дом, жена, дети уж достигли самого нервного возраста. Вот и живите. При чём тут медведь? Тем более что он способен ударом лапы сломать позвоночник лосю. Или вам не хватает денег, или тёща достала? Да поверьте мне на слово, это такие пустяки по сравнению с обиженным вами медведем. Да и похороны ныне так хлопотны и расходны, что лично я, даже на своих, предпочитал бы отсутствовать. Отступитесь! Ну, потренировали собаку, и хватит. Всё равно пойдёте? Что ж! Я предупреждал. Чего вызывать-то? Трактор или скорую? Сам придёшь? Дай-то Бог! Да куда ты попёр, из-под ветра надо! И зубами не стучи. У медведя слух ого-го, не смотри, что уши маленькие. Прощай!

Охота на медведя у привады

Берёте корову, лучше опять же не свою, и создаёте такую ситуацию, при которой сытый осенью и вполне добродушный вегетарианец-медведь всё-таки задирает её или она отбрасывает копыта по каким-то коровьим соображениям. Затем, если сам он её не утащил в лес, тащите вы. Конструируете лабаз. Садитесь, а потом всё как при охоте на овсах.

Есть новшество: многие охотники, чтобы облегчить свою участь, используя силу мощной техники, наклоняют вершину крепкого на слом дерева, цепляют к ней тросом или верёвкой бедное животное и рубят трос. Упругий ствол поднимает приваду на нужную высоту. К подвешенной таким образом жертве медведь вынужден залезать, и бьют его, как утку, в сумерках, на фоне всегда более светлого неба. Вот, в принципе, все особенности, если не считать, что специфический запах, как правило, перебивает запах французских духов.

Да, чуть не забыл: если привада находится на земле, её надо привязать. Иначе, пользуясь темнотой, медведь запросто утащит её с таким же успехом, с каким ваша неутомонная жена каждый день приносит из магазина сумки, превосходящие её по весу.

Охота на берлоге

На свете бывают чудеса. Но чаще они происходят в жизни неутомимых и вечно жаждущих этих чудес охотников. Не кусок мяса, не самоутверждение, а встреча с чем-то удивительным и невероятным заставляет охотника уходить в ночь при любой погоде, чтобы с рассветом оказаться там, где рябчики по пуду, куницы исключительно голубые и зайцы, с испугу напоровшиеся на изгородь, выламывают по три прясла. В твёрдой уверенности, что такие местечки ещё есть, ищет их порой уж помятый судьбой человек, и, поверьте, счастливее его никого на этом свете нет. Иногда не найдёт он того, что грезилось долгими зимними ночами, но счастье так и останется в его душе до последней минуточки жизни. А пока в кругу друзей он с горящими от радости глазами будет рассказывать о редких, но удивительных встречах с лесными обитателями. О их ловкости, силе и красоте. Ну, приврёт маленько. Эка беда! Политики всю жизнь врут и ничего, не переводятся.

Пока я рассказывал вам о сущности охотничьих устремлений, пришло известие, что в лесном квартале, в километре от жилья, возможно, залёг медведь. Вот оно, чудо. Исползаны десятки километров сузёмов. Обследованы лога и рёлки. Прочесаны истоки ручьёв и речек. А какой-то сшибатель чаги натывается на берлогу на расстоянии слышимости петушиного крика и собачьего лая. Второе чудо, если он не подшумел зверя и не выгнал его из собственного жилого фонда.

Я не специалист по охоте на берлоге. Правда, был случай, когда я мог схватить живого медведя за шкуру, но, раз я пишу это руководство, значит, у меня хватило масла в голове не знакомиться с ним подобным образом. Тешусь мыслью, что этот медведь лежит сейчас в берлоге и в своих воспоминаниях старины глубокой находит местечко для нашей столь плотной встречи, обошедшейся без кровопролития. Я же, чтобы не вводить в заблуждение моло-

дых охотников и не рассказывать о том, что можно прочесть в любом охотничьем издании, советую послушать тех, у кого, как говорится, «бывали рога в торгу». Эти храбрецы и самородки не любят шумных и часто бестолковых охот и рассказывают о своих победах и поражениях только с возрастом и только настоящим (по их разумению) охотникам.

Вот что рассказал мне профессиональный охотник Фёдор Макарович, с которым меня свела судьба уже в семидесятые годы. «Лично мне дважды приходилось находить берлоги. Гораздо чаще делали это собаки, и в то время, когда медведь ещё не улежался. В результате рёв и стон – собаки по медведю орут, как по незнакомому человеку. Сразу ясно. Чаще всего медведь не выдерживает их площадной брани и удирает. Но, если и остаётся, это ещё не значит, что он у тебя в кармане. Каким-то образом он учует твой подход и метнётся из берлоги именно в тот момент, когда ты не видишь чело. Для выстрела остаётся времени не более, чем при стрельбе по вспорхнувшему рябчику». «А чего же собаки?» – спрашиваю.

«Собаки – молодцы, но им держать зверя – всё равно что лошадью танк давить. Есть из нашего брата архаровцы, доказывающие, что их собаки медведя держат. Не верь. Мне один из таких о своём гончаке травил: "Выхожу утром на задворки, смотрю, на той кромке поля заяц чешет. Нагло так, не спеша. Я кричу: "Шарик, заяц!" Он ко мне кинулся и говорит: "Где?" Во, собака, а? – Макарович смеётся.

– А медведь, кроме того, что сильный, ещё и умный, дьяволёнок. Меня и то объегорил. Наткнулся как-то на песчаный холмик, и ни одного на нём листочка нет. А уж листопад заканчивался. Пошёл смотреть. Вижу, нора большая. Нагнулся, а косолапый там порядок наводит. Неловко мне стало. В стволе заячья дробь, в кармане тоже. Но не учуял меня. Так я его в хлопотах и оставил. Отошёл, затёски ножичком сделал. Мол, по снежку навещу. А ещё до этого друзья уж шибко просились на медвежью охоту. Снег выпал. Зову, приехали. Аж тринадцать у нас стволов в суммовом выражении. Наверно, впрямь цифра несчастливая пала. Отступил от еловой подсады, где берлога была. Расставил всех в редком лесу. А сам за собакой сходил, подвёл поближе и спустил

с поводка. Она сразу в берлогу ух и... вылезает оттуда. Посмотрела на меня с укоризной и унеслась по своим собачьим делам. Порядком патронов мы тогда сэкономили. Никто не обиделся на медведя. Он имел полное право оставить нас ни с чем. Да разве это мало: встретиться с друзьями в лесу, слегка прикрытом лёгким одеяльцем первого настоящего снега. Медведя не было, но то, что каждый из нас пережил в короткие минуты его ожидания, уже обогатили душу новым, ранее не изведанным чувством.

Помню, когда сидели у костра, я им отцовскую байку рассказывал. Он тоже охотничал с детства. В молодости наткнулись они с товарищем на берлогу. Чего делать? Ружьё одно на двоих, из винтовки приспособленное. Рогатины уж тогда редкостью были. Нашли вилы, ломанные у недалёкого от того места зарода. Лишние рога пообломали и айда снова к берлоге. А как медведя выгнать, не знают. Стожар, правда, от зарода притащили не поленились.

Вот один в челе орудует, а другой с ружьём наизготовку стоит. А медведь, видно, опытный был. Не вылезает, хоть реви. Матерится там. "Подождите, грит, черти. Дайте хоть сон до конца посмотреть. У меня уж всё на мази. Уж медведицу на овсе встретил. А тут вас лешак принёс!" И лапой, из берлоги высунутой, погрозил. Ребята-то и сомлели. Может, и впрямь у медведя внебрачный сон. Пусть досмотрит, а уж завтра мы его возьмём под микитки.

На самом деле шибко им боязно было перед берлогой стоять. Сами и повод придумали, чтоб медведя в покое оставить. Убежали домой. Утром чуть свет снова к берлоге. А медведя и след простыл. На снегу только коряво так написано было: "Спасибо, робята". Поговаривали в деревнях, что в ту зиму шатун в лесу появился, но никого не трогал и при встрече с людьми почему-то низко им кланялся. Да и ясно; ребят-то он из берлоги не видел. Вот и считал за них всех проходящих. Ошибался, понятно».

Макарович тогда о чём-то задумался после этих слов, а потом продолжил. «Всю жизнь я охотничал, но чем старше, всё жальчей и жальчей к зверю и птице становлюсь. По молодости-то хват был. А счастье охотничье глубже сейчас ощущаю. С жадностью и выгодой оно у меня и рядом не стояло. Вспоминается только то,

что трудом досталось и сноровкой. Рассветы и закаты охотничьи сейчас в глазах. На войне и то их вспоминал и к ним стремился. Вот так-то вот».

На этом и я закончу своё повествование об охотах на берлогах. Рад буду, если найдёте в нём что-то для вас приемлемое.

Рассказывать об охоте с рогатиной не буду. Причин две: первая – мои фантазии на эту тему могут ввести вас в заблуждение. Вторая – я хочу видеть вас живыми. А производить сигареты и писать, что курение вредит вашему здоровью, считаю верхом издевательства и цинизма.

Охота на кабана

Прежде чем приступить к описанию столь печального события, как охота на кабана, я посчитал уместным именно в этой главе поблагодарить всех жён охотников за выдержку, понимание и «тёплый» приём вернувшимся ни с чем мужьям. И вижу я, как несёте вы им, уставшим и несчастным, кофе в постель, улыбаетесь и нежно гладите пустую голову вашего избранника. И вовсе не рычите по поводу того, что «дел дома полно, а ты шляешься чёрт знает где и чёрт знает зачем». И уж вовсе не задаёте глупых вопросов вроде: «Где, сколько и с кем пил»? От имени охотников низкий вам поклон.

Кто-то из великих (видимо, испытав на себе) изрёк: «Если одновременно принять на ночь слабительное со снотворным, то неожиданный эффект получается». Именно неожиданным эффектом и замечательна охота на кабана, которая в большинстве случаев непредсказуема, а потому увлекательна. Но некоторые особенности её всё-таки поддаются системе. Вот об этом наш разговор.

Завезённый в северные области страны кабан чувствует себя ничуть не лучше, чем узбек на Колыме. Тем не менее это случилось, и в наше время охота на кабана распространена даже там, где её раньше не было и в помине.

Кабан, как и всё созданное природой, великолепен. Мощный корпус, сильные, не знающие усталости ноги, могучая шея и громадная голова с блестящими клыками делают зверя свирепым на вид. Жить бы кабану не тужить, но эта, с позволения сказать,

свинья имеет те же кулинарные пристрастия, что и человек. Зерно, картофель, фрукты, орехи, яйца и даже мясо, что уж вообще выходит за рамки приличия, съедаются кабанами без всякого согласования с нами. К тому же они портят луга. И этого достаточно, чтобы человек его, мягко говоря, недолюбливал. В отличие от кабаньего мяса, которым не прочь полакомиться не только начальные особы, но даже и нижние чины. Естественно, что это даёт людям индульгенцию на решение извечного вопроса – бить или не бить – в свою пользу. Меркантильные соображения, даже под кислым соусом защиты от кабанов птичьих кладок, посевов и лугов, от лукавого. Но мы поставили охоту и любовь в один ряд и позволим себе надеяться, что она не будет иметь ничего общего с браком по расчёту или добыванием ради наживы. Да и кабан – противник достойный. Конечно, если ты не спрятался от него за стенами утеплённой вышки.

В отличие от медведя этот зверь подвижен, менее привержен одному месту, слабовато видит и чаще спорные вопросы решает не бегством, а рывком вперёд. Охотник на кабана должен быть похож на него: мощный корпус, сильные ноги, крепкая шея могут приблизить удачу. Аналитический ум, железные нервы и хотя бы временное вступление в общество трезвости дают дополнительные шансы на успех. Вид несущихся на вас визжащих и хрюкающих зверей даже у известных храбрецов может вызвать тоскливое, тошнотворное чувство страха. И немудрено, так как даже чертей в русских сказках изображают в виде вертикально ходящих кабанов.

Но будем считать, что вы – мужественный человек, и начнём снаряжение. Естественно, оно должно соответствовать виду охот. Не буду отвлекать ваше внимание охотой с лабаза на посевах, она близка к медвежьей. Делом настоящего мужчины являются охоты на кабана, с собаками или без оных, обыкновенным троплением. Только на этих охотах вы можете раскрыть присущие вам качества. К тому же такие охоты не затратны, не требуют вышек, зерна, раскладушек и тулупов, значит, доступны всем слоям населения. Наоборот, чем меньше на вас одежды, тем легче вы преодолеете самые мерзопакостные места. Но не переусложняйте. Да, один из греческих мудрецов сказал, что «украша-

ет женщину отсутствие у неё нарядов», но это, поверьте моему опыту, совсем не относится к особям мужского пола, тем более к охотникам.

Итак, охота на кабана требует всего хорошего: хороших товарищей, хороших собак и хорошего оружия. Не мешает хорошее знание местности и кабаньих троп.

Если кабаны залегли в предболотный чапыжник*, себе дешевле оставить этих зверей в покое. Другое дело, если их угораздило залечь где-то в кромке поля или в муравейнике под елью. Тут уж самое время начинать охоту на кабана с собакой или загонем, когда собак заменяют люди задорные, отчаянные, способные очертя голову броситься по кабаньему следу в любой лес и, ничего не понимая, не видя и не слыша, гнать кабанов на дрожащих от напряжения стрелков.

Порода охотников, способных вести загон, бесценна, её нужно размножать, задабривать лучшими кусками мяса и, помня, что они без бронежилета, никогда по ним не стрелять.

Жалея кабана несколько больше, чем тех, кто покушается на его жизнь, я всё-таки вынужден обратить особое внимание на ружьё. Оно должно быть хорошо пристреляно, ибо кабан имеет только два «яблока», то есть две точки смертельного поражения: одна за ухом, другая в сердце. Все остальные пули лишь калечат зверя, вызывая в нём чувство справедливой мести.

Не одевайтесь тепло, но запасное нательное бельё может оказаться кстати. И не улыбайтесь! Вовсе не для того, о чём вы подумали. Лагая самыми непроходимыми дурными лесами, речками, штурмуя мокрый ельник, проваливаясь в торфяную кашу в кромках болот, вы при удаче (так и без оной) захотите переодеться в сухое, иначе ваши взгляды на судьбу и охоту будут горестны.

Ранним утром, обходя жировки зверей, вы стараетесь найти след одиночки секача. Именно этот зверь предпочитает не убежать от собаки, а активно обороняться. Нельзя предугадать всех вариантов, при которых вы увидите зверя, но это будет тем вероятнее, если один из вас будет наседать в чащу, а другой, обойдя

---

* Переплетённая березняком и ивой подсада ельника.

её и остановившись в 10–15 метрах, спокойно выждет, когда у кабана не выдержат нервы и он выйдет в редколесье.

К несчастью для собаки и вас, часто бывает, что нервы не выдерживают у загонщика, и он, пролезая чащу на четвереньках, всё время пытается увидеть кабана и лично его убить.

Выстрел товарища в таком случае может оказаться удачнее выстрела врага, визг подстреленной собаки или страшный удар пули в вашу ногу будет тому подтверждением. Если же озверевший кабан бросится на стрелявшего, то в условиях еловой подсады нетерпеливому стрелку будет способен помочь только Господь Бог.

Охота без собак выглядит примерно так.

Собирается до десяти охотников, проинструктированных насквозь. Большая часть из них хорошо одета, меньшая – плохо. Хорошо одетая часть встаёт на номера, плохо одетая гонит кабанов с мест дневок. Стрелки и охотники определяются по жребью, а потому понятие того, что хорошо одетые люди – это обязательно начальники, ошибочно.

Надо сказать, что при охоте на любого крупного зверя, а особенно при охоте на кабана, требующей большой выносливости, согласованности в действиях, интуиции, ни в коем случае нельзя часто менять товарищей и ходить с незнакомыми, непроверенными людьми. Ещё не так плохо, если новичок, замёрзнув, уйдёт с номера пить чай и предпочтёт кусок копчёного сала свежей кабанятине. Но беда, если он будет топтаться, хлопать в ладоши, чихать громоподобно, ибо это заставит метаться зверей по загону, изматывая загонщиков, и ещё большая беда, если он будет палить по всему живому в загоне или по линии стоящих стрелков.

Вынос тела в таком случае может произойти без объявления времени. При поиске раненого кабана не шатайтесь по лесу без подстраховки друзьями и уж конечно не жалейте времени на работающих по подранку собак.

Кабан не знает приёмов самообороны, но работы врачам от этого меньше не будет.

Никогда не расстраивайтесь сами и не корите друга, если зверь вас объегорил. Мысль о том, что вы не израсходовали на его кормление ни гроша, очень успокаивает.

А главное – жизнь продолжается. После усталости, тревог и напряжения вдруг совершенно по-другому оцениваешь её.

«Жизнь продолжается!» Именно этими словами начну я новую главу об охоте на лося, из которой вы узнаете, кто из крупных зверей наиболее опасен и почему при охоте на солонцах страдают пуговицы и жёны.

Охота на лося

Жизнь продолжается.

Охота на лося отличается некоторой доступностью, учитывая достаточно большое количество этих животных и их сезонные миграции в определённые кормовые угодья. Природа всем наделила этого зверя щедро. Недаром силуэт его украшает гербы многих городов, а художественных изображений лося не счесть.

Но вернёмся к охоте на лося. Не тешьте себя надеждой на скорый трофей. За века немирного сосуществования с человеком лоси тоже набрались мудрости и производят на свет потомков от умело выживших особей. Естественный отбор в таком случае работает не в пользу охотников. Это хорошо поскольку в противном случае человек с его жадностью давно бы съел этот вид парнокопытных.

Не пренебрегайте безопасностью. Очень милый на вид зверь не имеет преград и страшен в нападении. Достаточно сказать, что причин для агрессивности у лосей куда больше, чем у медведей и кабанов. Я уж не говорю, что непросвещённые граждане имеют привычку умиляться видом зверя, особенно лосят, и хотя разглядеть их поближе, а то и погладить.

Мой совет: никогда не приближайтесь к лосям, как бы беспомощно и заманчиво они ни выглядели. Молодой зверь не всегда боится человека, а мама хоть и боится, но не настолько, чтобы подвергать своего малыша опасности.

...Но вот и осень. И если у вас лицензия в кармане – ваш час настал. Охота на реву, солонцах, загоном, с собакой – всё это для вас.

Считается интересной охота на солонцах. Вот как о ней рассказывает дядя Коля, весёлый, умный, азартный и бесшабашный охотник.

«Я не знаю, сколько естественных солонцов в районе, но молодому охотнику лучше и не искать их, а сделать самому, повалив осину, выдолбив в ней корыто и заполнив его кусковой солью. Когда выяснится, что лоси ходят на солонец, делаешь засидку вроде лабаза, садишься в неё и ждёшь. Лось опасен в нападении, а потому делай засидку на толстых деревьях и повыше. Я иногда рубил избушку, крытую. Заранее принесу туда печку, кровать. Естественно, дрова, лекарства, рыбу сушёную, вяленую, ящик тушёнки, рис, макароны. Сначала лоси будут бояться, но ты, имея всё необходимое, легко переживёшь несколько суток. Только перед уходом на засидку переругайся с женой и соседями, тогда тоска от одиночества не столь быстро возьмётся за тебя. Первое время води себя чинно, благородно. Лоси на это очень отзывчивы, к тому же быстро привыкают и собираются такими стадами, аж не верится, что перед тобой не колхозные коровы, сбежавшие от пьяного пастуха, а совершенно дикие звери. Остальное, как говорится, дело здравого смысла: выбираешь зверя покрупнее, обмечешь и, если тянет пулов сорок, изымаешь из стада».

Но не всегда есть время избушки строить. Тогда уж другая охота. Раньше ружья пятёрку стоили, ну те, что у браконьеров отнимали. Вот накуплю я их дюжину. Ружьё 16-го калибра, два заряда пороха, пуля 12-го калибра. Только лёжа надо стрелять, а то позвоночник лопнуть может. Ложишься, значит, с подветренной стороны, ждёшь. Вот идёт лось. При нормальном ружье и заряде никак не взять. Далеко. А из этой пятёрошной артиллерии – насмерть, если, конечно, попадёшь. Одно неудовольствие: метров шесть тебя юзом на животе взад тащит. Встанешь как шальной. Небо шатается, ёлки шатаются. Ты хоть не повторяй. Молодой, бабам ещё пригодись. Я другой коленкор: "Юности умчался срок – тихо сыплется песок".

Правда, жена ругается, не успевает пуговицы пришивать. А я ей: "Пришей покрепче и покрупнее, они для меня как тормоз при движении задом по пересечённой местности".

Ты лучше загоном. Лоси из сузёмов осенью на ивняки идут и примерно до середины декабря одними тропами – переходами. Если по следу определишь, куда они ушли, остальное при хороших товарищах – суший пустяк. Главная особенность – нельзя

брать на охоту ребят горячих, как молодая гончая, нетерпеливых, как молодой муж, и злых, как недоспавшая тёща. Но уж если такой кадр попал, сади его на цепь или привязывай в машине. Отпускай только тогда, когда остальные уже стоят на номерах. Я один раз проворонил и не ограничил свободу такого дружка. Так он ещё с машины увидел след и, не успев я сказать ни слова, выскочил на ходу и унёсся в ивняки. Ну и вышарил оттуда всё живое, прежде чем мы успели стать на номера. Вернулся уж ночью. Едва через порог перелез и уснул. Утром выяснили: он выгнал лосей аж с тринадцати километров пойменных ивняков. Охотиться было не за кем. Да ты знаешь этого зверогона», – улыбнувшись, завершил дядюшка.

Плохо, если в охотничьей бригаде окажется злой и завистливый по натуре человек. К несчастью, они ещё водятся в нашем обществе. Ну и пусть водятся, только в лес их не берите. Люди с такими задатками могут испортить даже первую брачную ночь. Но бог с ней, с невестой. Сама выбирала. Охота же, тем более коллективная, должна быть праздником души. Приехали на место. Расставляешь стрелков, проинструктировав их, что нельзя им пить, курить, разговаривать, вертеть головой, чесать затылок, болтаться с одного места на другое, уходить спать в машину или деревню, хрупать калачами, сухарями или сахаром, стрелять на шорох и т. д.

Если для кого-то из стрелков это будет казаться ущемлением его прав, будьте спокойны: именно через него невредимым пройдёт лось, ибо реакция на дураков у зверей боксёрская.

Но вот вы уходите в загон, стараясь обойти зверя с противоположной стороны и перелезая из лога в лог, проваливаясь в озёрных пропаринах, царапая лицо замёрзшими ветками и оттого нещадно ругаясь, двигаетесь к предполагаемым кормёжкам лосей.

Лось – зверь благородный и, когда до его слуха доносится ругань, предпочитает уходить прочь, и, если стрелки не ушли в машину есть сало под водку, не прыгают зайчиком, пытаются согреться, не курят, вы очень даже можете заполучить шикарный трофей. И праздник состоится.

Для охоты с собакой вам нужны собака и лось. Найти последнего можно в кромках болот, заросших ивняком полей и лугов,

иногда на черничниках. Бывает, лоси выходят на озимые и на отросшую клеверную отаву. Требование к собаке: выносливость, хороший голос, умеренная злобность. А главное – умение понимать, что зверь уходит уже за пределы человеческих возможностей, и возвращаться к охотнику. Это качество легко воспитать, если не пытаться в течение всего светлого времени бегать за лосем. Не надо также требовать от собаки, чтобы она гнала лося именно на охотника. Это распространённое хвастовство рассказчиков, доказывающих, что их собаки именно так поступают.

Есть великолепная охота на гону, когда лоси-самцы, негодуя из-за беспечного отсутствия самок, возмущённо, грозно режут и даже дерутся, подтверждая теорию естественного отбора. К сожалению, я в такой охоте не настолько просвещён и не буду вводить вас в заблуждение.

Охота на волков

Итак, волк. К великому множеству басен и поговорок мне остаётся добавить лишь одну: «Умнее волка зверя нет». И только человек в праведном гневе за разорванную прямо в конуре собаку или без всякого ведома, считай без оплаты зарезанного и съеденного волками телёнка, может создать такие условия, когда «разбойники» сами почувствуют себя добычей. Как правило, им это страсть как не нравится. Но уж тут, как говорится, по заслугам и платёж. Есть удивительные и отрадные охотничьему сердцу способы соревнования между человеком и волком. Кто, как очарованный странник, не перечитывал вечно живые страницы Толстого или Дринянского, посвящённые псовой русской охоте? Жаль, что она не сохранилась до наших дней, но это позволяет мне не останавливаться на описании этих охот. Зато мне приходилось не только слышать хоровое выступление не менее полутора десятков волков, но и вызывать их на кромки полей для последующего подсчёта и убавления поголовья. Моего опыта охоты на вабу вполне достаточно для того, чтобы я мог её описать. Иногда волки, особенно молодые, откликаются уже в конце июля. Чтобы у вас получилось вабить, надо впасть в такое состояние безысходности и вселенской тоски, при котором вой – единственно возможное средство его выразить. Безответная любовь, неспра-

ведливый выговор начальства, ссора с близким родственником создают к этому хорошие предпосылки. Остальное до смешного просто. Выходишь на заросшую, лучше не соединённую с лесом межу, садишься или ложишься поудобнее и, вспоминая обидевших тебя людей, начинаешь сначала легонько поскуливать, постепенно переходя на угрожающее «у», плавно переводя этот звук в «о», затем в «а», и заканчиваешь тоскливым, выматывающим душу «и». Таким образом вы добиваетесь у слышащих вас волков сложной гаммы чувств, выразить которые в солидарности с вами они могут только ответным воем. Да их нетрудно понять. Волчья жизнь не сахар. Не приведи господь заболеть или рана какая, свои же и съедят за милую душу. Или падаль жрать – какое уж удовольствие, или опять же лось копытом мозги выбьет. Одним словом, хреновая, если не сказать хуже, жизнь. Невольно взвоешь. И конечно, не выдержав сердечной тоски вашего воя, волки обязательно выйдут посмотреть, кому ещё худо живётся на Руси. Не надо бы им этого делать. Коварны чувства сострадания и любопытства, да иногда и товарищества. Вот в принципе и вся охота.

Неплохо зафлажить стаю волков, если, конечно, найдутся добровольцы таскать по лесу тяжёлые катушки с флажками. Правда, последнее время волки насобачились перепрыгивать флажки при малейшей опасности, тем не менее этот вид охоты может быть и спортивен, и добычлив. Существующие инструкции по охоте с флажками избавляют меня от необходимости подробного описания этих охот. Остаётся лишь добавить, что охота на конных санях с живым поросёнком вышла из моды после описания её М. М. Пришвиным, где он со всеми тонкостями рассказывает о чувствах охотника, оказавшегося в клетке вместо поросёнка среди стаи волков. С лошадьми тоже проблема. Да и непомерно дороги ныне поросята. Можно ещё караулить волков у привады. Тоскливое, надо сказать, занятие. Хотя есть ещё в обнищавших народам деревнях герои, искренне любящие именно такую охоту. Бог им в помощь. Небольшой совет: никогда, встретив волка, что называется в упор, не пытайтесь смотреть в его карие глаза. В них столько ума и какой-то завораживающей силы, что вы немедленно забудете про ружьё. Вот примерно так надо охотиться на волков.

Завершая неполное руководство по охоте, каюсь перед матерью-природой за нанесённый ей ущерб. Тешу себя оправданием, что никогда кусок мяса и ценная чужая шкурка не позволяли мне опуститься до жадности и безумного истребления животных. Вот уж и пришёл тот возраст, когда чувствуется, как неумоимо за тобой охотится время. Знаешь, что оно стреляет наверняка. Но не страшно: охотничьи просторы и их обитатели под самую завязку наполнили короб моей судьбы самыми необыкновенными приключениями.

Иногда закрою глаза, а всё равно вижу, как летят по весеннему небу вереницы и стаи возвращающихся в места гнездовий птиц, как, исходя любовной истомой, токуют вперебой краснобровые тетерева, а чуть поодаль вышел из лесу громадный лось и, раздувая ноздри, жадно вдыхает тёплый, наполненный ароматами оживающей земли воздух. Пусть так будет всегда.

ДУШИ ОХОТНИЧЬЕЙ ПОРЫВЫ

Казалось бы, нет ничего проще создания для людей, одержимых охотничьей страстью, инструкции по удешевлению расхода материальных и духовных сил при таком пустяковом деле, как добывание зверьков весом менее волка и тяжелее мыши.

Ещё более написано и рассказано о том, как после трёх-четырёх дней майских праздников приносит охотник домой, кроме больной головы и усталости, пёстренькую птичку, размером превышающую воробья раза в два, а то и три. Не менее тоскливо, чем жена такого возвращенца, смотрели бы вы на меня, пытающегося пересказывать вам Леонида Павловича Сабанеева, да хоть и «Тартарена из Тараскона». Мол, это мы и без тебя знаем. Другое дело, когда рассказываются новые, ранее неслыханные истории.

Да чего далеко ходить, буквально позавчера один рыбак тоном, не терпящим возражения, глаголил: «Понимаешь, попалось вчера на озере две щуки в сетку. Которую на три с половиной кило достал, а на четыре из рук вырвалась». Я сдуру поверил, даже не спросив, когда он успел беглянку взвесить. Чёрт его зна-

ет, может, домой к нему сходила, взвесилась, а уж потом крикнула: «Подрасту, маленько»! Разбежалась, да и плюхнулась в родное озеро. Её понять можно, узрела, поди, что посуда не мыта, бутылка допита, на столе хоть шаром покати, ну и ретировалась.

Вот укоряют охотников за враньё без нормы, а ведь зря. Бисмарк, помнится, на весь мир заявил: «Никогда так много не врут, как на войне, после охоты и перед выборами». Вот помыслите и поймёте, что наши-то преувеличения самые для окружающего электората безвредные. Да и всегда ли врёт охотник? Конечно, тому, кто на печи день и ночь валяется, всё, кроме клопов и тараканов, кажется неправдой.

И не понять ему, перепревшему на кирпичах, что в ручье под домом занимаются общественно полезным трудом бобры, что вылетающие на овсы тетерева и есть те самые Жар-птицы из сказки о Коньке-Горбунке. Да и надо ли понимать?

Пусть валяется. А мы оденемся теплее и уйдём в ночь караулить лисичку за околицей деревни.

Охота на лис

Грустное, казалось бы, дело – ожидание лисоньки зимней ночью: она не краля, время ей не заказано, болтается чёрт знает где, а то и вовсе не явится. Хорошо, если луна, да безветренно, да в недалёком селе музыка играет. Всё не так тоскливо. А ежели метель?

Ну наконец-то явилась не запылилась. Здоровая, как лошадь. Это тень так её показывает. Уж не знаешь, как и стрелять. Приложился тихохонько и... Бах!

Не только лиса взметнётся над снегом чёрным пламенем, но и весь мир встрепенётся в то мгновение. Заколотится сердце пойманным рябчиком от одного вопроса – попал не попал? Подбегашь. Вот лежит, милая, вытянулась. Берёшь за хвост, поднимаешь повыше, чтоб рассмотреть, и не сразу понимаешь, что кто-то яростно укусил за ногу.

Да кому понравится столь неделикатное отношение? Невольно отпустишь зверька, и вот уж его нет. Скрылся в темноте ночи. Говорят, хитра лиса. Да как без хитрости-то, где всяк норовит с живой шкуру содрать, выжить. Вот люди, к примеру. На кой

им лисья шуба? Жене подарить? А того разумения нету, что чем больше мехов и бриллиантов на женщину напялишь, тем бойчее она путь от соображения к воображению проходит.

Далеко за примером ходить не надо, помните: «Не хочу быть столбовою дворянкой, хочу быть царицею морскою». А соображения нет, что это такая ответственность, что там проблем нерешённых море. Эх, что говорить! Другую хоть в плавки из норки одень, плавать она от этого лучше не будет. Ещё греки говорили: «Украшает женщину отсутствие у неё нарядов». Но нам греки не указ. При наших морозах, говорят особо грамотные мужики, украшает женщину только два-три стакана водки, до встречи с ней выпитые. А насколько это экономичнее, легко убедиться, посмотрев на ценники в магазинах верхней одежды. Один воротник из кого-то три с половиной тысячи! Сколько же тогда стоит вся женщина со всеми её боевыми доспехами и раскраской? И зачем мужикам, одевая и украшая женщину, как новогоднюю ёлку, непомерно поднимать её себестоимость? Но мы отвлеклись.

Конечно, лисья шкура более всего впору живой лисе. Но это легко сказать, а когда ты добытую кумушку из рук отпустил, состояние такое, как будто тебя днём ограбили. Хорошо бы хоть завтра найти. Но счастьеце-то всё-таки есть. Только уставший знает цену отдыха. И разве не радость, испив по возвращении чайку, бросить уставшее тело в нагретую женой постель и, сделав вид, что не слышишь её вопроса по поводу лисьего воротника, провалиться в сонную негу?

Конечно, можно охотиться на лису с гончими. Но уж больно велик у лисы круг. Гончие уж не поют, а матерятся, уж стемнело, а она болтается себе, как невоспитанная дочка, и глубоко ей плевать, что четыре, а то и все пять мужиков уж околели и отупели от бестолкового ожидания. Но есть ребята, которые любят такую охоту. Пожелаем им удачи.

Бесценный опыт приобретёте вы, если решитесь тропить лисицу. Но далеко не всегда красное вино победы будет вам наградой за умение и выносливость.

У сельских жителей России есть некоторые претензии к нарядной кумушке, которая не прочь свистнуть кролика или курочку. Но, положиа руку на Конституцию, свидетельствуя, что её

доля в снижении поголовья кур и прочих мелких сельскохозяйственных животных ничтожна в сравнении с уроном, нанесённым недалёкими в этом вопросе кремлёвскими деятелями. Если и в дальнейшем им дать волю, то скоро лисы погибнут от голода, как недавно от голода же почил в бозе Змей Горыныч, питавшийся исключительно девственницами.

Но буквально вчера видел на полемышкующую лисичку. Красивейшее, я вам скажу, зрелище. Всё бы любовался. Жива ещё. Может, и про Змея наврали.

Охота на зайца

Уважаемый суд! Уважаемые присяжные заседатели! Дамы и господа!

Мне выпало тяжкое бремя выступать на сегодняшнем суде в качестве общественного обвинителя по делу великого русского писателя и поэта Николая Алексеевича Некрасова.

Душевные рыдания сотрясали всё моё существо, когда я впервые уличил любимого мною человека во лжи. Но «Платон мне друг, а истина дороже». Вот суть моих обвинений.

Обещаю говорить правду и только правду. В конце двадцатого столетия поехали мы с одним советским гражданином в затопленные весенним паводком луга. Хотелось найти присадочные утиные и гусиные места и заранее приготовить засидки. Тридцатисильный двигатель толкал лодку от протоки к протоке с необычайной скоростью. Вдруг на одном из островков мы увидели попавших в бедственное положение зайцев. Благороднейшие порывы наших сердец и знание того, как в таких случаях поступал некрасовский дед Мазай, призвали нас к действию. Нимало не сомневаясь, направили мы нашу лодку на спасение зайчишек. То, что случилось, едва мы пристали к островку, до сих пор у меня в глазах. Совершенно некрасовского вида зайцы, вместо того чтобы занять места в нашем ковчеге, дружно бросились в воду, предпочитая свободу и смерть нашим из хороших побуждений протянутым рукам.

Естественно, зверьки стали тонуть. С большими стараниями удалось нам спасти некоторых из них. Когда мы высадили их на берег, они не убежали, а сели, подогнув лапки всем видом гово-

ря: «Нате, убивайте. Жарьте нас в сухом вине». Одним словом, оскорбляли наши самые высокие чувства. Мы срочно отплыли и, решив, что нам попались какие-то не читавшие Некрасова и, возможно, ненормальные зайцы, взяли курс на другой островок, заселённый дюжиной зверьков. Всё повторилось, и только тогда мы с ужасом поняли, сколько невинных заячьих душ будет загублено истекающими благородством, поверившими Николаю Алексеевичу людьми. По приезде мы составили заявление в суд. Вот, собственно, и вся история.

Суд оправдал Некрасова, как имеющего право на художественный вымысел. Было и частное определение по поводу того, что надо быть бдительнее, читая политическую и охотничью литературу.

Охота на куницу

Что думает курица, убегающая от петуха, знает ныне каждый первоклассник.

Но даю сто к одному, что большая часть даже мужского северного населения не знает, что думает куница, летящая на спине матёрого глухаря над мелькающими вершинами деревьев. По человеческим меркам, она, можно сказать, герой Икар или космонавт, а по звериным – совершенное головотяпство. Но деваться некуда, летит, да ещё к шее глухариной тянется. Есть в кунице что-то наполеоновское: главное – залететь в историю, а потом уж как Бог даст. Известно, что великому французу Бог подал остров Святой Елены. Куница же при благоприятных для неё условиях могла получить завтрак и ужин минимум на десять дней. Но пока мысли её сродни мыслям девицы, обнаружившей себя в интересном положении: «Вот залетела так залетела».

Безвыходных положений, говорят неисправимые оптимисты, нет. Знакомая стюардесса при ненормальной тряске самолёта успокаивала летящих следующими словами: «Граждане пассажиры, в практике аэрополётов ещё не было случая, чтоб самолёт не долетал до земли». Говорит, что всем от этого становилось легче.

Храбрый зверёк не успокаивал себя подобным образом и, когда глухарь, ломая сучья, упал в ельник, лишь на миг ошалел от

удара, а в следующую секунду уже с рычанием вцепился в добычу. Жаль, что мои собаки не позволили ему долго наслаждаться плодами победы. Здесь, наверное, уместно сказать о том, что при хороших собаках жадный человек может запросто истребить всех куниц в округе, а потому, если вы страдаете этим недостатком, наденьте на себя наручники, прицепитесь к кровати или батарее и выбросьте в окно ключ. Это помогает. Но чтобы обошлось без слёз родственников, поставьте рядом питьё и воду. Если же вы бережливый и вдобавок хозяйственный охотник, то я из чувства благодарности открою один секрет при охоте на куницу троплением.

Суций пустяк – найти зверька после вечерней пороши. Ходишь себе, читаешь ночную следовую книгу, пока не найдёшь дерево, по которому зверёк уходит почивать. Вы почти победили, если в кроне близстоящего дерева обнаружите беличье, а может, и сорочье гнездо. Но именно сейчас для успешного завершения операции вы должны действовать исключительно по моему совету. Итак, подходите к заселённому зверьком дереву и представляете, что вам по какой-то необходимости нужно разбудить пока ещё любимую жену в неурочный час. Пощекатывая и поглаживая доступные места дерева, вы разбудите куницу и, возможно, даже вызовете уместное в таких случаях любопытство. Поворачивая для приличия, потягиваясь и зевая, зверёк вылезет посмотреть, кто смел его потревожить, и вы будете иметь чудесную возможность обладать им.

Если же вы поведёте себя некорректно и мякните обухом топора по основе спального места, то оскорблённая хамством куница вылетит из гнезда и немедленно унесётся по ветвям деревьев в неизвестном направлении. Да и как ей ещё поступать? Ведь подобное отношение даже с нормальной родной супругой чревато пощёчиной, а иногда и разводом.

Да, никогда не хватайте поверженного зверька сразу после выстрела. Укус куницы принесёт вам больше неприятностей, чем недельный скандал с мужем соседки.

Не пытайтесь приручить куницу. Её стремление к свободе и независимости не позволит ей одомашниться до желаемой вами степени.

Ближайшей роднёй куницы являются росوماхи, выдры, барсуки, хори, горностаи, норки и ласки.

Как видите, порядочно. Но доложу вам, что эти ребята родственных связей не признают и при встрече иногда ведут себя как некоторые гости на второй день свадьбы. Чёрт его знает почему, но рейтинг качеств жениха и невесты резко падает именно на второй и третий день этого мероприятия. Ну, с невестой понятно, она, говорят, что-то там теряет.

Такая вот она, Маша-растеряша. Это, пожалуй, один из редчайших случаев, когда, если что-то имеешь, надо обязательно потерять.

Максимально же чем может провиниться жених за столь короткий период, это пол-лишка принять на грудь. Но ведь праздник-то какой! Да и в первый раз от переживаний долго ли обмишуриться на нервной почве?

Так вот, развивая тему поведения разных видов животных из семейства куньих, могу констатировать полное их неприятие друг друга на захваченных ранее участках.

Немудрено. Поскольку, кроме выдры и норки, рацион этих зверьков совпадает.

Приходишь, к примеру, позавтракать, а там косточки обглоданные. Как это увязать с добрососедством и любовью? По большому счёту, все куньи должны бы приветствовать охотника на своём участке – всё-таки конкурентов изводит. По факту же всё наоборот. Зверьки объединяются в молчаливой ненависти. Кто не слышал, что хорь, забравшись в курятник, умудряется полностью обезглавить кур и выпить кровушку, не беспокоя их слётом с насеста. Представляете, в собственном хлеву фильм ужасов: безголовые куры на насесте. А ласка – вот зверюга! Вся её протяжённость пятнадцать сантиметров, а лошадей любой породы за ночь в пену взбивает. Защекочет и насмерть, если волю дать.

Горностаев раньше особо экзальтированные дамы даже дома содержали. На балы ходили, наивно полагая, что грациозный зверёк отвлечёт внимание от некоторых физических недостатков хозяйки. А сейчас представим всю последовательность ночных событий в спальне утомлённой балом дамы. Вот она устало выбирается из шикарного платья и множества юбок, чьё предназна-

чение вовсе непонятно мужчинам. Всерьёз рыдает от боли, когда горничная рассупонивает её корсет, сработанный на основе китового уса, и ненадолго остаётся в том первозданном виде, который уравнивает королев и пастушек. Но вот уж прислуга помогает натянуть ночную сорочку с вышивкой и оборочками, укрывает жертву бала пуховым одеялом и уходит восвояси. Смертельно утомлённая дама даже во сне хочет выглядеть красивой, притягивающей, и потому, прежде чем отдаться сладостным грёзам Морфея, она словно невзначай выставляет из-под одеяла хорошо сохранившуюся ножку. Горностаи, нимало не тронутые манёврами хозяйки, свернувшись на подоконнике и чутко спят. Тишина, нарушаемая разве что усталым боем ходиков, царит над всей усадьбой.

Проходит полчаса, час. Но вот наша спящая красавица чуть шевельнула пальчиком окутанной ноги. Верный природным инстинктам горностаи мыслит: «Мышь»! – и юрк под одеяло. «Всё смешалось в доме Облонских». Именно такое упомянутое классиком столпотворение, под раздирающий душу и перепонки визг начавшись в спальне, охватывает не только усадьбу, но и приютившиеся рядом деревеньки. Скачут пожарные, скачет полиция. Ошалевший от случившегося «землетрясения» зверёк умирает от разрыва сердца.

Натура у них ранимая очень. Поймал как-то одного петелькой из лёски. Апартаменты отвёл в большем ящике с сеточкой для освещения. Погиб. Видимо, от стресса. До сих пор каюсь.

А человеку не угодишь. На что уж норки и выдры плавают себе, с ледяных горок зимой катаются, весной у полыньи солнечные ванны принимают, залюбуешься.

Так нам опять неладно: рыбу, видите ли, едят. Того гляди, нам не хватит. А сколько мы при своём ротозействе той рыбы за один день можем отравить, вроде бы и не считается.

Самым пакостным зверем почитается у нас россомаха, мало того что охотничьи запасы в избушках уничтожает, приваду у капканов лопаёт, так ещё, по поверью крестьянскому, вымя у живых коров выедаёт. Ну и терпение было у свидетеля этого процесса!

Корова, понятно, была не его, да уж и смиренная, спасу нет. Поскольку обвинение россомахи в столь извращённом процессе

кажется подозрительным, считаю, что она, как и мы, не только одним укропом питающиеся, имеет право на место под солнцем.

Нет более таинственного зверя, чем барсук. Даже сидя у норы, протяжённость которой под землёй может исчисляться километрами, редко увидишь выходящего на охоту барсука. Насколько быстр и ловок этот на вид мешковатый зверёк, можно судить по тому, что даже медведю не всегда удаётся с ним справиться. А живучесть его превосходит всякое представление об этом понятии. Жил бы он не тужил, но Господь, Сам того не подозревая, оказал медвежью услугу, наградив его сало целебными качествами. С тех пор барсуку приходится жизнью рассчитывать за приобретённые нами болезни. Жаль. Живые они оригинально красивы.

Вот и подходит к концу моё повествование о живущих рядом с нами диких животных.

Кто более дик по отношению к окружающей природе, ещё надо обмозговать, однако если бы мы вели себя достойно, то ни к чему было содержать штат егерей, в обязанности которых входит охрана диких зверей от не менее диких людей.

Если и можно говорить о ком-то из зверей с оптимизмом, то это о бобрах. Истреблённые в начале двадцатого века и завезённые вновь для развода, они показали всему миру, сколь многое может сделать человек для пользы природы. В наших селениях, расположенных в пойме реки, бобры давно изгрызли бы все зауголки домов, а может, и сами дома, придиись они им по вкусу. Бобр безвреден для всех, и, казалось бы, живи да радуйся. Но так не бывает. Железа, видите ли, в нём присутствует. Шибко ценная. Мало ли духи или одеколон дамам понадобится, без бобровой струи не обойтись. Капризные особи рода человеческого, как мы уже успели выяснить, никого не пожалеют, лишь бы хорошо выглядеть и пахнуть.

Ну и конечно мало удовольствия, если бобры в трудовом порыве затопят луг или заткнут дорожную трубу. Зато нет мероприятия более спокойного и сердцу полезительного, чем наблюдение за трудящимися бобрами. Не знаю, кому как, а мне хорошо от мысли, что они есть.

Дорогой читатель, будь великодушен и не брани меня за то, что я не учу тебя давить зверей капканами, петлями или ещё

какими-либо болезненными способами. Я, конечно, их знаю, но надеждою тщусь, что ты будешь лучше меня и ни при какой погоде не позволишь себе ловлю безвредных зверей вышеперечисленными приёмами. Боль она для всех боль. Потому, начиная коротенький свой рассказ о рыси, я лучше поведаю тебе о том, что почерпнул при частых и многокилометровых охотничьих переходах.

Хотя про рыси повадки рассказывают такие небылицы, что в пору к ней относиться как к тигру северных лесов, я убеждён, что подобные слухи слишком преувеличены.

На самом деле всё гораздо проще. Главное блюдо в меню рыси – свежая зайчатина, ну и на второе грызуны и птицы. Одна знакомая рысь подкралась к зайцу на лёжке совершенно открытым местом и за один присест съела его целиком, оставив мне как доказательство своей победы две передние лапки. Эта же рысь ходила на мороженую свежую приваду до тех пор, пока, уже в апреле, солнечные лучи не подпалили часть мяса. Возможно, эти части привады стали пахнуть, и рысь тут же побрезговала даровым кормом.

К сожалению, много этого зверя калечится, а иногда и гибнет в капканах, поставленных на куницу или других зверей. Бывают случаи, когда рыси бедствуют от голода и близко подходят к человеческому жилью. Не пытайтесь, поддаваясь восхищению красивым зверем, гладить его и кормить с рук. Оставьте «души прекрасные порывы» для любимых женщин: они реже кусаются.

Заканчиваю рассказ, мало похожий на инструкцию по охоте на зверей, которых принято относить к мелким. Если вы ждали от меня другого и читали, надеясь получить новые сведения о способах убийства, но не получили, то простите великодушно.

Сведения эти лучше поискать в других изданиях. Хочется, тем не менее, верить, что и моё повествование не оставит вас равнодушными и, уходя с ружьём в лес, вы не будете расточительны к тем, кого создала мать-природа. Без птиц и зверей в пустыню превратится лес. А это не по нам. Потому пусть вместе с нами живут те, для кого всегда были и будут домом леса, луга, реки и озёра.

ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

Как видите, братья-охотники, не получается у меня учить вас с помощью утомительнейших инструкций приходить домой с полным рюкзаком дичи.

Не печальтесь. Зная достаточно глубоко интересующий нас предмет охоты, я и сам не отличался уж какими-то особенными успехами в этом деле. Никогда об этом не жалел и не жалею. Зато у меня, как и у вас, произошло столько разных приключений, что, только вспоминая их, уже можно жить с благодарностью судьбе.

Тема нашего сегодняшнего разговора хранит прохладу майских и августовских рассветов, горьковатые запахи охотничьих костров, радость при появлении первых проталин и первого снега, нежность первых хрупких цветов и, конечно, несокрушимую энергию охотничьего азарта. Вот мы снова уходим вдаль по древней охотничьей тропе. Дай-то Бог, чтобы в достижении цели нам не только везло, но и удавалось во всём нести достоинство и доброту человека. Пусть так будет всегда.

Охота на глухаря. Ток

Будем считать, что вам приходилось ходить ночным весенним лесом и вы хорошо знаете, как тяжело брести по снегу и тающей воде, пробираясь к заветному месту. Будем считать также, что при подходе к току вы услышите перелёт глухаря и разглядите на снегу черчение и следы птиц. Но в последнее время знакомые охотникам тока скудеют настолько, что вам будет стыдно добыть последнюю птицу. Вовсе не охотники виновны в резком снижении глухариного поголовья. Беспардонная вырубка токов и лесов вообще не оставляют шанса на выживание этой древней великолепной птице.

Потому, особенно молодым охотникам, я советую найти своё заветное место и всячески скрывать его координаты. Это как раз тот случай, когда ложь во благо.

Когда вы идёте на нетронутый ток, это, батеньки мои, как говорил один известный вождь, совсем другой коленкор. И глухареи на нём как в курятнике, и весят они пуд, и, увидев человека, не улетают, а вполне пристойно, правда, ругаются. Понять их

можно: у них интимные отношения впереди, а тут вы с ружьём. Потому не изувеченный завистью и жадностью человек снимет одного петуха с края тока, а потом всё утро будет наслаждаться наступлением рассвета и никогда не надоедающей картиной глухариной прелюдии любви.

На непуганых токах птицы раньше слетают с деревьев. Продолжая токовать, ищут они такого же ухажёра между болотных кочек и неистово с ним бьются. Издалека кажется, что не глухариные крылья всхлывают в тишине раннего утра, а бьёт артиллерия малого калибра. Глухарки подбадривают дуэлянтов, сплетничая в кронах деревьев. Наблюдая за жизнью глухариного тока, ловишь себя на мысли, что у них всё честнее, чем у людей.

Не каждый победит. Но побеждённый не позовёт на помощь, не вызовет танки, не отравит победителя, подсунув ему плесневелую ягоду. Он уйдёт, улетит. Он будет жить, чтобы в следующем году стать первым. Именно на току произошёл со мной поучительный случай, и если вы не очень торопитесь, то вот его суть.

Среди моих друзей-охотников был Саша Ч., отличающийся исключительной реакцией и завидной меткостью. Лично я не помнил случая его промахов ни на одной из самых разных охот. Однажды он, признавшись, что ни разу не был на току, попросил меня показать эту охоту. В начале мая нам представилась такая возможность, и мы немедленно её использовали. В два часа ночи, перед тем как разойтись, я будто бы случайно напомнил Саше, что добывать можно только одного петуха. Я добыл отпущенного мне соответствующим департаментом глухаря, и тут сердце моё начало давать сбои: со стороны друга началась настоящая канонада. Насчитав семнадцать выстрелов, я проклял день и час, когда нас свела судьба. Энергии двухсот сорока шести матерных слов, отпущенных в адрес друга, хватило бы для превращения в воду всех снегов первой декады мая тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Я поспешил на выстрелы.

Друг стоял на сухой, покрытой вечно зелёным брусничником боровинке. По выражению его лица я понял, что произошло невероятное, но, задыхаясь, выпалил:

– Ты что, ошалел? Семнадцать глухарей. Их больше здесь не осталось.

- Одного, – ответил друг и поднял лежащую у ног птицу.
- Как одного? Ты же «ворошиловский стрелок», чёрт тебя дери! Где остальные?
- Нет остальных. Один только и был.
- Не издевайся! Хочешь, чтобы я поверил, что ты смазал шестнадцать раз?
- Выходит, так. Я уж худо о тебе подумал. Заколдовал, думаю, от жалости глухаря.

Чуть не заревел. Палю, а он даже токовать не всегда перестаёт. Сидит, едритвой-кудритвой, как бронированный. Когда последний патрон остался, вплотную подошёл, вот тогда только и упал. Саша вдруг резко перехватил ружьё за стволы и размахнулся, но не ударил:

– Жаль, не моё, а то бы я сейчас клюку из него сделал. У дружка взял. У моей тулки ствол почему-то разорвало. Дай-ко мне патрон. Покажу огневую мощь этой артиллерии.

Мы подошли к костру. В метрах двадцати висела, видимо для ориентира ягодников, пустая пластмассовая бутылка. Саша, почти не целясь, выстрелил. Полторашка едва пошевелилась. Пробоин мы на ней не обнаружили.

– Ты уж прости меня, Саша. Худо о тебе подумал. Дай-ко мне бутылку.

Взял я тогда свою обиду да двести сорок шесть матерных слов и запихнул в поданную полторашку. Завернул пробку, бросил в костёр. Съезжилась посудина и вспыхнула.

Я думал, что всё содержимое в ней сгорело. Ан нет, недавно по ТНТ те слова слышал и даже в книге одного писателя современного вычитал.

Я рассказал вам только одну историю, связанную с охотой на глухаря. Вы знаете их не меньше, и это освобождает меня от продолжения данной темы.

Охота на тетеревов

Может, поговорим про тетеревов? Кроме сказок Ершова, где Жар-птицы ведут себя как наши тетерева, много исключительно безвредных баек слышал я про этих птиц. Понятно, что не всему верил. Да и при нынешней скудности в угодьях косачей

трудно представить себе, что раньше эти птицы уносили на себе не только ловчие сети, но и крыши с овинов. Несколько лет назад я первого мая к ветерану, живущему в отдалённой деревне, в гости. Недалеко за лесной речкой был тетеревиный ток, на котором ещё неделю назад сделал шалаш. Человек я невредный, и об этом, видимо, были наслышаны хозяева, а потому приняли меня радушно. Через десяток минут мы уже пили чай и разговаривали о житье-бытье. Достал из рюкзака бутылку «Московской» за три рубля шестьдесят две копейки, за что хозяева выругали меня, затолкнули напиток обратно в мой рюкзак, и хозяйка, порывшись в подполье, достала свою бутылку, точно такого же названия, но пыльную и по два восемьдесят семь. То ли водка настоялась от длительного подпольного хранения, то ли мы были настроены на хороший лад, беседа наша затянулась до ночи.

Серьёзные мужчины в подпитии говорят исключительно на международные и производственные темы, оставив разговор о женщинах на опохмелку или полную трезвость. Мы не хотели изменять традиции, но как-то так получилось, что разговор наш из типичного русла перешёл на тетеревиную охоту. Я попробую воспроизвести его.

– Да я сам сызмалетства охотничал. Правда, провианту мало было, так птицу мы ловушками добывали, – начал хозяин приютившей меня избы. Но хозяйка перебила его:

– Ты, Дмитрий, лучше бы рассказал гостю, как вы с Тимохой в Пасху на токах охотились. Безбожники лешевы. Завтра ведь тоже Пасха, нельзя бы на охоту-то. Грех! Да ты Расскажи, Расскажи мужику-то. Где дак боек. – Антонина, так звали хозяйку, принесла литровую банку пареной прошлогодней брусники и вывалила её в большое блюдо. Заправила сметаной и сахарным песком, выдвинула на середину стола:

– Ешьте. Я сама так спасу нет, как люблю. А толокна бы ещё добавить? Обьеденье. Пойду хоть сена корове надаю. Рассказывай.

Дмитрий Иванович усмехнулся:

– Ишь, раскомандовалась. Рада свежнему человеку! А чего рассказывать-то? Всё равно не поверишь.

– Да уж расскажите. Я люблю слушать всякие охотничьи истории. Может, и впрямь напрасно завтра охотничать.

– Точно, что напрасно. Проверено горьким опытом, – подхватил хозяин. – Пасха – животворящий праздник. Солнышко и то играет, радуется Христову воскрешению.

Да вот слушай. Пасха в тот год выпала на седьмое мая. А у нас – шёл, так видел – две полевые полосы к Чёрной речке внаклон сбегают. По левой стороне и по правой. Косачей на них весной не считано. Стон стоит над всей округой. Я так теперь полагаю, сотни три на обоих токах собиралось. Вот и сочинились мы с Тимохой из Заречья этих косачей седьмого мая погнать. Пасха, а значит, выходной у православных. Шалаши заранее сделали. Соломы натаскали, чтоб мягче сидеть. Гвоздей нарубили вместо дрови. Патронов назаряжали. В общем, подготовились.

Рассвет ещё спал, а мы уж в шалашах. Он на своей стороне. Я на своей. И столько их налетело, что у меня картуз на лоб полез. Вот, думаю, глупая птица и та праздник чтит.

И что главное: трезвёхоньки, а вдруг как затоковали! Заслушаешься.

Но я не затем пришёл. Пальнул. Один и скапustился, лапки кверху. Ближние к нему налетели, тормозят. Ещё подумал: «Дурачки всё-таки, мёртвого от живого отличить не могут». Только смотрю: мой убиенный перевернулся на лапки. Потом взглянул в мою сторону да как заорёт «Чуффыр!» – и ко мне на шалаш взгромоздился. Мати, Царица Небесная! Воскрес из мёртвых!

Сейчас бы я сразу попустился стрелять, а тогда приложился и второго петуха дёрнул. Тот стойно первого на спину брык и замер. Я в третьего целюсь, а левым глазом за вторым подсматриваю. А тот встрепенулся вдруг и улетел. Зато после выстрела третий упал.

Слышу, и Тимоха три раза пальнул. Про себя думаю – мазила. Тимоха на всю деревню осмеёт. Порассветало. Я ещё четыре раза пальнул с тем же результатом. Вдруг все токовавшие тетерева поднялись разом и на Тимохин ток полетели, а от него все ко мне несутся. Встретились над речкой и то ли хохотнули, то ли, крыльями по-особенному хлопнув, поприветствовали друг друга и опять к шалашам.

Я палю, Тимоха палит, тока режут. Косачи падают и тут же оживают. У меня ружейный ствол раскалился, да и патрон последний. А тут опять косач на шалаш сел. Мне сквозь ветки голову видно. Поставил ружьё на землю, подвёл. Ну и свалилась птица рядом с шалашом.

Вылез, а сам думаю: «Этот уж не улетит. Не успеет от земли сил набрать». Нагнулся взять, а он «фырр», да ещё по щеке крылом пластанул. Улетел на дальние берёзы, где мои и Тимохины косачи расселись. А сам Тимоха от шалаша бежит, оглядывается да крестится.

Два раза поскользнулся и шлёпнулся. Подбежал, в глине весь. Глаза дикие. Спрашивает:

– Ну как? Много ли?

– Нормально, говорю. Вон в шалаше лежат.

Он в шалаш, а там только гильзы разбросаны.

– Я тебя не про гильзы, а про косачей спрашиваю.

А я ему:

– Отпустил. Жалко стало. Пасха всё-таки. Так в воздух попал.

– Ага, – Тимоха говорит, – мне тоже пожалелось. Одну вон тетерю походя сбил. Выстрелил в небо, и надо же, она под заряд подсунулась. Он полез в сумку и тут же выдернул руку.

Следом с громким квохтаньем вылетела полюшка.

Дружок мой упал на жухлую траву.

– Пятнадцать раз стрельнул. Пятнадцать косачей то ли мёртвыми улетели, то ли воскресли.

– У меня тоже улетели. Кто-то уберёт нас от греха. Пошли по домам. Выспаться ещё успеем. Да не болтай! Засмеют.

Разошлись. Ни я, ни Тимоха никому об этом ни слова. Я вот тебе первому рассказал.

Дмитрий Иванович улыбнулся и спросил:

– Не поверил ведь?

– Не поверил, – отвечаю. – Вот завтра и проверю, правда ли рассказанное.

Мы ещё пару раз сгоняли в карточного дурака и разошлись спать. В коротком сне моём то и дело появлялись улетающие тетерева.

В два часа ночи я уже спускался по мягкому, жадно дышащему полю к своему шалашу.

В низине подморозило, и я, надеясь на твёрдость наста, пошёл к шалашу, стоявшему в ивняке, не разогнув бродни, за что и был наказан. Провалившись, начерпал столько снега, сколько могло войти в мои сапоги. Снял один бродень и только хотел вытряхнуть снег, как с шипеньем и хлопаньем на протаявшую луговинку свалилось минимум шесть тетеревов. Первый раз кольнуло в душу: обычно сначала прилетает одна птица. Но раздумывать было некогда, и, не надевая сапога, я выстрелил, едва косачи затоковали.

Гул выстрела ещё висел в долине, а я, памятуя о рассказе ветерана, выскочил в одном сапоге и носке и подобрал двух поверженных птиц. Заполотно билось сердце, но, когда положил тетеревов в рюкзак, почему-то с грустью подумалось, что они уж никуда не улетят. Но оказывается, всё ещё только начиналось. Едва я успокоился, привёл свои ноги и сапоги в порядок, как услышал в южной стороне гул то ли тракторов, то ли тока.

Дух первооткрывателя живёт в каждом охотнике, и именно ему принадлежат все великие географические открытия. Я не знал тех лесов, откуда слышались непонятные звуки, и этого было достаточно, чтобы, оставив рюкзак в шалаше, я налегке рванул на разведку.

Поля кончились быстро, начался редкостный угрюмостью еловый лес. Наст не держал, и я, пробивая его броднями, продолжал двигаться, но быстро выдохся и перешёл на четвереньки. Никогда не пытайтесь это повторить. Мы совершенно не приспособлены к ходьбе на четырёх костях. Слава кожгалантерейной фабрике, выпустившей в торговлю те перчатки, которые спасли мои руки от раздирания снегом и при этом не намокали. Пламенный привет и наилучшие пожелания её коллективу.

Вот показался просвет, и я, до полусмерти утомлённый, ускорил передвижение. Но вместо ожидаемого мной поля передо мной разверзлось огромное болото с торчащими из замёрзшей воды кочками. На другой стороне его, освещённые играющим солнцем Пасхи, токовали как минимум полторы сотни птиц. Из последних сил, ломая с треском лопающийся лёд, я форсировал

болото и подошёл к разбушевавшимся тетеревам на дальний выстрел. Надо ли говорить, что птицы перелетали от греха, то есть от меня, подальше. Но не улетали совсем. Я дважды безуспешно стрелял. Не выдержав моего вмешательства в их личную жизнь, тетерева шумно взлетели и, рассевшись в недосыгаемости, о чём-то возмущённо переговаривались. Зная орнитологические приёмы подсчёта птиц, я немедленно это произвёл и убедился, что моя оценка издалека была довольно правильной. Но это уже не радовало меня. Солнце завалили кучевые облака.

Враз потеплело, и разбитый лёд, единственный мой ориентир, растаял. Короче говоря, я здорово плутанул в лесу и вышел в другую деревню с незнакомой стороны болота. Надо ли рассказывать вам, друзья мои, сколь страшно бывает утомлённому человеку узнать, что для выхода на стартовую точку ему предстоит едва ли не менее тяжёлый путь.

Но деваться было некуда, и я, час отдохнув, продолжил своё путешествие. Было уже два часа дня, когда я появился перед обеспокоенными хозяевами.

Моя бутылка оказалась впору. Часа через два я пошёл к шалашу. Тетерева смирно лежали в рюкзаке. И хотя я понял, что в православные праздники надо стрелять по дичи в одном сапоге, мой вам совет: не ходите в Пасху на охоту.

Охота на рябчиков

Мой дед возил мороженных рябчиков конной тягой в составе огромных обозов в Москву и Петербург. На санях каждой упряжки стояли бочки с птицей и со льдом. Дошлые современники, что-то там прикинув и посчитав, выдали информацию, что перевозимые таким образом деликатесы ещё до попадания в бочку имели полное право протухнуть.

Охота в те времена разрешалась и летом, и попавшая в силки птица от этого свежее не становилась. Заглянув в Интернет, я не обнаружил ни одного труда на тему «О влиянии свежести рябчиков на революционный процесс в России к началу двадцатого века». И понял, что вопрос категорически выпал из внимания политологов того времени. О Гришке Распутине книги и рефераты сочинили, а о рябчиках, основном, как говорил Маяковский,

корме буржуа и царедворцев, ни слова. А ведь, если вдуматься, как раз недоброкачествовость рябчиков и могла привести к 1917 году. Это тем более допустимо, поскольку В.И. Ленин в ссылке в Шушенском ел исключительно свежую дичь. Но оставим эту тему современным политологам.

Итак, рябчик. Рябок – называют его северные охотники. «Рыбка да рябки – потеряй деньки», – говорили раньше. Несмотря на кажущуюся простоту, охота на эту пёструю бойкую птицу требует опыта, терпения и исключительного слуха. Опытный охотник по хлопанью крыльев способен определить, на какое дерево сел взлетевший рябчик: хвойное или лиственное, а может быть, на сушину, давно потерявшую сучки. Это очень помогает при ходовой охоте. Умение затаиваться присуще рябчикам с цыплячьего возраста, потому, если летом вы согнали взрослую птицу, постарайтесь не болтаться в этом месте зря, тем более если с вами собака. Хорошо, что догадались закрыть весеннюю охоту. Несмотря на то что рябчики живут семейно, самцы не прочь приударить за призывно свистнувшей незнакомкой. Сколько несчастий, размолвок и даже травматических случаев происходит на этой почве, думаю, рассказывать не надо. Поставьте себя на рябчиное место. Вы летите на крыльях любви к предмету своего обожания, только свернули налево, а навстречу заряд дроби или чего покрупнее. Кому хочешь не понравится. На эту приманку весь род мужской извести можно. Потому весенняя охота на рябчика – грех. Да и делиться опытом по добыванию этих петушков мне что-то не хочется. Простите великодушно. Я просто верю, что если вы совестливый человек, то Диана, богиня охоты, не оставит вас без трофеев. Если не очень, то ваша безграмотность в охоте на рябчиков принесёт им неоценимую пользу.

Хочется верить: недалеко те времена, когда охотники будут водить любопытных туристов по сосновым и еловым рощам, изредка вызывая на смотрины по-боевому настроенных пёстрых петушков. Щёлкнут фотоаппараты, удивлённая птица, пробежав по сучку туда и обратно, успокоится, и серебряный колокольчик её голоса прозвенит в благодарность за жизнь.

Подлетит рябушка, и петушок, показывая на каких-то необыкновенно добрых людей, расскажет, что они не воспользо-

вались его промашкой и оставили живым. А та, приобняв его крылышком, от радости всплакнёт. Что с неё взять? Женщина!

Охота на водоплавающую и болотную дичь

Говорят, будто буряты строят круглые юрты исключительно ради того, чтоб из-за угла не стукнули. В связи с тем что в Северной Руси издавна строят только угловые избы, люди ударенные у нас не переводятся. Тут и политики, и учёные, и геологи, и рыбаки, но охотников больше всех. Казалось бы, сиди себе на печи или чаи гоняй со смородиновым вареньем, ну с женой фантазируй, на худой конец, ан нет.

Политики до поту строят то социализм с человеческим лицом, то капитализм, но уже с другой частью тела. Учёные сидят за столом всю ночь напролёт соображают. Сообразили: бомба атомная получилась, а как от неё избавиться, соображалки уж не хватает. Всё получается согласно неистребимой женской логике: согласно ей дамы сначала подбирают платья якобы для тепла, а потом вырезают глубокое декольте, не объясняя, для чего. Или геолог, к примеру, полезные ископаемые ищет, драгметаллы разные. Для кого ищет? Скажете, для трудового народа? Сейчас! Сообразите, где тот народ и где те драгметаллы. Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни. Рыбаки тоже пристукнутые. Не верите? Тогда сядьте у озера, в которое сбрасывают всякую дрянь все кому не лень, и половите рыбу, которую, вы точно знаете, есть нельзя. Ту, которую можно, надо поймать и отпустить. Ни одна здравомыслящая кошка на такой расклад никогда бы не согласилась. А рыбаки ловят. Ни хвоста им, ни чешуйки!

Охотник – другой расклад. Принесёт он своей Пенелопе птичку-невеличку размером с добрый кулак, и уже уважаемый человек – добытчик. И никто не будет укорять и заниматься подсчётом себестоимости поверженного трофея. Разве что скукающая жена прикинет, лениво нажимая на клавиши калькулятора, сколько и чего было израсходовано, минуя заначку, в результате двухдневного его пребывания на природе. Заглянем любопытства ради в её досье.

Колбаса копчёная по 250 рублей – 1 кг.

Колбаса варёная по 150 рублей – 0,5 кг.

Палтус жареный из ресторана – 50 рублей. Порция – 6 порций.

Яйца варёные по 4 рубля – 6 штук.

Сахар по 27 рублей за кг – 0,5 кг.

Соль – это мелочь.

Билеты на автобус – 1000 рублей.

Бутылочка – 1 литр – 300 рублей.

Сок – 2 упаковки – 50 рублей.

Минеральная вода – 2 бутылки – 80 рублей.

Непредвиденные расходы – 1,5 тысячи рублей.

Ах, как велика всё-таки амплитуда колебаний в уровне воспитания у женщин!

Одна, особенно после прочтения графы «Непредвиденные расходы», взглянет на образ Николая Чудотворца, что в святом углу, и прошепчет: «Слава Богу, хоть жив остался!»

Другая же, восхищаясь собственной смелостью, воскликнет: «Ну, паразит, проснёшься, так я тебе дам!» Что конкретно даст, она пока не знает. Но будет думать. Оставим её за этим трудным занятием, а сами вернёмся в охотничьи уголья.

Бекасы, дупеля, кроншнепы, гаршнепы и веретенники не привлекают внимания бравых северных охотников. Трудно понять им, за что любили Некрасов, Тургенев и Аксаков именно эту охоту. Одно лишь несколько объясняет таковое обстоятельство: стреляя по этой мчащейся с сумасшедшей скоростью мелочи, они ещё умудрялись попадать в неё. Доход, понятно, от этого был невелик, КПД по отношению к трате физических сил при ползании болотами тоже. Но до нас ещё сказано: «Охота пуще неволи».

Современный охотник вряд ли будет тратить дорогостоящий патрон на «чмокающего» при взлёте бекаса. Исключение составляют невоспитанные молодые люди, палящие по всему, что шевелится, или хозяева легавых собак, при встрече с которыми не грех снимать шляпу. И то сказать, некоторых оболтусов десять лет воспитывают и учат семья и школа, а элементарного выражения: «Нельзя, не твоё!» они так до конца жизни и не поймут, о стойке уж и говорить не приходится. А тут за какой-то год выращивают из щенка толковую собаку, да ещё и верного друга в придачу. Хвала им и уважение. Мне приходилось наблюдать, как

продвигаются между чавкающих кочек охотники, пристрастившиеся к болотной дичи. Я желаю им успеха и точно знаю, что не из-за кусочка свежего мяса подвергают они себя подобному самоистязанию.

Охота на гусей и уток

При всём разнообразии этих охот есть в них что-то отдалённо напоминающее ухаживание за дамой в пору горячей и слабоумной юности. Всё ново и душещипательно. Вот уж первые стаи птиц сообщают о своём прилёте свистом крыльев и гусиным говором, в чистом, как платье и чувства невесты, весеннем небе. Всё существо ваше охватывает приятное беспокойство и предвкушение чего-то нового, доселе неизведанного. Ах, чёрт возьми! Какая добыча? Какое обладание? Разве ради них спешите вы в далёкие затопленные луга, где испокон веков пролетают невидимыми тропами стаи птиц? И разве трепетное ожидание в укромном месте близкого перелёта стай не обогащает вашу душу чем-то похожим на трепет юного сердца перед первым свиданием? И не холодным ли душем окатывают вас грустные мысли о напрасности ожидания? Как видите, очень много похожего. Отличие, быть может, лишь в том, что слишком горячая любовь быстро сгорает, а охота вас поражает до старости.

Обычное явление, что самые крупные утки и ослепительные, не тронутые передачей «Давай поженимся» дамы встречаются в самых неожиданных и труднодоступных местах. Не все охотники посещают их, а потому доверчивость, чистота в помыслах и чувствах там в порядке вещей. Да и кто не знает, что та тропка, по которой ты ходишь один, чище.

Миллионы километров пройдены неутомимыми служителями Дианы в поисках охотничьих Клондайков. И каждого вознаграждает природа за упорство, раскрывая ранее неведомые тайны. И ещё она подарит здоровье, смелость и вечно молодую радость новых открытий. Единственно, надо всем помнить, что для такого яркого события, как охота, обязательно нужна дичь, и чем больше, тем лучше. Стоит ли говорить, что это зависит от нас.

Сейчас зима. За окном минус тридцать по Цельсию. А я жду весну и сквозь морозную дымку вижу, словно наяву: большая

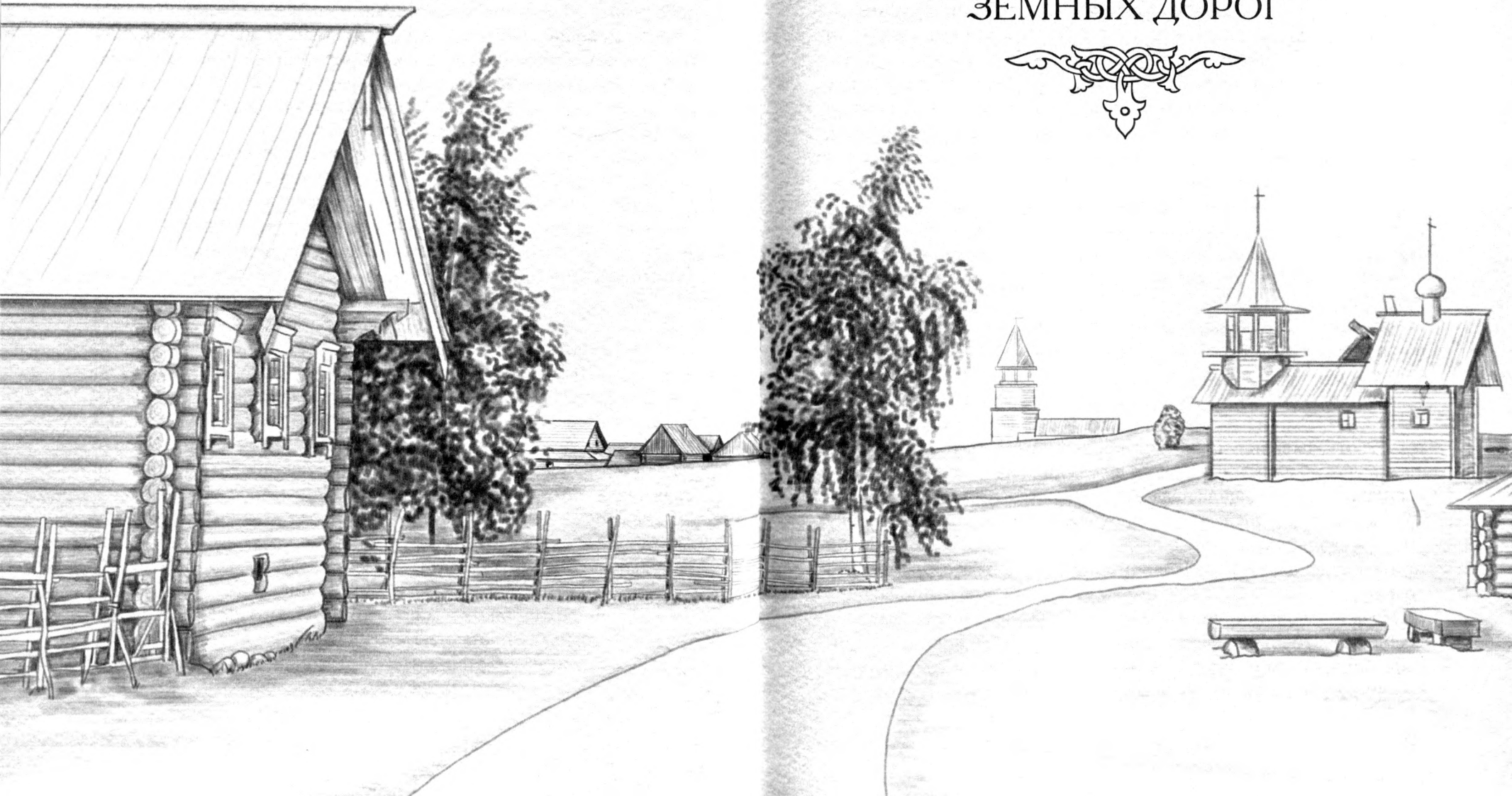
гусиная стая, без гоготанья и почти не взмахивая крыльями, подлетает к моему укрытию. Вот уж виден клюв и лапы первой птицы. Пора стрелять. Но после выстрела разрушится не только тишина, но и весь очаровательный подаренный мне мир. Не стреляю. Ещё успею. А пока просто поживу в нём вместе с его обитателями.

Итак, я заканчиваю своё повествование на охотничьи темы. Кого оно не удовлетворит, читайте Сабанеева. Я же и не ставил перед собой задачу превращения вас в профессионалов.

Есть, конечно, ещё один вид охоты – за женским вниманием. Но он, в моём понимании, столь индивидуален, что не поддаётся систематизации. К тому же, я уверен, это как раз тот случай, когда мой опыт вряд ли достоин повторения. С наилучшими пожеланиями.

ЛАБИРИНТЫ ЗЕМНЫХ ДОРОГ

ПОЛОЧКА

Вот опять надвигается праздник прекрасной половины отечества! Первая половина – мы. Где-то за горизонтом сгущаются тучи, которые уже в первой декаде марта заставят мужиков вся Руси пристально посмотреть на жён, стараясь найти в них качества или хотя бы придумать их. Работёнка эта непростая, и многие теряют устойчивость и душевный комфорт, пока не вспомнят забытые в туманной молодости эпитеты, которыми они награждали будущую хранительницу очага. Что-то до невозможности ласковое шевельнётся в загрубевшей душе. Поверится: не так уж плохо жили, детей вырастили, хозяйство общее, сберкнижка у жены с засекреченной суммой вклада. Своя заначка на чёрный день, то бишь на рыбалку или на встречу с друзьями, в общем, всё как у людей. Ну и скандалы кухонные бывают, а как же без них. Практикой доказано, если с утра до вечера жене о любви говорить, она возомнит себя королевой, но никогда не признает в тебе короля. Хотя, по большому счёту, из-за чего ругаться-то? Ну, бывает иногда, встречную женщину взглядом одарим. Оценим её титанические усилия по превращению своей головы в яйцо Фаберже.

Женщина что икебана: суть цветок, но какое разнообразие в оформлении! Природой так устроено: если человеку чего-то не хватает, он старается это другим восполнить. Помадой, например, или там волосы в зелёный цвет покрасить. Всё нормально. Жизнь – праздник, мы на нём гости. Ну и где это видано, чтобы гостям отказывали в праве попробовать возможно больше блюд.

А женский день – вот он, уже в трёх днях пути. Мне знакомый говорил, что жена ещё за неделю готовит его к этому дню. Командовать начинает: вынеси ведро, сходи в магазин, прибей полку (ещё на свадьбу подарили), пропылесось всё, мебель тряпкой протри и так далее. Я уж, говорит, думаю, какое это счастье, что только один день в году женщинам выделили, иначе пропадай.

Но есть в восьмом дне марта своя прелесть; как Христова дня, ждётся девятое. Окрыление даже происходит. Снова мужиком себя почувствуешь и уже упоминание о неприбитой полочке, воспринимаешь как прямое оскорбление личности. В этот день

встретишься с друзьями в уютном кафе, потери обсудишь, как после тяжёлой битвы. А на душе хорошо: знаешь, что дома порядок, что жена при исполнении, а значит, ведро вынесет, в магазин слетает, пропылесосит, протрёт мебель. Полочку, правда, не прибьёт, так не корить же её за это. Не убежит полочка, не последнее же у нас Восьмое марта.

И всё-таки интересно бы вспомнить, как я называл жену до загса, во времена опрометчивой юности. Эх, записать бы надо! Сейчас слова такие разве что в словаре найти можно. А раньше я их сам (!) наизусть знал и даже применять умел надлежаще.

Иначе бы до свадьбы не дотянуть. Да, свадьба – факт исторический. Обидно, конечно; крутом пьют и закусывают, а ты не моги, так как у тебя всё впереди и к этому «всё» – ты должен быть как огурчик. Любуйся вон на невесту. Последний раз её такой видишь невинной, ослепительной и целующейся всенародно. Завтра уж она бразды правления возьмёт в свои руки, на всякий случай спрятав белые перчатки в шкафчик.

То ли запачкать боится или разумение имеет, что снова пригодятся. И начнётся та самая семейная жизнь, к которой вы оба стремились, не шиша о ней не ведая.

Во второй день свадьбы жених, конечно, обретает некоторую свободу в отношении напитков и пищи, но как снег на голову свалится на него непривычный пока ограничитель в виде власти новоиспечённой жены. И тогда впервые ум посетит его головушку и явственно вырисуетсся образ свободы, которую он потерял. Скупая мужская слеза упадёт на праздничный пиджак и будет заботливо удалена той, что на правах хозяйки царицею восседает рядом. Вот тогда впервые и начнут вылетать из памяти поднимающие к вершинам любви слова.

Лет двадцать пролежит, пылясь, подаренная тобой полочка в кладовке. Но однажды, когда родня жены спишет тебя с баланса, как человека, имеющего право на волеизъявление, ты, многозначительно стукнув вилкой по наполненному стакану, скажешь: «Друзья мои! В жизни мужчин бывают такие ненормальные дни, когда мы усиленно ищем спутницу жизни, по глупости считая, что именно она и будет той единственной, неповторимой, кому можно доверить свою жизнь». Очнувшись мужем и выслушав

мягкий укор жены по поводу неприбитой полочки, каждый из нас, конечно, думает: «Господи! Куда я попал и где мои вещи!»

Но есть ошибки, за которые приходится платить, и ты несёшь семейный крест с возможным в таких случаях прилежанием и терпением. Как-то неожиданно вырастут дети. Разлетятся, чтобы найти свою любовь или свои кандалы. Это уж по их достоинствам.

Но однажды, встретившись взглядом с такими грустными и ставшими родными глазами жены, вдруг увидишь в них, как и в давнюю пору бестолковой юности, ту золотую искорку, от которой когда-то вспыхнуло согревающее пламя любви. И захочется подойти ближе и, проглотив комок, подступивший к горлу, сказать: «Спасибо, родная! Тебе было тяжело со мной. Ты лучше всех! Куда там полочку-то прибить?»

РАСЧЁТ ПО ЛЮБВИ

Если желание жениться настигает нормальных людей весной, а где-то к октябрю уже созревает до дурной мысли о свадьбе, то к моему знакомому доктору Баскову эта глупая прихоть пришла в ноябре месяце и сразу созрела. Представьте себе: дождь, переходящий в снег, северный ветер, вороны, мечущиеся в сером небе в поисках тёплого местечка, и вполне нормального доктора, восплавленного желанием приобрести особь противоположного пола в жёны. Не укладывается как-то. Обычно в этом месяце случаются всякие неприятности.

Дело в том, что в больницу, где в качестве терапевта разбирался с наружными и внутренними органами пациентов доктор Басков, приехала, нет, не приехала, а свалилась как снег на голову молоденькая выпускница архангельского института Виолетта. Почему она явилась, когда её уже перестали ждать, история умалчивает. Это симпатичное длинноногое существо многих, даже убелённых сединами работников больницы, буквально выбило из колеи спокойной жизни.

Представьте себе, что в кромешной тьме вам в лицо направили луч мощного фонарика. Естественно, вы мгновенно ослеп-

нете, и понадобится время, чтобы глаза привыкли к свету, а вы обрели возможность видеть.

В больнице не было крошечной темноты, но это только усугубляло положение. Первыми пришли в себя работницы отделения. Они, словно избавляясь от наваждения, враз тряхнули причёсками, упрятыми под стерильно-чистые колпачки, и немедленно разглядели в девушке довольно серьёзные недостатки. Новенькая одевалась так, как будто шла не на работу, а на дискотеку. Слой косметики не оставлял никакой надежды увидеть её истинное лицо и, что совсем уж обидно, замечала только сотрудников больницы, проявляя полное равнодушие к женскому окружению. Но всё уладилось. В течение недели Виолетта вполне вписалась в коллектив. Мало того, более опытные коллеги окружили её вниманием и заботой.

А вот доктор Басков, невзирая на противную погоду и изрядный слой штукатурки на девичьем лице, вспылал к новенькой каким-то давно забытым, беспокойным чувством. Кстати, пора, наверное, представить его вам.

Так вот, Басков Сергей Николаевич сорока лет от роду, рост сто семьдесят пять сантиметров, вес шестьдесят пять кг, шатен с голубыми глазами и с подобием пшеничных усов, жил один-одинёшенек, но это не значит, что не имел опыта брачных отношений. Так получилось, что ещё на закате советской власти ему приспичило желание жениться на однокурснице. Не надо судить его за столь скоропалительный шаг. Вспомните, какие в те времена были сокурсницы: непьющие, некурящие, в меру упитанные, они являли собой всё лучшее, что мог создать Господь. Состояние их здоровья даже вечные скептики и нытики медицинской направленности оценивали двумя словами: кровь с молоком. Не влюбиться в них было практически невозможно, а желанию незамедлительно предложить руку, сердце и даже все остальные сопутствующие органы мешало лишь понимание необходимости осилить учебное заведение и грядущие материально-жилищные проблемы. Но Серёжа Басков в горячке чувств не счёл нужным прислушаться к советам родителей и на последнем курсе женился на юной прелестнице с удивительным именем Эльвира. Правда, женой она послужила недолго: «души прекрасные порывы» как-то по-тихому

улетучились, и остались житейские проблемы, неустроенность и заботы о хлебе насущном, потребность в котором возросла вдвое.

Красивые, возвышенные слова, взятые влюблёнными напрокат из сказок неутомимой Шахерезады, постепенно переходили в критические замечания и недовольное ворчание. Обручальные кольца тяжелели, мешали при ручной работе и некстати напоминали о потерянной впопыхах свободе. Они расстались.

Эльвира на всякий случай всплакнула и напомнила Сергею, что он должен бы возместить ей суточные за потерянный год совместной жизни и некоторый не только моральный ущерб, нанесённый её невинной сущности. Но Сергей, оценив все материальные притязания бывшей возлюбленной как упущенную выгоду, схватил её чемоданы и унёс на автобусную остановку.

Когда он вернулся, ветер свободы овеивал его одухотворённое лицо, и, чтобы не задохнуться от личного счастья одному, он тут же призвал друзей и чуть не запил. Я говорю «чуть», потому что это мероприятие он выдержал только три дня. Проснувшись на четвёртый с головной болью и посчитав оставшиеся копейки, на которые (слава социализму!) в то время можно было купить пакет молока, буханку хлеба и даже кусочек колбасы, Сергей понял: пить невыгодно, даже более, чем разводиться.

Студенты и раньше замечали в нём странную черту характера: прежде чем что-то приобрести или сделать, он долго, скрупулёзно подсчитывал, во что ему это обойдётся и что даст. Эльвира не дала ничего особенного, и он решил, что даже под любимым им пикантным чесночным соусом никогда не повторит столь бездарного мероприятия, как женитьба по любви. Получив назначение в северный городок, он мысленно радовался тому факту, что избавился от возможности встречаться с институтскими друзьями и Эльвириной роднёй. Сейчас ничто не мешало ему заняться карьерным ростом и сколотить некоторый капиталец для будущей беспечной и спокойной жизни. Он бросился зарабатывать и копить деньги, что получалось плохо, поскольку при том строе, в котором он жил, всякое накопительство считалось отступлением от норм социалистической морали.

Но грянул капитализм, слово «бизнес» произносилось с апломбом и уверенностью в его прогрессивности. Даже в детсады, шко-

лы, в учебные и лечебные заведения, в которые наивные граждане всё ещё приходили с уверенностью в бесплатном образовании и такой же, медицине, проникли щупальца этого незнакомого ранее зверя. По первости никто и не задумывался, что ребёнок или, к примеру, селезёнка могут стать предметом бизнеса, но это быстро и доходчиво было объяснено. Человек до этой оказии со сменой строя как-то даже и не догадывался, сколько всего драгоценного он носит в себе, а тут оказалось, что даже любая его почка стоит тысячи долларов. Это раньше прохожие рождались, жили и даже умирали, так и не осознав, что они анатомической своей сутью могут быть рублёвыми миллионерами.

Басков процветал. Правда, окружающие его новоявленные купцы, инспектора и столоначальники, ранее вполне приличные люди, вдруг возомнили себя бизнесменами и стали драть за свои товары и услуги столь рьяно, что большая часть баснословных, казалось бы, денег, проливалась как вода сквозь пальцы. К тому же и рыночно настроенное государство не считало безнравственным обирать своих граждан даже за то, что вполне бесплатно подарил людям Господь Бог. В своё время раскритикованная мода брать мзду за индульгенцию по прощению грехов снова обрела могущество, и только покупка нужной бумажки разрешала чувствовать себя человеком.

Вот в этой ненормальной обстановке, да ещё в ноябре, Басков влюбился в новенькое создание, свалившееся из знакомого ему института, и начисто забыл свои клятвы и то, что любовь – понятие категорически не рыночное и никаких дивидендов от неё ждать не приходится. Не зная, как подступиться к любимому предмету, чтобы вызвать в нём симпатию к собственной персоне, Басков ходил за Виолеттой по пятам и услужливо предупреждал все её желания. Присмотревшись и оценив профессиональные возможности любимой, он понял, что, если дать ей волю, все пациенты окончат курс лечения как минимум в реанимации. Искренне желая им помочь, он взялся за благородное дело превращения Виолетты в стоящего врача.

Я не буду перечислять все любезности, которыми наш доктор практически засыпал свою пассию в свободное от работы время. Друзья! Переверните страницы собственной жизни в те време-

на, когда земная любовь грела вас, «аки солнце», и вы вспомните, на что были способны ради этой любви. Вот на всё это был способен и наш доктор, пусть и с некоторыми поправками на свою профессию. Нет, нет, он не покупал цветы и шоколадки, не таскал юную обольстительницу по кино и ресторанам, даже не обещал ей вечного счастья, полагая, что её профессиональный, а в будущем и карьерный рост будут более устойчивой базой для их семьи. Провожая девушку домой, он рассказывал ей об опухлях и болях в правом боку, о симптомах язвы желудка и только однажды, развивая тему сердечной недостаточности, чуть было не предложил ей своё сердце в обмен на совместную жизнь. Но вовремя спохватился.

– Господи! – подумал он. – Что же это я так сразу. Надо хоть посмотреть её медицинскую карточку, а ещё лучше – попросить пройти медицинское освидетельствование, анализы чтоб сдала, к стоматологу сходила. Может, у неё плохие зубы, и при современных затратах на их замену свои временно придётся положить на полку. Справки психолога и нарколога должны были быть завершающим этапом обследования и допуска до совместной жизни.

Жена, конечно, не ружьё, которое, по заверениям театралов, обязательно должно выстрелить, но бережёного Бог бережёт. Ружьё всё-таки в сейфе, а жена – вот она, образно выражаясь: горячее оружие, с которым надо будет целую жизнь вылежать на одной кровати. Нет, надо повременить, пока все документы не предоставит.

Басков даже вспотел, представляя, в какую историю мог он вляпаться, если б не имел привычки всё просчитывать наперёд.

Тем не менее, ухаживания и проводы до дому он продолжал. Месяц близился к концу, и однажды Виолетта пригласила его домой, видимо надеясь поставить необходимую точку под коротким словом «брак» на всю оставшуюся жизнь. Может быть, у неё были и другие соображения. Не знаю.

Басков попробовал отказаться, но был буквально удушен шквалом горячих поцелуев, способных растопить льды обоих земных полюсов. И сдался.

Потом был чай с бубликами. Когда чай был выпит, а бублики кончились, девушка пригласила разомлевшего доктора на диван.

Но едва он открыл рот, чтобы обосновать благотворное влияние листьев дикого чая на выносливость горных коз, нежно прикрыла его губы ладошкой и, опустив взгляд, как говорили раньше, долу, почти шёпотом высказала всё, что томило её трепетную душу.

– Видите ли, Серёжа, мы с вами знакомы уже целый месяц, и, надо сказать, благодаря вам я многое почерпнула для своей работы по специальности.

Но я не хочу работать! Мне неприятен запах хлорки и стоны больных. Я не связываю своё будущее с врачебной практикой, но и отказываться от этого, как мне сказали, доходного дела, я не собираюсь. Потому я и выбрала вас. Говоря прямо, вы будете зарабатывать, а я просто жить на заработанное. Я знаю, что вы любите меня, и давно хотела сказать, что согласна, но вот какое дело: мне нужны гарантии в том, что вы не только согласны быть моим мужем, но и здоровье позволит нести сей крест долгие годы. Потому, как бы это приличнее сказать, я соглашусь быть вашей женой после того, как вы предоставите мне данные вашей медицинской карточки, сдадите соответствующие анализы, ну и справки о том, что ваши родители не болели передающимися по наследству болезнями.

– Вот это да, а я, глупец, про родительские болезни не учёл. Надо взять на вооружение, – сокрушённо подумал Басков.

Виолетта продолжала:

– Ещё бы хотелось, чтобы вы знали, я не терплю собак и кошек. Не терплю родню, друзей, рыбалку и охоту. О женщинах я уж и не говорю. Зная себя, я даю себе отчёт в том, какие опасности могут таиться в женском коллективе. Потому вам надо перейти в отделение, где встречи с живыми людьми будут по возможности сокращены. Как вы на это смотрите?

Басков не ответил. В не затуманенном спиртным и табачным дымом мозгу всплывали одна за другой картины их будущей совместной жизни. Самой поразительной из них была та, на которой он и невеста несутся на кадиллаке в новую жизнь, но постепенно с капота машины ветер срывает куклу, надувные шарики и яркие ленты, а вместо них откуда-то приносятся чёрные цветы, венки и траурные ленты с надписями. Кадиллак сбавляет скорость и превращается в катафалк. Видение было так явственно,

что Басков почувствовал себя покойным и, чтобы избавиться от страха, немедленно соскочил с дивана и, не взглянув на потенциальную невесту, схватив пальто, шляпу, буквально вылетел под ноябрьский снег с дождём и северным ветром и только тогда почувствовал, что спасён.

– Господи, какая это радость быть неженатым, и живым! – сказал он себе вслух. Голос его дрогнул, непрощенная слезинка скатилась по щеке, но он подавил в себе сентиментальность. Застегнул пальто на все пуговицы глубже, натянул шляпу и с каким-то особым наслаждением сделал широкий шаг в знакомую холостяцкую жизнь.

Р. С. В конце декабря, перед самым Новым годом, Виолетта вышла замуж за пожилого патологоанатома. Так вот этот много видевший и претерпевший человек, практически вкусив лишь маленькую толику пирога под названием «совместная жизнь с этим очаровательным существом», на второй неделе медового месяца, пришёл домой подшофе. Упав перед молодой женой на колени, он произнёс только одно слово: «Отпусти!» И заплакал.

КОНЦЕРТ БЕЗ СКРИПКИ НА ТЕМУ «О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ!»

Безбородов Севастьян Прокопьевич, невысокого роста, широкий в плечах и животе, окрещённый коллегами Кубик, проснулся ни свет ни заря и решил, что ему надо срочно перековать характер, изменить отношение к ценностям жизни в свете надвигающегося капитализма. Если бы он был начальником хотя бы районного уровня, то тут же создал комиссию по переходу на другой образ жизни, подкомиссию для разработки основных направлений, бюро по анализу этих разработок.

Естественно, за всеми нужен глаз да глаз. А потому создание контрольной комиссии, подключение работников ФСБ, внутренних органов и ребят из отдела противодействия коррупции напрашивалось само собой. Проведение обширного совещания с повесткой дня «О переходе господина Безбородова на другой

образ жизни» с гимном, школьниками и банкетом с тостами в его адрес было тоже необходимо как воздух. После трудов праведных, с чувством выполненного долга Безбородов планировал снова лечь спать, хотя бы до весеннего тепла. Спят же, чёрт возьми, медведи, и ничего им не делается, да и порядок в лесу даже больший, чем ежели бы они шатались.

Увы, Севастьян Прокопьевич не был начальником, правда, его однажды избирали депутатом, и он сочинил для рассмотрения Думы два проекта. Один из них назывался «О пользе вреда», где с подробностями доказывалось, что закрытие производств в городе и районе имеет колоссальное значение для народа, поскольку при существующих ценах на теплоносители и платежи в ЖКХ сама жизнь убыточна, не то что какое-то производство. Расшифровка положительного значения едва уместилась в школьной тетради, и, когда Севастьян Прокопьевич её читал, депутаты почти единогласно уснули. Но старейший из них, в силу возраста не обеспокоенный приставаниями жены ночью и потому хорошо выспавшийся, остановил докладчика лишённым такта вопросом: «И надолго твоя эта хренотень?»

Депутаты проснулись и, услышав последнее слово, тут же проголосовали «против».

Второй проект касался сельского хозяйства. Нимало не сомневаясь, Безбородов доказывал, что хлеб, выращенный с применением навоза, оскорбляет высокие чувства строителей капитализма, а потому производство его надо прекратить. Коров, которые этот навоз производят, надо пристыдить, осудить и вывезти на свалку истории, а БВД* и оставшиеся комбикорма прямо пустить на корм людей.

– Безбородов, – прервал его тот же вечно выспавшийся старейший депутат, – где молоко и мясо брать будем!

– Заграница нам поможет! – заученно и восторженно рявкнул Севастьян Прокопьевич.

Лучше бы он этого не говорил. Последнее слово хуже заключительного – истина, которая легко познаётся в суде. Депутаты

---

* БВД – белково-витаминные добавки.

возмущённо загалдели. И опять, чёрт бы его драл, тот надоедливый депутат заявил:

– А если не захочет? Если мы эту шлюху, то бишь за границу, чем-либо не удовлетворим? Тогда как? А, Безбородов?

– Почему это не удовлетворим: у нас всякие полезные ископаемые. Женщин и детей можно за бугор толкнуть для улучшения их генофонда.

– Ты на чего, паразит, намекаешь? – взорвался депутат от посёлка городского типа. – Ты хоть подумал, что ляпнул? Мы – народ великой страны и всегда знали, что там, где принято снимать шляпу, бесстыдство снимать штаны. А ты, рожа протокольная, что предлагаешь? Сядь на место от греха, или я за себя не ручаюсь.

Так бездарно завершилась депутатская стезя реформатора Безбородова.

И вот сегодня он рано проснулся и решил поменять образ жизни.

«С чего начать?» – озадаченно почесал седеющую голову Севастьян Прокопьевич, и взгляд его как-то случайно упал на спящую жену. Вспомнилось объявление в газете: «Меняю одну за сорок на двух по двадцать». С грустью подумал, что с двумя ему, пожалуй, не справиться, а возможность иметь в доме двух воинствующих хохотушек и не получать от этого прибыли шла вразрез с принципами молодого русского капитализма. Да и для чего ему эта головная боль. Безбородов решил жену пока не менять. Пусть хоть выпится.

И тут в голову ему пришла потрясающая идея: для того чтобы сменить образ жизни, надо определиться, что конкретно нуждается в замене. Он достал из книжного шкафа большую амбарную книгу, в которой по молодости записывал имена, координаты и достаток дам, имеющих шанс осчастливиться в качестве его потенциальной жены, и констатировал факт, что страницы со старыми записями были беспощадно вырваны, видимо победительницей этого марафона, сейчас мирно похрапывающей в спальне.

Чистых листов было вдосталь, и Севастьян Прокопьевич достал ручку, линейку и разделил каждый из них жирной синей чертой. С левой стороны от черты он старательно выписал слово «достоинство». С правой – «недостаток».

Подчеркнул оба слова красивой ровной линией.

Задумался на тему достоинств и почувствовал прилив творческих сил, ибо достоинства были, и немалые: спящая жена, дети, сад, огород, дом, в конце концов. В некоторую углублённую задумчивость ввела любовница. Трудно было разобраться, куда её отнести – к достоинствам или недостаткам. На счастье, в голову пришла спасительная мысль: он напишет это слово посередине.

Но тогда в столбце «Недостатки» прописывалась самая мало-затратная задняя часть любовницы. А весь фасад – лицо, шея, грудь, руки – оказывался в первой графе, что не устраивало нашего реформатора, так как именно на эти телесные принадлежности и уходили немало стоящие тени, кремы, лаки, яйца, огурцы и другие овощи.

Тогда он поменял слова «достоинство» и «недостатки» местами. Сейчас графа, отражающая недостатки, стала первой. А графа «Достоинства» – второй. В неё волей реформатора переместились жена, дети, сад, огород, дом и задняя часть любовницы. Решив им самим придуманную головоломку, Безбородов перешёл к чертам характера. О, если бы вы знали, друзья мои, как тяжело, почти невозможно уличать себя в неблагоприятных поступках и отрицательных составляющих своего «я».

Мой герой хотел вспомнить о фактах своей щедрости, а вместо них из близкого и далёкого прошлого выплывали случаи жадности, мздоимства, лжи и зависти. Он не вписывал их в недостатки, оправдываясь словами: «Все врут, завидуют и хапают сверх всякого здравого смысла». Но другой голос ехидно напоминал: «Речь не обо всех, а о тебе!» – и Севастьян Прокопьевич конфузился.

Сказать, что он был соткан из недостатков, нельзя; там, где безопасно и без потери физических и моральных сил можно было резать правду-матку, он не только её резал, но даже зарезал, возмущаясь и размахивая руками.

Там, где начальство доверительно просило поддержать самую бестолковую, но сверху упавшую инициативу, он её поддерживал, млея от мысли, что именно его удостоили чести поддержать упавшее сверху.

Не находил он предосудительного и в том, что путём интрижек и выискиваний некоторых пятен в простыне судьбы кого-то

из сослуживцев, находящихся в более оплачиваемых условиях, ему удавалось со временем занять это доходное место.

Тактике и ювелирной работе по улучшению личного благосостояния Безбородова мог бы позавидовать даже тёртый сотрудник бывшего КГБ: Севастьян Прокопьевич сначала коротко хвалил будущую жертву, а потом, как и требовали условия жанра, говорил короткое «но» и выливал на ничего не подозревающего человека вёдер пять-шесть словесных помоев. Начальство настаивалось, сослуживцы не здоровались, жертва нервничала и усугубляла. Всё кончалось назначением господина Безбородова на вакантное место.

Но сегодня-то Севастьян Прокопьевич решил искоренить, вымести поганой метлой, задушить при одном воспоминании всё, что чернило его перед земляками, и всё, что могло бы быть использовано против него на Страшном суде.

К несчастью, в графу «Недостатки» он ничего не мог вписать, поскольку легко находил оправдание самым свинским своим поступкам. Тогда он снова взялся за «Достоинства» и вписал в эту графу: машину, счёт в банке, акции фабрики, производящей туалетную бумагу, с удивительно непостижимым названием «Солнышко». Кстати, акции он приобрёл, мудро считая, что среди людей, организующих катаклизмы и революции, спрос на данную продукцию будет только расти. Поломав голову, что бы ещё такое записать в графу «Достоинства», Безбородов ничего более не нашёл. Хотел уж идти почивать, но тут взгляд его снова упёрся в спящую жену. В графе «Недостатки» все места были бессовестно пусты, и он решил ради приличия перенести туда жену, тем более что спящая, она не могла устроить скандал при переводе из одной графы в другую.

«Всю жизнь твердила, что не хватает какого-то простора. Вот, пожалуйста, в этом столбце тебе не будет тесно. Да и страшно представить, какой фортель ты выкинула бы, увидев себя в одном столбце с задней частью любовницы», – мыслил Севастьян Прокопьевич, стирая слово «жена» в графе «Достоинства» и вписывая его в соседнюю графу.

Когда слово «жена» заняло почётное первое место в пустом столбце «Недостатки», Безбородов с чувством восхищения на-

писал в графе «Достоинства» свою фамилию жирными прописными буквами. Представив, какая стыдоба и конфуз могут получиться, если сослуживцы вдруг узнают, что его достоинство спит рядом с женой из графы «Недостатки», он тут же перенёс с супружеского ложа свои одеяло и подушку на диван. Почесав основание правой ноги, где ворохнулась совесть, сосланная туда за ненужностью, Севастьян Прокопьевич сладко зевнул и с чувством выполненного долга уснул.

СОН АВТОМЕХАНИКА

Действующие лица: герои чеховских рассказов.

Механик автобазы Колесов Викентий Экибастузович после работы зашёл к другу, где выпил четвертинку в честь Дня работников автотранспорта, именуемого в простонародье Днём шофёра; посмотрел концерт, посвящённый этому знаменательному событию, и пошёл домой. Викентий Экибастузович давно не выпивал лишнего; и жена, всякий раз проводившая расследование по поводу появления в квартире постороннего запаха, тут ни при чём. Последнее время ему нездоровилось. А ещё он пристрастился читать книги, и этот факт сыграл в его жизни исключительно положительную роль. Вот и сегодня, отказавшись от ужина, он взял с полки недочитанный томик Чехова и, предвкушая возможность встречи с его героями, прилёг на диван и стал читать.

После рассказа «Живая хронология» сон победил его.

И приснилось ему, что сидит он на симпозиуме, посвящённом теме «Вред и польза колеса». Симпозиум ещё не начался, и, осматривая зал, Викентий Экибастузович обнаружил, что присутствующие – сплошь и рядом чеховские герои.

Голос за занавесом представлял гостей:

– Отставной урядник войска Донского Василий Семи-Булатов.

Помещик Гауптвахтов. Студент Гвоздилов. Унтер Пришибеев, борец за правду Дездемонов, статский советник Шарамыкин.

Все названные по мере объявления с каким-то особенным достоинством проходили к своим местам и садились.

Викентий Экибастузович, наблюдая рядом с собой людей столь знаменитых, сконфузился и мышонком забился в уголок, так как тема для него, коренного автомобилиста, была, прямо сказать, душеспипательная, и своё присутствие он счёл крайне необходимым.

Председательствовал Григорий Петрович Запойкин, который, если вспомнить рассказ «Оратор», на похоронах Кирилла Ивановича говорил прощальное слово живому столоначальнику Прокофию Осиповичу. Секретарила дочь Альбиона – англичанка, более известная, по изречению одного чеховского помещика, как «чёртова кукла». Она уже выучила русский язык, но это не убавило в ней английской спеси и надменности.

– Так-с, господа! – громовым голосом рявкнул Запойкин. – Тема нашего сегодняшнего симпозиума «Вред и польза колеса». Дело, скажу, серьёзное, подходить к нему надо так же, как я к похоронам. (Все в зале ехидно посмеиваются.)

Но Запойкин стукнул по столу так, что все затихли, и лишь «чёртова кукла» продолжала невозмутимо что-то записывать.

– Слово экзекутору Ивану Дмитриевичу Червякову, с которым вы имели честь познакомиться ещё в рассказе «Смерть чиновника». Там он чихнул на лысину генерала Брижжалова и донял извинениями этого почтенного человека.

Экзекутор вышел к трибуне и сразу начал:

– Колесо. Зачем, колесо? Я вот статскому генералу Брижжало-ву на лысину чихнул и умер от неудовольствия за эту оказию. При чём тут колесо, разве для телеги, чтоб на кладбище кого доставить по скромному уложению? Тут уж и впрямь никак без колеса. Червяков плаксиво хлопнул бровями и сел.

Председательствующий встал и объявил:

– Алексей Иванович Козулин из рассказа «Торжество победителей» просит слова.

Козулин важно вышел к трибуне:

– Колесо надо, как же без колеса. Вот возьми блины, какую форму имеют? Надо колесо, а то как же на Масленицу без блинов? Ведь если, к примеру, квадратные блины печь, это все сквороды на Руси-матушке переизгибать придётся. Лучше уж колесо.

Не успел Козулин сесть, как без объявления к трибуне вышел Марк Иванович Кляуззов. Мечтательно посмотрев в зал и помотав гривастой головой, он начал:

– Подумать надо, а у меня опять башку ломит. И какой же бурдой эта становиха меня поила? Да, да! А как же без колеса? Ведь эти чеховские сыщики, не будь у них шарабана на колёсах, так и не нашли бы меня в бане у этой весёлой особы, где я жил три недели, питаюсь исключительно самогоном, шаньгами и любовью. Во! А если бы не нашли, если бы на шарабана отлетело колесо, то, позвольте вас спросить, этот щелкопёр Чехонте написал бы «Шведскую спичку», где я навсегда останусь главным и бессмертным героем? То-то! А потому я за колесо. Давайте выпьем за его здоровье! Зал заплодировал.

– Слово предоставляется... – председательствующий осёкся. По проходу зала, чеканя шаг, маршировал унтер Пришибеев.

Он встал за трибуну прямо, словно проглотил штык, и вдруг хрипло заорал: «Разойдись! Не толпись! По домам! Колесо есть вред. Сколько подлецов под колёсами погибло?! Запретить! Всем домой, марш!» Зал загалдел. Послышались крики: «Долой! Пристава!» И действительно вбежал становой пристав Прачкин, недавно проигравший воинскому начальнику восемь рублей, а оттого страшно сердитый, и прогнал Пришибеева вон.

Все понемногу успокоились.

Председательствующий торжественно объявил: «Слово имеет полицейский надзиратель Очумелов». Очумелов вышел к трибуне, вытер рукавом пот со лба, кашлянул, пошевелил бровями и начал:

– Как у любого естественного факта, есть две стороны: чёрная и белая. Чёрная, как вы понимаете, плохая, белая, как вам думается, хорошая. То, что, как сказал предыдущий оратор, много подлецов под колёсами погибло, наводит на мысль о политической нужности колеса и его, так сказать, содействии полицейским чинам. – Выступающий снова вытер лоб. – Но если неразумное колесо будет наезжать, например, на генералов и губернаторов, что тогда получится? Потому вопрос очень серьёзный, и если любому мерзавцу я могу показать кузькину мать, то что взять с колеса? А потому я пришёл к такому выводу: если колесо на какой-нибудь подлой тележонке-навознице, то и назначение его

подлое. Но если на карете, к примеру генерал-губернатора или там градоначальника, то и назначение его благородное. А то, что кого-то задавит, беспокоиться не следует. Начальство для того и поставлено, чтобы давить. Я всё сказал. – Очумелов вытер пот с лица и, нетвёрдо ступая, прошёл на своё место.

– Ну и хамелеон! – с места воскликнул юноша в студенческом костюме с худым безбровым лицом. Председательствующий зазвенел колокольчиком и сделал замечание:

– Без выкриков и рецензий с мест. Слово предоставляется госпоже Мурашкиной!

– Милостивые государи, я, как вы, конечно, помните, разрешилась от бремени драмой, то есть произведением. Именно меня ударил пресс-папье писатель Павел Васильевич. Сейчас это пресс-папье у нас в семейном музее. Как напоминание, что в некоторые годы я могла разрешиться, причём без летального исхода. Так вот, по поводу колеса скажу. Обязательно, обязательно нужно колесо! Женщины и так довольно крутятся между исполнением своих супружеских обязанностей и настоящей пламенной любовью. Так вот, поверьте мне, имеющей большую жизненную школу, что крутиться между мужем в Москве и любовником в Ницце гораздо приятнее и романтичнее в карете, фэнтоне и уж верх всякого удовольствия – в поезде.

– Глафира Дормидонтовна, в ваши-то сверхпочтенные годы! Не наговаривайте на себя, Христа ради! – взмолился председательствующий и объявил следующего выступающего. Им оказался как раз тот студент с писклявым голосом, который обозвал Очумелова хамелеоном.

– Свобода, равенство, братство! – воскликнул студент фальцетом. – Нет колесу! Оно топчет в нас самое лучшее. Вот намеренсь проезжал мимо станции, с меня слетела шляпа. А на что я другую куплю? Я записал о том факте в жалобной книге. Там есть ещё такая запись: «Никандров – социалист». Так вот я и есть Никандров. Долой колесо! Да здравствует свобода!

К трибуне вышел отставной генерал-майор Булдеев. У него, как и тогда, когда он не смог вспомнить лошадиную фамилию заговаривающего зубы, на голове присутствовала повязка. Бедняга снова страдал зубами. Он начал так:

– Оно, конечно, если смотреть в корень, то там ничего не увидишь, поскольку земля непроницаема для человеческого взгляда. Тем не менее, мы должны сделать далеко идущие выводы вслед за соображением, почему колесо, а не квадрат или не параллелепипед! С одной стороны, как мне кажется, оно быстрее крутится. Но почему оно так стучит, к примеру, на железной дороге? Каким углом?! Следовательно, если колесо похоже на блин или, к примеру, калач, то оно, безусловно, полезно. Если же на пустую консервную банку – абсолютно нет. Таким образом...

Генерал говорил ещё пятьдесят минут. Многие в зале уснули. Председательствующий вдруг уронил голову на стол и всхрапнул так, что «чёртова кукла» вздрогнула и долго ругалась по-английски.

Механик Викентий Экибастузович тоже задремал. В своём новом сне увидел он, что собрание продолжается уже на современном этапе развития общества и выступает сам начальник автобазы товарищ Придирчук.

– Я буду краток, – сказал он, почему-то раскачиваясь. – Если бы не было автобазы, колесо было бы не нужно. Но коли она есть, пусть будет и колесо, и даже маленькие колёсики.

Бурные овации потрясли зал. Все встали и запели: «Ветер за кабиной уносится с пылью». В этом месте автомеханик Колесов Викентий Экибастузович повернулся на правый бок и дальше спал без сновидений.

ЛИШЬ БЫ НЕ ПРОХОДИЛА ЛЮБОВЬ

Вот говорят: водка придумана для того, чтобы кающихся грешников было в разы больше, чем праведников. Но Менделеев тут ни при чём, мне один профессор рассказывал, что хмельные напитки, хлеб и женщины, к примеру, были в любом самом завалящем племени на берегах Нила, Амазонки и наших сибирских рек. Ну были и были. Мало ли что бывает на свете.

У меня знакомый есть; родился на улице Карла Маркса, а политэкономией вообще не владеет. Ни в зуб ногой. Или другой: хамит в автобусе при порядочных гражданах, песни непристой-

ные поёт. Ну и что? Ноя, что ли, обвинять, что он кроме всяких сомнительных тварей на ковчег ещё и сына своего Хама вытащил? Так это когда было? За это время любая дрянь из количества в качество должна бы перейти. За это время любое яблоко, упавшее недалеко от самой дикой яблони, могло бы превратиться в самогон со всеми вытекающими отсюда последствиями. О хлебе мы поговорим отдельно. Слишком большая тема, чтобы обсуждать её походя.

Второе место в списке оружия массового поражения для всех граждан мужского пола, причём от детсадовской кровати и до, скажем так, старческой мудрости, являются женщины. Большей подлости, чем создать красивую женщину, а потом не позволять к ней приближаться на нужное расстояние, мог придумать самый что ни на есть злорадный персонаж, заселившийся нашим сознанием в этот мир. С учётом того, что все женщины по-своему красивы, любовь к ним превосходит по заразности все эпидемии, которые когда-либо сваливались на землю. Сколько рек самых горьких и чистых слёз пролито человечеством, поражённым этим сладким, казалось бы, недугом любви. Нил и Амазонка, могучие реки Сибири и даже милая каждому русскому сердцу Волга периодически выходят из берегов, чтобы освободить землю от выпитого с горя, по причине неразделённой любви, вина. Эпитеты, придуманные для того, чтобы подлизнуться и добровольно умыкнуть любимую в сети совместной жизни, не вмещаются в толковые словари народов. А сколько детских глупостей совершено имеющими высокий чин и высшее образование людьми, поражёнными этим страшным недугом! Мало того, в былые времена из-за дам начинались войны, губящие тысячи ратников, даже краем глаза не видевших, из-за каких губ, глаз, ног или других анатомических прелестей им приходится умирать. Правда, матерям и вдовам погибших воинов внушали, что сыновья и мужья отдали жизнь не из-за какой-то, не к празднику будь сказано, бабы, а за счастье своей родины. Скверное и тёмное было время.

Другое дело сейчас. Целые институты старательно ищут пути к безопасной и выгодной для обеих сторон любви. Добиваясь этой цели, многие допускают гражданские браки, браки по рас-

чёту и другие формы проживания. Конечно, мало-мальски здравомыслящий человек с ехидцей следит за такими метаморфозами отношений, хотя они, несомненно, более практичны и ближе к демократии, чем, к примеру, венчание или регистрация.

Особенно скверно, что наука пошла на поводу чаяний и желаний несознательной части граждан и, вместо того чтобы хоть как-то смягчить урон, наносимый любовью в виде разорванных сердец, утоплений и применением крысиного яда в большом количестве, работает над тем, как можно вообще без неё обойтись. Дети в пробирках по заказанным заранее параметрам ума, длины конечностей и цвета волос якобы помогут человечеству без всяких там цветочков, красивых ухаживаний и нервных потрясений получить конечный продукт. Интересно, а они нас спросили? Может, мы сами хотим участвовать в продолжении рода? Может, мы тем, что любим, отличаемся, простите за непарламентское выражение, от скотины? Может, у той самой любви, которая действительно завоевала статус оружия массового поражения, имеется другая сторона медали и эта сторона, всегда светлая и чистая, возвышает нас, делает добрее и нежнее, чем представители остального животного мира. Может, земля и счастье земное держится на том, что есть женщины, которых мы любим?

Вот идёт одна такая: знает, чертовка, что хороша, что своей «безобразной» красотой стимулирует нарушение заповедей Божьих и бывшего кодекса строителей коммунизма. Все поражающие факторы, мастерски скрывающиеся под разнообразием мастерски подобранных упаковок, действуют бесшумно и беспощадно. Безумная любовь и всё разрушающая ревность способны столкнуть наивного влюблённого в прорубь, и только мысль, что после твоего тонения на суше совершенно без присмотра останутся миллионы бесхозных дам, возможно, спасёт его от рокового шага. Мало того, он ещё пуще будет любить. Женится. Или придёт к готовой жене с повинной головой. И её ругань по поводу оставленных не на месте тапочек не вызовет в нём приступ адекватного ответа. Промолчит! И, словно оправдывая своё терпение, негромко скажет: «Подумаешь! Это у неё возрастное, пройдёт. Лишь бы не проходила любовь».

КОРПОРАТИВ

У нас в исследовательском институте в серые будни, то бишь в рабочие дни, каждый занимается своим делом: женщины приносят сплетни и уносят их отредактированными, в зависимости от должности и личной переносимости тех, кого они касаются. Мужчины обсуждают рыбалку, охоту, футбол, цены на машины и бензин. У нас за плечами десять лет практически мирного существования. Некоторое оживление происходит, когда кто-то из сотрудниц втюрится или залетит. Но годы берут своё, и в последнее время это происходит реже, чем повышение цен. Только праздники оживляют наш коллектив минимум на неделю. Неделя распределяется так: три дня шерстим в шифоньерах и в магазинах: чего надеть? И три дня после праздника обсуждаем, кто и как был одет и кто к кому лип.

Сначала было слово, читаем: «В связи с десятилетием образования нашего коллектива в пятницу работаем до 12.00. Начало корпоратива в 17.00 в ресторане "Мираж". С собой иметь пятьсот рублей».

Несколько слов о ресторане. Вы, возможно, считаете, что в заведении с таким названием блюда и официантки виртуальные, а посетители рассчитываются за жертвоприношение в виде запечённой бараньей грудинки и за балык из осетрины франкорублями. Ничего подобного. Цены в этом ресторане, как, кстати, и уже упомянутые мной официантки, прехорошенькие.

Ах, эти корпоративные праздники такая прелесть! Наконец-то можно показать этой мымре Анжелике из соседнего отдела, какой браслет подарил мне её ухажёр. И посмотреть ей в глаза с чувством превосходства и напускного соболезнования.

– Ой, а это кто к нам пришёл, Маргарита Натовна! Здравствуйте-здравствуйте! Так рада, что Вы всё ещё живы! Как здоровье мужа? Он Вас покинул? Какое счастье! Сейчас, надеюсь, у него прошла ревность к бывшему директору. Что, он умер? Надо же, так рано. Что? Ему было восемьдесят девять лет? Ну, у нас столько не живут. Поздравляю. Это, дорогая Маргарита Натовна, исключительно Ваша заслуга.

Нет, вы посмотрите на наших сотрудниц, все, как школьницы, пришли в одинаковых по фасону и цвету платьях. Якобы последний писк французской моды. Это так им в ларьке на рынке сказал продавец китайского происхождения.

И этот народ восемь часов в день обсуждает, какое у нас противное государство. А Надьке с третьего этажа официантка делает замечание, что в верхней одежде у них не обслуживают. Надька краснеет, но говорит, что это у неё такой вечерний костюм, мехами отделанный, а ни какая не шубка. И что если она его снимет, то вообще останется неглиже. Коллега из планового отдела вслух съязвил, что так бы она выглядела лучше.

Нет, что ни говори, а за последнее время и мы научились одеваться со вкусом. Глядя на этот вкус, мужчины начинают, мягко говоря, фантазировать.

Эти фантазии обволакивают их своим лукавым туманом, заставляют забывать о кровяном давлении и рядом стоящей на страже нравственности жене, и, только получив довольно сильный удар под то самое ребро, в которое уже наладился бес, они начинают понимать, на каком основании ресторан прозван столь загадочно – «Мираж».

Гости при встрече обнимаются, а некоторые и целуются даже, как будто век не видались или сегодня Прощёное воскресенье.

О-о-о! Вы только посмотрите! Новенькая секретарша. Ничего своего, кроме ног. Всё остальное, как и накладные ресницы. Ноги так себе, но показывает она их с таким усердием, с каким, наверное, молодой художник открывает своё первое полотно с интригующим названием «Страсть любви». А юбочка-то, юбочка, господи! Впечатлительный Пушкин, воскликнувший когда-то: «И край одежды целовать!» – при виде этого края на мини-юбке нашей новенькой, всего скорее впал бы в кому от переизбытка фантазии.

Просят рассаживаться. Директор вилкой стучит о фужер. Говорить будет недолго. Для самокритики не время и не место. Хвалиться не модно.

А потому коротенько и со вкусом: «Будем!» И все, даже те, кому запретили врачи и жёны, выпьют, и сразу действительно будет как-то проще и веселее.

Потом слово возьмёт заместитель и не мудрствуя лукаво произнесёт: «За наш институт и его мудрое руководство, два длинных, один короткий, с переборами и с переливами "Ура-а! Ура-а! Ура!"» Все подхватят. И только завскладом, знающий, что пить со всеми ему недостаточно, а потому, заранее опростав припасённую маленькую, проворчит: «Сплошной подхалимаж». На него шикнут, но он и без того, спохватившись, что вякнул лишнее, виновато замолчит.

Начальник финотдела, которую никто не смел называть иначе, как Елизавета Петровна, поднимая бокал, пыталась объяснить присутствующим, что ей будет приятно, если сослуживцы будут называть её просто Лиза. Забегая вперёд, скажу: никто не клюнул на ухищрения начальницы. Сегодня Лиза, а потом: «Так это вы на празднике панибратство позволили. Ну-ну, буду знать, кто у нас слабое звено».

Но это будет в понедельник, а сегодня начальница казалась такой ласковой душкой, что хотелось впрямь простить ей все вольные и невольные истерики в рабочее время.

Елизавета Петровна терпеливо выдержала паузу, при этом в зеленых глазах её блеснула слезинка. И вдруг голосом, в котором прозвенела дамаская сталь, с силой рубанула в притихший зал:

– Я хочу выпить за нашу страну, которая вот уж десять лет поит и кормит нас своими соками. И пусть она всегда будет такой богатой, чтобы напоминать нам о возвращении ежегодных пяти миллионов на наше содержание ей было просто неловко.

Дружно выпили.

Потом, как всегда, пили за русских дам, да так прилежно, что присутствующие женщины и впрямь поверили и в свою значимость, и в свою сокрушительную неотразимость. Никто не посмел разуверять их.

Затем мужчины вышли покурить. После перерыва первой дали слово Екатерине Андреевне, главному бухгалтеру. Говорят, готовя свою голову к празднику, она завивает двести сорок четыре кудряшки. Мужики из проектного бюро даже поспорили с отделом механизации, что их меньше. Кстати, на шесть литров «Амаретто». Но до сих пор не могут произвести учёт по той причине, что на работе она не может им этого позволить, а дома у

бухгалтерши всегда находился муж, этот цербер её нравственности, этот белый Отелло, который, прежде чем удавить Екатерину Андреевну, вынашивал мысль удавить всех мужиков не только нашего института, но и близлежащих организаций. А потому «Амаретто» томился в сейфе рабочкома нетронутым.

Екатерина Андреевна отличалась выдающейся способностью так завершать годовую деятельность НИИ, что действия сотрудников в течение отчётного года никак не сказывались на её результатах. Всё зависело от её настроения и расположения к директору. Надо ли говорить, что уже с ноября месяца всё руководство института не имело права портить настроение и беспокоить бухгалтера каверзными вопросами.

Элегантно встряхнув кудряшками, Екатерина Андреевна начала речь издалека.

– Что хотелось бы мне сказать, друзья мои. Десять лет мы вместе. Десять лет даже я не могу понять, что мы производим, и сужу о нашей деятельности только по реестру затрат. Может, это и называют нанотехнологией. Пусть будет так. Главное, что мы есть и зарплату нам платят регулярно. А потому этот тост за вас и мудрую экономическую политику, не позволяющую гражданам нашей страны остаться без работы и куска хлеба со сливочным маслом. Все потянулись чокаться, а кто-то даже захлопал, но Екатерина Андреевна приподняла руку и, слегка качнув почти двумя с половиной сотнями кудряшек, мягко сказала: «Не надо аплодисментов».

Все выпили, и всем захотелось что-то сказать о дружбе, о солидарности и о любви к выбранному делу. По организмам сотрудников разливался тёплый поток благодарности, и появилось желание спеть. И никто не хотел вспоминать, что, когда пробный экземпляр изобретения института был показан игрокам из передачи «Своя игра», даже умница Вассерман не мог определить, что это и как этот полёт буйной фантазии сотрудников можно использовать в народном хозяйстве. Пришлось объявить, что изобретение секретное. А за сохранность гостайны изобретатели дали подписку.

Всё было наполнено радостью и любовью, и даже Иван Иванович помирился с Иваном Никифоровичем, и требовали не-

медленно наполнить водой второй зал ресторана, чтобы пить там чай из самовара, стоящего на плотике.

Некоторые сотрудники как-то по-особому стали посматривать на сотрудниц не своего отдела. Принесли баян. Пели. Плясали до поту. Танцевали латиноамериканские танцы, и что удивительно: у всех получалось.

Но потом приехал муж Екатерины Андреевны, этот Цербер её нравственности, и бросился на заместителя директора, забывшего, что бухгалтер не его жена.

Затем – о боже! – он забросил грозу учётного отдела, этот кладезь финансовых изысков и возможностей, как простую смертную бабу, на плечо, и в мгновенно установившейся тишине все услышали прощальный звон кудряшек уносимой из зала женщины. Короче, всё испортилось. Правда, постепенно разобрались с принадлежностью жён и свободных от этой участи женщин, исполнили душевно «Подмосковные вечера», а потом прощались, плача и целуясь даже с теми, кого в рабочей обстановке с трудом переносили. Вызвали такси и разъехались в твёрдой уверенности, что корпоратив удался.

От автора

Пусть никто не думает, что я осуждаю этих людей. Ни в коем случае. Я желаю им счастья. И не только в редкие вечера праздников.

БЕЗ ЛЮБВИ

Ничего бы не было без любви: ни звёзд, подмигивающих из бездонности ночного неба, ни фонарей, освещающих улицу, ни вот этих возвращающихся из кино людей, даже меня не было бы. Ужас тихий. Может, хоть что-то всё-таки существовало? Да, конечно, но потому, что сначала была любовь. И она бессмертна, даже когда войны и землетрясения.

Не могу представить жизнь без любви. Если её нет, то зачем, к примеру, парикмахерская? Для кого причёску укладывать? Зачем ногти отращивать, если их не на ком применить. Тоска зелёная.

Кстати, почему зелёная? Трава – понятно, чтобы её коровы видели, а тоска? Да чего я себя вопросами заморачиваю?

У меня знакомая появилась. Привороты там, отвороты, свинью какую подложить или не подкладывать, это по её части. Целительницей себя называет.

Недавно ехидно так шепчет: «А твой муж, говорит, вчера у соседки по пятому этажу ночевал. Но хлопоты твои бесполезны будут. Любовь у них». Я сразу-то и огорчилась. Думаю, вот сволочь какая, этот муж! Ещё не успел появиться, а уж на пятый этаж в нашем одноэтажном бараке ходит. Посмотрела на эту целительницу так, что она всякий дар потеряла. Немедленно смылась в неизвестном направлении. Видимо, туда, куда я её мысленно послала. Далеко, правда, получилось, но зато всегда есть свободные места.

Был у меня один. На вид очень даже. Цветы по первости дарил, из гербария. В ботаническом музее работал. Но не сложилось. Музей в другой город перевели. «Ромашки спрятались. Пошли лютики». А так ничего мужичок был. Смирный. Часами мог сидеть и молчать. Посуду мыл, иногда ковры пылесосил. Но музей перевели и любовь его тоже. Письма писал целую неделю. Да, не нами сказано: «Любовь в письме что обед по телефону».

А ведь бывало, конечно, влюбишься и вообразишь из себя чёрт знает кого. Жену например. И уж планы начинаешь строить, на всё смотришь с двойными стандартами. Уже радуешься, что не надо покупать эти килограммы кремов с омолаживающим эффектом, косметику, чтоб тобой не только археологи интересовались. Не надо будет, приходя на вечеринку, изображать из себя ангела и вавилонскую блудницу одновременно. Не надо будет напяливать на себя это дурацкое платье с двойным декольте. Спереди чтоб не мешало дышать красивой полной грудью, сзади – чтоб ангельским крыльям, если надумают расти, была возможность расправиться.

Вообще-то, это не платье, а рассадник вольнодумства. Когда я в нём, даже убелённые сединой старцы смотрели на меня как на пирожное. Мало того, некоторые мечтали попробовать. Ох уж эти мужики! Воображают, что мы красимся и наряжаемся для них. А мы делаем это для любви. Они тут ни при чём, они просто её переносчики.

Женщине нужен паж, слуга то есть. Если у тебя есть паж, значит, ты королева и можешь крутить этим пажом как попало. А это так приятно. Он будет обещать тебе звезду. Все они почему-то обещают звёзды. Дурачки, на кой они нам? Дай Бог, чтобы по окончании медового месяца хотя бы хлеб и молоко из магазина приносил.

Пойду я спать. Потому что завтра к восьми на работу, потом в магазин, потом домой к плите – сварганить что-нибудь на ужин. Потом звонок от подруги: она опять настроена разводиться. Потому что этот гад, муж то есть, опять забыл дату их свадьбы. И ничего не подарил. Вот глупая, каждый год она требует от мужа невозможного и каждый год хочет по этому поводу разводиться. Успокаиваю: плохая память не повод для развода. «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Обычно на этом романс заканчивается. Начинаются будни. Кладу трубку, и баиньки.

Почему, когда ложишься, кровать холодная? Почему так холодно и беспросветно жить только для себя?

Раньше хоть по телевизору можно было увидеть счастливых людей. Сейчас они и там перевелись. Палят из всех видов оружия. И когда патроны кончатся? Не настрелялось ещё человечество? Попытаться быстрее уснуть, может быть, хоть во сне я встречу своего пажа.

И сон сбудется. Завтра он подойдёт ко мне на автобусной остановке и, как старой знакомой, скажет: «Здравствуй! Пойдём вместе».

Он будет сильный и нежный одновременно. Он поможет мне победить этого Змея Горыныча, который гонит меня к восьми на работу, потом на обед, потом в магазин, к плите, к телевизору с надуманным чужим горем, к холодной кровати. И чтобы обязательно была любовь. Вечная. Длинною в жизнь. Потому что кто-то, а я точно знаю, что ничего бы не было без любви. А если и было, то зачем?

ПРИГЛАШЕНИЕ НА СВАДЬБУ

Обычно старики с буйным полётом фантазии и с желанием за счёт молодости приобретённой хохотушки продлить свою пол-

ноценность женятся на молодых. А почему бы и нет. Зато будет, чем похвастаться перед жаждущими сенсаций журналистами и покрасоваться перед одноклассниками, которые всю сознательную жизнь проживают с одной-единственной женой. Она уж пожилая, но что интересно – надёжна, как автомат Калашникова, и с такой же всё сокрушающей реакцией на любые поползновения к её законной подвижности. Не нами сказано: «Выстрел – это ненависть на расстоянии».

Со времён царя Салтана особенно молодые, а потому очень претензионные дамочки начинают этакий словесный парад хвастовства своими незаурядными, как им кажется, качествами, едва прослышав об освобождении богатого Буратино. Брутальные светские волчицы ниже своего достоинства считают встретиться где-либо в светлице и, упражняясь в ремёслах, обсуждать свои достоинства. Им подавай светский шаш или корпоратив, где бы они могли, накачиваясь даровым вином, вспоминать проклятые учебные заведения, где вопреки их желаниям учили какой ни на есть профессии. Там они и узнают, что где-то освободился старичок с состоянием и с желанием приобретения не только сиделки, но и грелки во весь рост. Из всего данного ему в школе он запомнил только то, что таким образом оживляли Тамерлана. И ждал, когда будет можно проверить это на себе.

Итак, некий старичок, изредка забывающий, что его величают Клавдий Цесаревич, для ускорения процесса приобретения создания, способного оттенить его явную дряхлость, нанимает шпигов и шпикух с единственной целью – подобрать подходящую для этого кандидатуру.

Словно цепные псы, обретшие свободу, бросаются в разные стороны служивые люди. Прослушивают, промеривают, пробуют на зуб и другие органы чувств подходящих конкурсанток и делают соответствующие выводы. Естественно, они посещают современные рауты и просто дискотеки, внедряются в группу длинноногих девиц, жующих пиво или водку, и слушают их разговор.

В пушкинские времена этот разговор начинался так:

«Кабы я была царица, – говорит одна сестрица, я б для батюшки царя...» И пошло-поехало. Кто во что горазд. В наше время

хващают больше длиной ног, объёмом груди или соответствием талии принятым параметрам. Понять можно. Больше нечем. Но вот одна вспомнила:

– Я в городе Архангельске ПТУ на швею-мотористку кончала. А потому как у нас зимой холода наблюдаются, да и мёрзнет этот Клавдий Цесаревич даже летом, я для него самая что ни на есть лучшая партия. Для полного его счастья сошью телогрейку. Их в котласской тюрьме даже мужики шили, а я чем их хуже? Так что меня выберет. Вот увидите. К тому же я бюстом вылитая Семенович.

Вторая, брюнетка по обличью, возражает: «Зачем нам твою одежду? Сейчас в магазине даже трусы непромокаемые можно купить. Вот моя профессия самая незаменимая и в хозяйстве нужная. Вот встанет мой дедуля, тапки оденет и куда быстрее направится?

– В туалет, надо понимать. Ну и зачем ты ему там? Это ехидничает та, что из себя Семенович корчит.

А брюнетка отвечает:

– Ну и дура ты, Дашка. Никакого у тебя полёта мысли нет. На кухню, на кухню или, там, в гостиную мой пошляндает. А там я его встречаю. В халатике, с рюмочкой сладкой наливочки, да с ягодниками, да луковиками, да жульен с грибочками подам. Недаром кулинарный техникум кончала. Сейчас уж и техникума-то нет, так что из конкурентов у меня один Хазанов остался. Так что я на первом месте буду.

– Ой, Польша, не смей меня. Твои наливки и жульены с мухоморами даже самый безмозглый старик пить и есть не осмелится. А негативные явления от Дашкиной фуфайки и твоих угощений только я могу устранить. Недаром медицинское кончала. Вот увидите: меня выберет.

Расшумелись дамы.

А тут ещё одна к ним подсаживается. Увесистая такая, уверенная, и говорит:

– Я депутат от правящей партии, а потому моим будет. Я-то помню, как он с нашего позволения воровал. Так что если меня не изберёт, достанется вам только бречное тело в сухом остатке. Кумекайте и не сопротивляйтесь.

Приуныли швея, кулинар и медицинский работник. Да хошь бы и учитель или там слесарь-сантехник и те бы приуныли.

В пылу словесной перепалки и не заметили, как вошла тонюсенькая и личиком бледная девица. Присела, послушала, о чём сыр-бор в честной компании разгорелся, а потом так тихонечко и говорит: «Вы, девочки, меня извините, но я только что от Клавдия Цесаревича к вам приехала, чтобы счастьем своим поделиться.

Представляете: я сама из балетных и ни варить, а уж тем более шить и ставить инъекции и клизмы сроду не научена была. Моё дело – ногами и руками чувства изображать. Я и изобразила перед ним и книксен, и канкан (ну вы знаете, это когда ноги вверх), как Волочкова к примеру. А потом на шпагат села, как раз к нему на колени. Как он ожил! Тут же предложение сделал и наследство отписал. Так что поздравьте меня. Свадьбу я заказала на завтра. Тут, сами понимаете, тянуть опасно. Мало ли чего? Так что приходите. Приглашаю.

Нет, вы представляете, какая сила у любви!

ЛЕТАРГИЯ

В году этак 1987-м, во времена невыносимого разгула обществ поголовной трезвости и первых ростков демократии, зубной врач Александр Петрович Дранкин вышел из ресторана «Великий Устюг», зашёл в парк, сел на скамеечку и уснул. Честные граждане проходили мимо, наш доблестный стоматолог проредил зубные ряды доброй половине из них. Когда же ночь нахально послала день на заслуженный отдых, дотошный милиционер Петя Нечипуренко увидел в спящем Дранкине нарушение общественного порядка и вызвал дежурную машину. К несчастью, от Дранкина попахивало, и его определили в вытрезвитель.

Надо сказать, что был Дранкин ярым холостяком и на замечания медбратьев неизменно парировал: «Лучше умереть на баррикадах, чем жениться на хохотушке». Баррикады в те благодсловенные времена были ещё не в моде, а поэтому Дранкин жил себе поживал, втайне надеясь, что ветры политических перемен надуют и ему что-нибудь стоящее.

Друзей у него тоже не было, потому что, как только они появлялись, сразу начинали ходить в гости, иногда одни, иногда с женщинами, долго и нудно распространялись о способах спасения Руси, всё съедали, выпивали и, прощаясь, шёпотом просили вырвать зубы у тётки и у всех жёниных родственников.

К несчастью, ночь отдыха в вытрезвителе совпадала с первым днём отпуска, и назавтра Дранкина никто не хватился. Кому нужен человек в отпуске?

В учреждении ждали, когда Дранкин проснётся и рассчитается за услуги, но тот продолжал спать. Боясь расходов на похороны, работники вытрезвителя вызвали скорую помощь, и молоденькая фельдшерка, сама себе удивляясь, поставила точный диагноз: «Летаргия».

Когда Александра Петровича привезли в больницу, навещали его, пытались разбудить и сплетничали о том, что сон Дранкина есть хитрый манёвр. Что как только пройдут эти паршивые реформы и медицина делается платной, он наверняка проснётся, получит больничные и отпускные и будет себе рвать зубы в обновлённой России за деньги.

Весной 1992 года Дранкин проснулся.

Едва протерев глаза, он командирским голосом потребовал свои ведомости по зарплате и календарь. Вообще-то Дранкин, человек тихий и даже нудный, после летаргии стал проявлять себя как чиновник налоговой полиции. Это всех веселило, но, когда Дранкин сделал замечание главному врачу ЦРБ по поводу курения в кабинете, все вдруг поверили, что, видимо, во время сна его перевели в министерство, и стали прислуживать наперегонки: «Добрый день, Александр Петрович! Как здоровье, Александр Петрович?» И всё с улыбочкой и реверансом. Однако нужные бумаги ему так и не принесли, но, чтоб хоть как-то загладить вину, принесли ведомость на аванс, где в одной графе со своей фамилией Дранкин увидел шестизначную цифру и обомлел: «Это мне? Аванс? Сто шестьдесят тысяч?!» Он дотронулся до одетой в белое кассирши и спросил: «Я не сплю?» «Нет, вы не спите. Распишитесь и получите».

Дранкин дрожащей рукой расписался, схватил деньги, дважды пересчитал их и, оглядываясь, сунул под подушку.

Назавтра его выписали. Мы выходили вместе. Александр Петрович, возбуждённо махая руками, почти кричал: «Слушай, рванём в ресторан, а?! Кутнём! Обмоем первую после летаргии получку».

День был скучный, дождливый. Я согласился. Мы зашли в ресторан, и Дранкин со словами «гулять так гулять» заказал две бутылки пива и по пятьдесят грамм водки. На закуску он взял два луковых салата. Заметил вслух, протирая вилку салфеткой: «Не обжираться же мы сюда пришли».

Ожидая, пока принесут, Дранкин начал рассказывать мучившую его тайну. Оказывается, в летаргическом сне он был главным врачом земской больницы и женился на дочке самого генерал-губернатора. На деньги тестя он скупил все зубные кресла в губернии, нанял врачей и занимался по совместительству исключительно зубопротезным бизнесом, заменяя золотые коронки чищеной медью, а импортные материалы – отечественным цементом.

Однажды молодой врач удалил золотую коронку и заменил её, как и полагалось, на чищеную медь троюродной сестре генерал-губернатора. То ли медь оказалась плоха, то ли женщина слишком ядовита, но коронка потускнела, а наутро на зубах появился сине-зелёный налёт медного купороса. Перед уходом на работу дама, повертевшись у зеркала, оскалила зубы. Ноги её подкосились, а накрашенный рот издал такой вопль, что вызванные жильцами сотрудники полиции приравняли его разрушающие последствия к взрыву пятисот граммов пороха. К счастью, никто не пострадал. Вылетевший зуб разбил зеркало и был увезён на экспертизу.

Система открылась. Шум, скандал. И когда за спинами следователей Дранкин явственно увидел квадратики тюремной решётки, то проснулся от ужаса.

Мы уже полтора часа тянули маленькими глоточками пиво, а Дранкин всё говорил и говорил.

Наконец белокурая официантка Элла положила на наш стол серенькую бумажку-счёт. Я взял её. В итоге стояла сумма 30 тысяч рублей. Дранкин взял счёт, посмотрел в него и с криком «Грабёж!» шумно хватанул воздуха и брякнулся под стол.

Вызвали скорую. Мои опасения подтвердились. Мне пришлось оплачивать счёт, так как Дранкин снова уснул.

Он и сейчас спит. Возможно, с той дочкой генерал-губернатора, если его, конечно, не посадили за мошенничество.

Бедняга так и не узнал, что тридцать тысяч его кровных денег равны всего-навсего тридцати рублям тех, при которых в первый раз его настигла летаргия.

БЕДА

(О странностях любви)

На первом этаже поселенческой администрации, в комнатке, где едва разместились стол и два стула, сидит участковый. Он молод и хорош собой. Из-под фуражки выбивается казачий чуб цвета воронового крыла. Чёрные глаза под роскошными, почти сросшимися бровями смотрят на сидящую напротив довольно пожилую женщину строго и укоризненно.

– Что у вас, Глафира Прокопьевна? Опять с мужем нелады?

– С ним, окаянным. Разве я бы из-за кого другого пошла?

Женщина явно нервничала. Руки её, лежащие на коленях, постоянно гладили цветастую юбку.

– Ну и чего он опять отчебучил? Ты ко мне только в этом году пятый раз с жалобами приходишь.

– Да ведь как не приходиться, коли мер не принимаете!

– Так что опять?

– Пьёт, зараза такой, кажинной день пьяной.

– Хорошо. Разберёмся.

– Чего уж тут хорошего. Пьяный дерётся.

– О, за это он и загреметь может.

– Так и это бы ладно. Ещё за юбками чужими охоч.

– Ну, Прокопьевна, за это статьи как бы и нет. Но пиши заявление. Участковый достал из стола чистый лист бумаги, ручку и подвинул их к женщине.

– А чего писать?

– Да ты только что говорила, что муж у тебя пьёт!

– Пьёт, – утвердительно кивнула головой посетительница.

– Бьёт?

– Бьёт. Как же не бить, если пьяный?!

– За чужими женщинами, так сказать, ухаживает?

– Как же не ухаживает-то. Тоньку-пекариху чуть в тесте не уходил. Крышка у дежи-то старая была*. А они такие здоровые оба, вот и лопнула.

Участковый сдвинул фуражку ближе к бровям и чуть не прыснул от смеха, представив ситуацию.

– В общем, пиши заявление, Прокопьевна, и я его посажу.

– Ничего себе «посажу»! А кто картошку копать будет? Хочешь, чтобы под снег ушла? Ты лучше его построжи, построжи и попугай.

– Построжи, попугай. Пуганый он у тебя. Пиши заявление.

– Дак чего писать-то?

– Снова-здорово. Он у тебя пьёт?

– Ох, пьёт. Куда и лезет.

– Бьёт?

– Бьёт, а трезвый извиняется.

– За женщинами ухлёстывает?

– Сама не видела. Про Тоньку-пекариху бабы сказывали. Поговори ты с ним, мил человек.

Участковый занервничал. По существу, он мог выставить жалобницу за дверь, поскольку заявление она вряд ли напишет. Но врезались в память слова майора, которого неделю назад провожали на пенсию.

– Нам, – сказал уже старенький майор перед строем, – доверены не только погоны и оружие, а порой и судьбы человеческие. Помните, ребята: закон – меч. Ваша душа – щит для невинных. Вторым пользуетесь чаще.

Участковый предложил женщине:

– Давай так. Ты заявление всё-таки напиши, а я пока ему хода не дам.

– Как это «не дам»? – всполошилась женщина.

– Он пьёт, меня бьёт. С Тонькой опять же в дежу упал. Пришёл домой, как лешак, весь в тесте. Наврал, что муку в дождь в

---

* Дежа – большая деревянная ёмкость для замешивания теста.

сельповскую магазиёу* выгружал. А никакой муки в тот вечер не привозили.

– Тогда я его застрелю, – как-то устало произнёс милиционер и потянулся к кобуре, чтобы подтвердить серьёзность намерений.

– Нет! – заполошно вскрикнула женщина. – Чего его стрелять? Пусть сначала дома всё приделает, а то крыша вон потекла, корову сдать надо. Давно хотела, да как сдашь, если он с похмелья три литра молока выпивает. Огород вон повалился. Пусть всё приделает. А ты его покарауль, мил человек. Он ведь так-то работной.

Участковый выскочил из-за стола, погрозил посетительнице пальцем и выдохнул:

– Ну, знаешь, Прокопьевна, я твоего мужика караулить не нанимался. Всё. У меня кража нераскрытая висит. Некогда мне его караулить.

– Да ты не ругайся, сынок. Я ведь тебе говорила, что он у меня пьёт, дерётся. Опять же с Тонькой в дежу упал. Думаешь, мне не обидно?

– Так я-то что могу без твоего заявления сделать? – Милиционер бросил на стол фуражку, потом снова схватил её и, выскакивая из кабинета, крикнул: – С кражей разберусь и всё равно застрелю твоего мужика. Пусть пока картошку копает.

Женщина вышла вслед и, пристально посмотрев вслед удаляющемуся милиционерскому мотоциклу, погрозила поднятым кулачком и выкрикнула:

– Я тебе посажу, я тебе застрелю! Все пьют, а моему мужику так уж и выпить нельзя!

ОБИДА

Лежу иногда в ванне – и обидно. Тепло. Сыро. В спальне – стенка за три тысячи, в зале – видик за пятьсот баксов, на кухне – жена на семь пудов, а всё равно обидно: сосед по лестничной площадке на десятку больше меня получает. Нет, как зовут – не

---

* Магазиёу – склад, срубленный на стойках.

знаю, где работает – не знаю, а то, что на десятку больше – знаю точно. Мне Митька-бомж признался как-то, что сосед с получки ежемесячно ему десятку отстёгивает.

Значит, больше меня получает. Я же не отстёгиваю. А он десятку?! Обидно!

Недавно у него квартиру обчистили. Я видел, как унитаз и ванну выносили. Но думаю, чего шуметь, чего милицию беспокоить. Тем более что он на десятку больше меня получает.

На душе радостно стало, хорошо так. Жену поцеловал в приливе чувств – впервые за двадцать лет после медового месяца.

Ну, думаю, поживу спокойно. Только не выгорело. В обед слышу: грохочет что-то. Выглянул – батюшки, Царица Небесная! Оказывается, соседу, как пострадавшему, на работе новую обстановку купили. И что самое обидное – унитаз голубой. Нет, вы подумайте! У меня белый. А у него голубой. Да ещё на десятку больше меня получает.

Вечером опять грохот. Смотрю, соседу украденную обстановку четыре бритых бугая обратно прут. Спрашиваю: «Ребята, вы с ума сошли? Зачем?»

Один жвачку сплюнул и говорит:

– Чёрт его знает. Пахан осмотрел эту обстановку, как заорёт: «Вы бедного человека ограбили! За то, что он живёт при такой обстановке, ему доплачивать надо. Всё вернуть! Извиниться и отдать ему тысячу долларов отступных, а то ещё посадит из-за этого хламья!» Мы люди маленькие.

Меня кондрашкахватила. Прямо у двери. Жена скорую вызвала, а я головой об пол бьюсь. Мужик со скорой приоткрыл пальцами мой правый глаз и со словами «это неизлечимо» ушёл к машине.

Встал я, выругал жену за то, что, когда я головой об пол колотился, ничего не подстелила.

Пошёл к соседу. Так и так, говорю, с тебя пятьсот баксов.

Он: – За что? И почему пятьсот?

Я: – Дурачком не прикидывайся. Двести пятьдесят за то, что я в милицию не позвонил, когда тебя чистили. Позвонил бы, и не было у тебя двух обстановок, да ещё с голубым унитазом. И тысячи баксов не было бы.

Он: – Ну, допустим, не было бы. Я и на белом унитазах вполне комфортно сидел. А за что ещё двести пятьдесят?

Я: – Не надо, – говорю, – не притворяйся сиротой казанской. Ты чего, не уловил, как я радовался, когда тебя чистили? Жену поцеловал впервые за двадцать лет совместной жизни. И всё прахом.

Сосед сделал вид, что согласился.

– Подожди, – говорит, – только собаку отвяжу. Тебя услышала, так книжный шкаф от ярости по залу таскает. Опрокинет ещё, стекла не оберёшься. Подожди. Собачка – зверь. Овчарка кавказская. Мёртвая хватка. Куда ты?

Выскочил я как ошпаренный, и пришла мне в голову мысль: «А не нанять ли кого, чтобы мою квартиру обчистили?»

Ох, я уж тогда бы своё взял! Я бы эти месткомы-исполкомы, райсоюзы, профсоюзы десять лет в чёрном теле держал. Не веришь? Не верь. Но когда я в восемьдесят четвёртом по пьяному делу ногу свихнул, я так за них взялся, что они мне не только мотоколяску, так и знак «Отличник социалистического соревнования» под оркестр вручили. Да и куда им было деться? Я такую бурную деятельность развернул! Письма в восемнадцать инстанций написал. Жёнам главных начальников сорок четыре анонимки состряпал. Мне их знакомый журналист за литру самопалу на машинке отстукал. Видел бы ты, какую гадость я там наворотил, журналиста три дня рвало, а машинку пришлось везти в ремонт. Заклинило.

Но зато что потом было! Военные действия в мирное время! Особенно избалованные ревностью жёны ураганом врывались в приёмные, размазывали импортную косметику по лицам испуганных секретарш, громили счётную и пишущую технику, а одна в ярости сорвала с кабелей японский компьютер и вышвырнула его в нераскрытое окно.

Срочно собрали симпозиум. И вот она – мотоколяска, а вот знак. Я его только по праздникам надеваю. Заслужил. Экую батию выиграл.

На соседа обидно. Вот и собаку ему друзья подарили. Меня всякий раз облает. Нет, ко всем ласковая, а как меня увидит – задыхается в ярости. Яду купил, а на соседа жалобу сочиняю. Обидно мне на него: на целую десятку больше меня получает,

унитаз голубой, тысяча долларов, собака. Ну просто зло берёт. Ведь надо же, какой человек уродился: не пьёт, не курит, регулярно на работу ходит, в общество книголюбов вступил и ещё больше меня на десятку получает. Куда правительство смотрит? Ведь если все такими будут, то тюрьмы и вытрезвители без работы останутся. А спиртное и сигареты кто уничтожать будет? На что акцизы поднимать? Ведь это, считай, экономическая трагедия!

И всё из-за какого-то соседа. И уж какую только пакость я ему не устраивал! Как-то в гости пригласил, слабительное со снотворным в коньяк подмешал. Ну, думаю, неожиданный эффект получится. И получился.

Дворник Лёха с соседнего квартала заскочил, наглый такой: наливает себе стакан моего коктейля, хват! Через десять минут улетел под стол и уснул. Сутки! Сутки, не просыпаясь, все дела под столом делал.

Жена как только меня не обозвала и в соседний город к дочке уехала. А мне что делать? Пришлось в родные пенаты, в деревню ехать. Подкатил. Только за огород перелез, смотрю – бабы стоят, между собой что-то калякают, в мою сторону посматривают. Ну, думаю, рады городскому человеку, встречают. Только вдруг одна выходит с вилами наперевес и глаголет: «Ты, Витька, с детства поросёнком был и, надо понимать, в ба-а-альшую свинью вырос! Убирайся благословесь, а то приколю невзначай. И без тебя тошно».

Ретировался я обратно за огород, ещё жердь сломал на память.

Вернулся в город. В квартиру захожу. Тишина. Записка на столе. Читаю. Жена сбежала совсем. Забрала почти всё, кроме Лёхиного запаха. Упал я в кресло и вдруг понял, что сбежало семь пудов хорошего человека. Откормил на свою голову. Вот зараза! А не её ли ради я всё, что худо лежало, домой пёр? Пишет: «Брезгую жить с вором». Двадцать лет жила, а сейчас брезговать стала. Когда взял её, пуда два с четвертью весила, а на ворованном сырье моментально пять пудов прирастила да двух дочерей без убытка упитанности родила. И вот пожалуйста вместо благодарности! Обидно. Да ещё этот сосед на десятку больше меня получает. Тоже обидно.

ШПИОНСКИЕ БУДНИ

Доклад агента-008 с заседания депутатской группы

Присутствует – 20 депутатов. Отсутствует – 40.

Заседали зря. Решений принимать не имели права. Заслуживает внимания речь одного депутата, видимо недовольного зарплатой.

Информация к размышлению об ораторе: «Не состоял, не участвовал, не воровал, не женат, детей на стороне не имеет. Нигде не состоит, ни к кому не примкнул. Не пьёт в одиночку, не курит в подъезде, ест исключительно овсянку, чему научился у Шерлока Холмса, полагая, что от неё умнеют. Отношение к женщинам – терпеливое. Отношение к оппозиции саркастическое. Смеётся над своими неудачами, доброжелателен к окружающим и не берёт взятки».

Вывод: налицо серьёзные отклонения от нормы.

Заключение агента: от человека с таким уровнем свободы можно ожидать любые неприятности.

Сканированная речь депутата.

Красная нить: «И по всему земному шару народ измученный встаёт».

Всё у нас так-то хорошо. Чинно-важно, как говорил один герой писателя Зощенко, будучи в нетрезвом состоянии. Все при делах. Правительство правит, президент исполняет, воры воруют, артисты пляшут и поют, все женщины, мягко говоря, стер... все мужики, твёрдо говоря, сво... Космонавты летают, солнце светит, а народ измученный встаёт. Как при царе Горохе, при крепостном строе, при империалистах, при наличии права избирать и при отсутствии всяких прав, причём днём и ночью встаёт.

Как видите, всё нормально, но тревожит нервы один архиважный вопрос: если герой Зощенко говорит, правительство правит, президент исполняет, все кому положено воруют, артисты на сцене, а женщины и мужики по определению находятся всё в том же неизменном состоянии, то почему народ встать не может? Тем более что законом это не запрещено и бывает исторически обосновано.

Нет, не совсем чтобы распрямиться, но так привстать, чтобы увидеть, кто и чем занимается. И с «Марсельезой», конечно, нель-

зя. Кто работать будет, если все почтут за правило с утра песни французские петь и окна бить? И так расплодилось бездельников: знахари всякие, политологи, советники и предсказатели.

Нет, пусть будут, но если не вылечил, не предусмотрел, не то посоветовал и не случился конец света, попроси отставку без содержания. И не корчи из себя политическую оппозицию. В оппозиции, понятно, хорошо. Обязанности те же, что и на прежней работе: критикуй, призывай духов из чужого черепа, советуй и предсказывай. Главное – никакой ответственности! Просто обещавай: такую жизнь! (Блатное выражение времён «Мурки». *Примечание агента.*) Работать можно будет как у нас, а получать как у них. Главное – поддержите нашу платформу, и будет вам счастье.

Понятно, что всё должно быть под контролем, а то некоторым дай волю – разнесут всё к чертям собачьим и пошлют туда, где, в отличие от наших государственных апартаментов, всегда имеются свободные места. А это уж лишка. Так далеко зайти можно, а нам главное – изменить направление денежного потока, остальное пусть будет так, как сейчас.

И пусть кому нравится произносит: «чинно-благородно», правительство пусть правит, Дума думает, президент добавляет материнский капитал, воры воруют, а измученный всеобщими праздникам народ встаёт в очередь за венесуэльской говядиной. Космонавты пусть продолжают летать, а традиционные эпитеты «сво...» к работникам и «стер...» к работницам позволят нашим иностранным партнёрам убедиться в несокрушимости наших традиций.

(*Примечание агента.* Здесь выступающий попил воды, почему-то поморщился и, пригладив волосы, продолжил).

– Говорят, что общество развивается по спирали. Так вот, есть у меня предчувствие, что, пока мы, проедаая созданное, почиваем на лаврах, путаемся с приватизацией, болтаем о модернизации, пытаемся изобрести наномолоко, эта спираль снова упрётся в семнадцатый год. И этот народ в «избытке благодарности» встанет наконец и отправит нас, обещающих общество будущей справедливости (не буду нарушать парламентский этикет), к чёртовой матери. Не зная, какие условия и зарплаты нас там ждут, лично я этого не хочу. У меня всё.

(Примечание агента). Зал молчал. При упоминании о семнадцатом и незнакомой матери многие почувствовали несварение желудка. Первыми, не распорядившись насчёт гимна и в нарушение правил приличия, убежали члены президиума. В зале же остались лишь депутаты от рабочих и крестьянских организаций. Да матрос Железняк. Уже постаревший и соблюдающий жёсткую диету, он давно не боится никаких потрясений.

Агент-008. Подпись: неразборчиво.

КАК ПОДОБРАТЬ ЖЕНУ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Видел Бог, как долго я отказывался от предложения друзей написать что-то подобное инструкции по выбору жены в условиях неразвитого капитализма. Причина тому была веская: я женился при другом строе. Годы прошли, уже собран в чемодан памяти свой и чужой опыт, уже друзья вышли на пенсию, и это позволяет им ещё с большим рвением наседать на меня по поводу написания руководства по выбору жены. Мол, опыт деда – внуку клад. Пиши.

Сердцем чувствуя, какие неприятности ждут меня после написания инструкции, какие критики займутся промыванием моих взглядов и костей, я, простившись мысленно с роднёй и друзьями, приступил к изложению своих взглядов на тему «Выбор подходящей жены».

Введение

Холостяцкая жизнь молодого человека, сколько бы он ни крутился, желая её продлить, кончается. Выбор невесты становится его главной заботой и представляет, ввиду отсутствия опыта, некоторые трудности. Надо ли говорить, что правильный выбор даст ему возможность мирного сосуществования с совершенно незнакомым ранее человеком и, наоборот, ошибившись, он может приобрести в личное пользование вулкан Везувий, который будет беспричинно просыпаться и разрушать, посылая пеплом, искренние надежды на семейное счастье.

Часть первая

Предпосылки женитьбы. Её цели и задачи

Несмотря на некоторый прогресс по разведению всяких животных искусственным методом, определённый природой путь до сих пор является самым надёжным, выверенным многолетним применением и к тому же весьма приятным. А потому такое благопристойное явление, как женитьба, не только возвышает человека над всякими тварями, но и делает законным факт воспроизводства детей в подходящих условиях.

Как выбрать невесту и построить на её базе своё будущее, без разводов, истерик и деления имущества? Многие восторженно ахают, услышав про любовь с первого взгляда, и не подозревают, что при втором, более подробном, осмотре объекта скоропалительного чувства восхищение может уступить место, скажем так, оценкам более приземлённым. Но поздно. До предела разогнанная колесница любви не может остановиться или повернуть вспять, избежав при этом крушения. А потому впереди свадьба с тостами, родственниками и расходами. Чтобы она ознаменовала счастливую семейную жизнь, потрудитесь прочитать мои краткие наставления.

Пункт 1. Внимательно изучите свою будущую тещу и помните, что ваша невеста, исходя из генной теории наследственности, возьмёт от своей мамы не только благодетели, но, скажем так, и все её негативные черты характера. Недаром знакомство с родителями невесты всегда приветствовалось на Руси. Возьмите калькулятор и, прописав на листе бумаги достоинства и недостатки будущей тещи в разных столбцах, отнимите из большего меньшее, и Вы получите математическое обоснование выбора именно её дочери в качестве супруги. Понятно, что в пору влюблённости, к примеру, тучность будущей мамы, её привычка совать нос куда надо и не надо будут вами оправданы. Вы успокоите себя гегелевской теорией о переходе количества в качество и тем, что любовь поможет вам воспитать её дочь в духе благопристойности. Итак, теща вас не испугала.

Пункт 2. Подруги. Недаром говорят: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Присмотрись, как одето близкое окруже-

ние твоей возлюбленной, что у них покрашено, а что нет, словно невзначай смеряя строительной рулеткой длину их ногтей и послушай, о чём они болтают. В своё время именно неумеренная болтовня трёх девиц помогла царю Салтану сделать безошибочный выбор жены. Если юные подружки невесты будут хвастаться своими нарядами – это нормально. «Женщина, – как говорил Марчелло Мастроянни, – единственный подарок, который сам себя упаковывает». Пусть. Лишь бы недорого. Длина же ногтей должна насторожить по двум причинам. Первая: как она будет мыть посуду и полы? Во-вторых, зачем ей такие? Какие цели и задачи?

Но ещё хуже, если подружки будут, не закусывая, хлестать водку, запивая консервированным пивом, да ещё и курить, издавая аромат холодных окурков. Задумайся: женский алкоголизм неизлечим, а курение одна из главных причин рождения нездоровых детей.

Знаю, что после этих слов все феминистки страны вспыхнут праведным гневом и в знак протеста начнут рвать на себе одежды, доказывая права женщин на выпивку и курение. Не боюсь. Дело в том, что, читая книги о Великих географических открытиях, я обогатился опытом одного из матросов Магеллана, сброшенного на остров, заселённый вечно голодными амазонками.

Мужичок он был невзрачный, и амазонки, по минимуму оценив его способности стать отцом их детей, приговорили беднягу к съедению. Но не тут-то было. Матрос, оказывается, знал юриспруденцию и, выслушав бабью декларацию о намерениях, заорал: «Вы нарушаете права человека! Во всём мире даже осуждённому на съедение даётся право выразить своё последнее желание. И оно везде, даже на вашем проклятом острове, должно выполняться».

Амазонки, понятно, завизжали, но так велико стремление человека к правовому государству, что согласились. Матрос, метнув выше голов жаждущих его крови дам победный взгляд, крикнул:

– Вот моё желание: пусть убьёт меня самая некрасивая.

В толпе амазонок произошло замешательство. А в следующую минуту всё островное поголовье со всеобщим криком: «Только

не я!» унеслось вглубь острова. Говорят, тот матрос дожил до глубокой старости.

Я тоже не боюсь гнева феминисток, исходя из того, что и в современном обществе некрасивых женщин нет по определению.

Итак, продолжим.

Пункт 3. Отношение к домашним животным и к домашним вообще. Если ваша пассия шлёпнет своего младшего брата за свистнутое с праздничного стола яблоко, это ещё ничего. Умные люди говорят, что «детей, как ковры, нужно не только проветривать, но и выбивать». Но если она впадёт от этого в истерику: начнёт ругаться нецензурно, рвать свадебное платье и даст пинка ластиющейся к ней кошке, я вам не завижую. В данном случае есть только один выход: немедленно подбирать из числа гостей более спокойную девушку. И не раздумывая предложить ей руку и сердце. Может, не всё сложится в будущем, но зато скоропортящиеся продукты и блюда не пропадут зря. А сытые гости разойдутся, не требуя обратно свои подарки.

Пункт 4. Отношение к деньгам и имуществу. То, что кандидка в невесты не должна быть жадной, но бережливой – одно из важнейших качеств, которое позволит вам жить на одну зарплату, не воруя и не беря взятки. Сегодня это не модно, но есть шанс дожить жизнь без суда и следствия.

Пункт 5. Хозяйственные навыки и работоспособность. Чтобы определить возможности будущей супруги в этих архиважных направлениях, сделайте следующее. Скажите ей, словно невзначай, что вечером у вас будут гости. Во время обеденного перерыва принесите домой ведро картошки, живую рыбу и живую курицу. С исключительно возможной лаской в голосе скажите ей, что к девятнадцати ноль-ноль всё это должно превратиться в картофель фри, отварную рыбу в польском соусе и в запечённую курицу по типу как на День благодарения американцы готовят индейку с мёдом и пряностями.

Постарайтесь вечером не задерживаться на работе, и, если на кухне вы увидите ведро картошки, предварительно помытой и сваренной в мундире; отваренную, но нечищеную рыбу и курицу, измазанную мёдом и перцем, возмущённо квохчущую и перелетающую со стола на микроволновку, а также уставшую,

растрёпанную и всю в растительном масле, крови и саже жену, найдите в себе силы не возмущаться, а прижать её к себе и, глядя в испуганные, измученные отчаяньем глаза, сказать: «Я тебя люблю!» Даю слово, что в благодарность за ваше великодушие по истечении какого-то полугода ваша жена превратится в замечательную хозяйку, не потеряв при этом очарования и нежности. Признайтесь, что вы именно о такой и мечтали.

КАК НАЙТИ ПОДХОДЯЩЕГО МУЖА

Часть первая. Введение

Из истории взаимоотношений полов

Если верить историкам, то в эпоху неолита в человеческом первобытном обществе свирепствовал матриархат. Женщины в те достославные времена не имели практически никакой льготы от мужиков. И вынуждены были таскаться с ними по напичканной разными динозаврами, саблезубыми тиграми и пещерными медведями земле во все времена года. Это закалило их, сделало жестокими и способными одним ударом дубины раскроить череп любому, кто им надоедал или был пригоден в пищу. К тому же они унаследовали от главной праматери Евы способность скрывать свои искренние намерения и на всю катушку использовать свои телесные достопримечательности для укрощения не всегда послушных мужчин. Так установился матриархат.

Словосочетание «моральный кодекс» было тогда не в ходу. Это позволяло мохнатым красавицам, увидев подходящего, не искалеченного зверьём молодого человека, без излишних церемоний несильно приложить его дубинкой, взвалить на плечи и унести в потайной угол пещеры. Придя в себя, наш предок в полной темноте становился собственностью таинственной дамы и не пытался сбежать, поскольку кормление и поение получал от неё в достатке. Сейчас таких презируют и обзывают альфонсами.

Но грянула цивилизация: научились справляться с огнём, придумали колесо и орудия, позволяющие охотиться более удачно. Женщины поняли, что чем рисковать жизнью самим, мудрее поручить это мужчинам, не страдающим такими недостатками,

как беременность и кормление ребёнка грудью. Оставаясь на стойбище, они поддерживали костёр, собирали ягоды и корни, защищали детей. Лишённые физической нагрузки, они не заметили, как стали менее сильными, менее злыми, а в некоторых экземплярах появилась нежность и желание понравиться. Первое упоминание о косметике пришло из тех далёких и непростых времён. Мужики обнаглели и уже не падали в обморок от слабых ударов матриархаток, а потом и вовсе взяли власть в свои руки. Так образовался патриархат. Да чёрт бы с ним, но мужа хоть на час, хоть на две недели стало выбрать гораздо труднее. Мало того, сейчас уже мужики, пользуясь своим превосходством в силе, могли запросто, не обращая внимания на притворный визг, стащить из стойбища юную деву и объявить своей собственностью.

Казалось бы, чего ещё надо? Свистнули тебя, и успокойся. Вари борщ, корми вора, приучай его тапочки на место ставить и не рычать при обглаживании сустава какого ни на есть бегемота. Но беда в том, что некоторые особи женского пола с неуёмной фантазией раскрашивали себя всякой дрянью и достигали такой красоты, что нравились сразу нескольким дикарям. Начинались скандал, драки и черепно-мозговые травмы, несовместимые с жизнью. К тому же появились дамы лёгкого поведения, которые перебегали от одного захватчика к другому, более удачливому, едва узнав, что тот загнал в ущелье мамонта. Долго горевали вожди племён, видя, что из-за девок, считай из-за ничего, гибнут раздираемые ревностью лучшие охотники и воины. И тут я плавно перехожу к основной части своего повествования.

Основная часть

Именно в то время женского непостоянства нашёлся старый, потерявший интерес к дамам колдун, который в отместку за свою ущербность подбросил идею, что семьи должны образовываться по типу: одна жена, один муж. И хотя колдуну на всякий случай изрядно начистили особо важные части тела, стало спокойнее. Понятно, что на севере, где и одну жену прокормить было непросто, это было принято за норму. На юге же природные кормовые угодья позволяли создавать ячейку общества с большим поголовьем дам. Мужики на радостях вляпались, что называется, в

историю, которую впоследствии называли гаремное содержание. Ещё не понимая, сколько визгу, интриг, сплетен и ревности они приобретут с появлением каждой новой особи, некоторые шахи, визири и султаны тратили на содержание гаремов больше ценностей, чем на содержание армии. Но когда выяснялось, что потакать капризам разномастного женского сообщества не хватает сил ни моральных, ни физических, учредили институт евнухов. Профессии более оскорбительной и нервной не мог бы придумать никакой падший ангел, но владельцы гаремов не отличались человеколюбием.

Правда, евнухи, лишённые некоторых анатомических деталей, не потеряли возможности чувствовать вкус и легко покупались наложницами за шербет и шашлыки. За эти гастрономические изыски евнухи при одном повелении подкармливающих их красоток без каких-либо изнурений совести заходили в опочивальни хозяев гарема, где даже самые трусливые из них вынуждены были находиться без доспехов и оружия, и в нарушение всяких юридических норм расправлялись со своим хозяином. Недаром говорится: «Сколько рабов, столько и врагов».

На севере же такие криминальные случаи были весьма редки. Лишь иногда, измученные отвратительным исполнением царями мужских обязанностей, их жёны выходили к гвардейцам и обещали тем свою любовь и имения с сотнями крестьянских душ. Этого было достаточно для свержения ленивого царя и немедленной клятвы дворцовой челяди в верности свежей императрице.

Несмотря на ужасные страницы истории, жизнь продолжалась, и вопрос, как подобрать мужа и не обмишуриться при этом, всегда оставался актуальным.

Чтобы помочь красавицам всея Земли найти дурачка для использования на всю оставшуюся жизнь, создали НИИ, куда включили сексологов, психиатров, психологов, астрологов и просто шаромыжников, но количество разводов продолжало увеличиваться. А в эту же пору всё новые и новые отряды повзрослевших девушек пытались из разномастной и беспокойной толпы молодых людей выхватить того, кто должен в ближайшей перспективе их осчастливить. Парни вроде бы и не прочь это испол-

нить, но пугала перспектива заниматься этим пожизненно. Тем не менее, система выбора жениха была создана.

Вот некоторые её пункты.

Пункт первый. Тактико-технические данные жертвы

1. Будущий муж должен быть крепким, здоровым, без особых воображений, с минимальными потребностями к питанию и условиям содержания.

2. Отношение к некоторым удовольствиям определяется четырьмя *не*. Не пить, не курить, не драться и не видеть никого, кроме посланной Богом избранницы. Благоприятно влияют на семейную жизнь отсутствие большого ума и какого-либо таланта. Приветствуются отсутствие друзей и категорическое неприятие таких мужских увлечений, как охота и рыбалка.

3. О любви. Мужчина должен любить: ходить с женой в магазины, выносить мусор, копать гряды и готовить кулинарные изыски. Естественно, он обязан любить жену до той степени, которую ему навязали в загсе: пока смерть не разлучит нас. А ещё он должен любить детей, не спрашивая об их происхождении и социальном статусе отцов. При длительной командировке жены он обязан посадить себя на цепь, закреплённую на батарее отопления, и отдать ключ уезжающей любимой.

Друзья мои! Видел Бог, что на этом я не мечтал закончить данное руководство, но рок судьбы в лице соседки Аглаи Воркутинской, зашедшей ко мне за газовым ключом, всё испортил. Аглая, увидев мою статью, схватила её со стола и, забыв, за чем приходила, унеслась в свою квартиру.

Возмущённый, я хотел бежать вслед за ней, но вспомнил, что она пережила четырнадцать мужей и честно была им верна до их смерти, решил: пусть почитает и внесёт в мою инструкцию свои предложения, основанные на столь богатом опыте. Она пришла через сутки.

Подвергнув жесточайшей обструкции моё сочинение за слабость раскрытия темы, она подала мне свой труд, изложенный мелким почерком на шестидесяти пяти страницах в похозийственной книге. Читая, с горечью убеждался, в мизерности своих познаний в этой области. Это отбило у меня всякую охоту продолжать трактат на тему выбора подходящего мужа. Но и

сочинение Аглаи Воркутинской я тоже отказался публиковать по той простой причине, что оно нанесёт сокрушающий удар по добрачным и семейным традициям на нашей грешной, но любимой земле. Потому что мужчин с таким набором благостей и трудолюбия на всех фронтах семейной жизни просто нет.

БРАК

Говорят, за границей с браком полный порядок. Женись, разводишь, сколько твоей душеньке угодно, никому дела нет.

А у нас полная неразбериха. Одни говорят: «Хорошее браком не назовут».

Другие подпевают: «Женись, Петька. Одних ботинок сколько износил, по девкам бегая. На конфетах опять же расходы. Да и годы уж! Женись, а то чего-то давно праздников не было».

Кандидатка в невесты в запасе имелась. А тут тесть будущий, милая голова, подстегнул: проболтался, что к дочкиной свадьбе ещё при советской власти пять ящиков водки запас.

Ум – он всегда в единственном числе: есть или нет. А вотглупостей великое разнообразие. Женился два года назад.

Ну, правда, стирки, глажки, мытья посуды и полов удалось избежать. Зато все остальные прелести брака только по предварительной оплате. У мамы, наверно, расценки, взяла?

А как она, милая голова, если что-то не по ней, верещать умеет!

Тут уж святых выносить мало, сам не знаешь, куда деваться. Да ещё ревновать сочинилась. Если в город выходим, командует: «Руки за спину! Под ноги смотри! Куда пялишься?»

Стал кумекать, как без кровопролития от любимой супруги избавиться.

Раз она, милая голова, в больницу попала. В травматологию. Камень с мячик футбольный на тротуар из КамАЗа выкатился, а она не в настроении, как обычно, шла. Ну и пнула его, чтоб на пути не валялся. У чешского сапога голяшка лопнула, а у ноги лодыжка.

Я, уловив возможность момента, к её родителям примчался. На колени упал: «Возьмите, ради Христа, вашу доченьку обрат-

но. Говорили же, что она у вас золотая. Вот и возьмите, тем более что она за эти два года три пуда золота дополнительно нагуляла. Всю жизнь за вас Бога молить буду. А те ни в какую. – Мы, – мамаша говорит, – пять ящиков на свадьбу истратили, да на платье свадебное сколько ушло. А ты ишь чего захотел. Она ведь, голубка, невинной, как ангелочек, тебе была отдана, да ещё пять ящиков. Ну и где та невинность и где та водка? Несогласные мы.

– Да помолчите вы, мама! Насчёт невинности вашего ангелочка у меня есть другая информация. Что касательно водки, то на свадьбе с моей стороны было всего шестеро в меру выпивающих. А вся остальная орда из сорока ртов ваша.

После этих слов тёща вспыхнула аж зелёным пламенем, но тут папаша вмешался:

– погоди, старуха! Может, бизнес спроворим. Давай, сынок, десять ящиков отступных – и по рукам.

Тут уж я возмутился: – Это, за какие коврижки десять ящиков? Да тогда водка в три раза дешевле была. Два! И ни пробки больше!

Мамаша как заверещит: «Грабёж, родное дитя за два ящика? И к разговору не пристаю! Несогласная!» – и валенком ушитым как топнет: «Десять!» На стенке рядом с божницей портрет какого-то генерала висел. Так вот тот генерал со стенки, как беспризорник с пряничного возу, спрыгнул.

Тогда уж я совсем рассердился:

– Где это видано, мамаша, милая твоя голова, чтоб за бывшее в употреблении имущество давали больше, чем за новое! Давайте считать, говорю. В кровати, к примеру, она сразу холодеет до отрицательных температур. Лежит в потолок смотрит, чистое дело, преставилась. Да за эту льдину в кровати с вас ещё пени брату надо. Но, уважая вашу старость, готов оплатить по малушке в месяц.

– Как по малушке? – взревела тёща. Ну-ко, давай считать. Пять минут она перечисляла добродетели дочери. Шесть минут я вспоминал ужасные истории совместной жизни. И, заканчивая, как гвоздь вколотил:

– И за все эти ваши недоработки десять ящиков? Не смешите меня!

В общем, не стакнулись.

И пошёл я домой, собственной кожей чувствуя, как тяжело бывает пожизненно осуждённым.

Плохо бы, наверное, кончил, да Бог милостив. Догоняет меня дружок (действительную вместе служили). Сияет весь, как чистенный самовар. Обнялись. Я и спросил, чего это он довольный такой?

– Представляешь, – говорит, – полгода назад женился.

Я тут сразу от него отскочил на безопасное расстояние и говорю так ехидно: «Поздравляю!» А он ехидства моего не заметил и продолжает: «Знаешь, я никогда в женщинах не соображал и женился, можно сказать, на авось. И надо же такое счастье! Умница, спокойная. Друзья придут, сготовит что-то быстренько. Сама с нами посидит, рюмочку выпьет. А для мужиков это высший класс. Удивляюсь. Всегда порядок у неё. Никогда не кричит, не возмущается. Наверное, устаёт ведь тоже, а, как весна, ласковая и светлая. Мне от неё никуда отходить не хочется.

Тут я не выдержал и легонько толкнул дружка под локоть, дуваю, может, сон рассказывает. Он повернулся, улыбается:

– Что, не веришь? Зря. Да вон она идёт, рукой машет! Рада, что я встречаю.

И впрямь: нам навстречу шла, нет, не шла, а парила, едва касаясь земли, улыбающаяся женщина: разметавшиеся по плечам каштановые волосы её обнимали солнечные лучи, и встречные люди, тоже улыбаясь, уступали ей улицу.

«Неужели такие бывают? – подумал я, не веря своим глазам. – Черт её знает, может, и моя одумается». Ведь в первые пятнадцать суток брака мы как-то понимали друг друга. Попробую снова начать. Если цветы в больницу унести? Вы как считаете, поможет?

РАЗВОД

– Разводиться надо легко. Без истерик и битья посуды. – Серёга Колпачёв, сидевший на краю обрыва лесной речки, поучал только что излившему ему душу по поводу семейных неурядиц друга детства Сашу Рожкова.

– Вот я влюбился по молодости в одну и, потеряв временно сознание, решил жениться. Когда сознание после очередной насыщенной любовью встречи ненадолго возвращалось, давал себе клятву погодить с женитьбой. Руку себе на костерке жёг, чтобы об этой клятве напоминала. Но женился бы, как пить дать женился, а вот миловал Господь. Получилось всё как-то само собой. Во время испытательного месячного срока, когда вся деревня вздохнула с облегчением, моя возлюбленная увлеклась новеньким, с ниточки, студентом-агрономом, присланным к нам на практику. Так вот, купаюсь я как-то с друзьями в Сухоне-реке, а в мыслях только одно: не отвертеться от женитьбы. Расходы какие? Ну ладно, часть подарками возместят, но главное: придётся вместе жить. Целые сутки. С ума можно рехнуться.

Час-два куда ни шло, но двадцать четыре часа вместе? Люблю конечно. Но не до такой же степени. А думаешь, я чего купаюсь-то? Я жду. Скоро моя Катя из города приедет. За платьем подвенечным ездила. Вот-вот теплоход подойдёт. И она там. Меня чего-то в жар бросило, хотя по пояс в воде стою. Вижу, теплоход из-за поворота вырулил. Загадал: вот нырну сейчас и, если до швартовки теплохода под водой выдержу, не буду жениться. Шибко уж Катерина меня, как в сельсовете месячный испытательный срок назначили, в оборот взяла. Командует, спасу нет.

Нырнул. Я долго могу под водой находиться. Без трусов ещё бегал, а плавать умел. И вот вынырываю; теплоход у берега, а на палубе моя будущая благоверная с этим студентом целуется. Мне снова жарко стало. Кричу: «Катька, что ты за человек такой? Опуела, что ли? Или удар солнечный? Забыла, что я твоим женихом числюсь? По крайней мере, когда нырял, им был». Ни на минуту этих девок нельзя без присмотра оставить. Нырнул женихом, вынырнул свободным человеком. Ну, так-то тоже нельзя. Хоть бы разрешения спросила.

Она кричит: «Люблю, его. И зарплата у него стабильная. Ты уж извини». Честно говоря, я сразу и не понял: радоваться мне или Сухону с горя выпить. С одной стороны, то, что своим считал, отдавать жалко. С другой – Бог даст, не последняя.

Выхожу как положено – в мокрых трусах. Они с трапа сошли. Подхожу. Напряглись до покраснения. А на меня такое веселье

навалилось, но виду не подаю. Подумают, что с катушек от ревности съехал. Кое-как произнёс: «Совет вам и любовь», – и хотел уж уйти достойно к друзьям. Да этот студент взял меня так вот, под локоток, Серёга показал, как его взяли, и говорит: «Можно вас на минуточку?» Вот, думаю, как события разворачиваются: мало того, что Катьку увёл, так ещё и претензии предъявить ладится? Не так хранил, что ли?

– Пошли! – говорю. – Катя, гроб закажи в столярку этому самоубийце. Сегодня ты невеста и вдова в одной упаковке. Отошли.

Он говорит:

– Вы уж меня извините, что так получилось. Полюбил я Катю. Вот. Я бы вам заплатил даже за моральный ущерб, только нечем. Может, попозже.

Неловко мне стало. Такой человек порядочный, а я ему гроб заказывал. Вот страна, думаю: на святое дело (моральный ущерб возместить за чужое имущество или там ребёнку больному помочь) и рад бы, а нечем. Смотрю я на этого студента и чувствую, как становится он мне роднее. Бедностью, что ли? Говорю ему уже на полном серьёзе:

– Я за девок мзду не беру. За кого ты меня принимаешь? Владей. Любовь должна быть горячей. С годами при нашей погоде она охладевает почему-то. На свадьбу не приглашай. Не приду. А Катька хорошая. Ума лишнего нет, но и форсу дурацкого тоже. Пойду я.

Пожал я студенту руку и пошёл к друзьям. Радости не было, горя тоже. Друзья стакан с портвейном «Кавказ» заранее тянут. Выпил. Сел на камушек. Осмотрелся. Как всё-таки у нас хорошо. Не только красиво, а хорошо.

Сухона – река, а такая заботливая: собрала добровольную дань с ручейков и речек и несёт её к Белому морю. Солнышко поднимет часть живительной влаги к небу и вернёт её тем же ручейкам и речкам весёлым серебряным дождём. И не прекратится жизнь. И оттого хорошо. И оттого берёзы прибрежные, вечным своим ожиданием похожие на наших матерей, переговариваются тихонько и ждут, ждут. И начавшее колоситься ячменное поле, наверное, оттого волнуется, что тоже ждёт.

Катя со студентом поднялись на пригорок и отчаянно долго целуются. Так и задушить друг друга можно. Любовь у них, видите ли! А где любовь – там счастье. Дай Бог, чтобы оно, пришедши летом, выдержало и возможные у нас зимой морозы.

Сижу я вот так, Сашка. Мыслию. Мне бы, как ты, ругаться матом. Обиженным себя чувствовать. А я превозмог. И тебе советую. Ну не получилось у меня с Катькой, ну и чего? Суточный траур объявлять? Может, в этом спасение наше? Может, мы через это событие от многих оскорблений друг друга сбережём? И вспоминать будем только по-доброму. И ты трагедию не создавай. Конечно, если бы дети – другое дело. А пока вам грызть друг друга никакого резону нет. Разводиться надо легко. Хотя у меня бы второй раз, наверное, не получилось.

ТРАКТАТ В ЗАЩИТУ ЖЕНЩИН

Вскрыть после моего развода.

Автор

Смеяться над человеком, впервые опалённым огнём любви, легко.

Всегда найдётся безгрешный умник и скажет: «Что же вы, Иван Никифорович, в ваши-то годы да из-за какой-то бабёнки с ума сходите? Одумайтесь. Чего вы в ней нашли? По мне – так она рядовая российская женщина со средней производительностью труда, и надои у неё не самые высокие. Что вы к ней так прилипли?»

Можно, конечно, возмутиться:

– Это вы кого бабёнкой называете? Вы свою Марьиванну называйте хоть валяльщицей, мотальщицей, а эту женщину не троньте. Не позволю! – И кулаком по столу стукнуть, потому что в нормальном обществе принято женщину защищать даже в мирное время. Нет, по факту бывает, что наш брат-мужик подначивает по поводу длины женских волос относительно их умственных способностей. Но это совершенно не относится к тем, кого мы любим или, к примеру, жёнам.

Можно при определённом поведении оскорбить мужика. Но никогда не делайте это по отношению к его супруге, если не хотите иметь неприятностей на определённое место. Сам он может в пылу расстройства за конфискованную заначку шепнуть ей несколько неллицеприятных слов. Но это он. Остальные права на это не имеют. И правильно, поскольку Господь наделил женщин физической силой лишь для того, чтобы сумки с продуктами от магазина до дому доносить. Остальное, по Его разумению, должен мужик делать. И вдобавок предписывалось нашему брату проявлять по отношению к дамам такое благородство, которое бы позволяло им рожать детей без всякого там отвлечения на бытовые и политические проблемы.

Спросите среднестатистического интеллигента, какой бы он хотел видеть свою пассию. Чаше всего он нарисует вам образ этакой воздушной, почти эфемерной дамочки, несущей чай в постель. Или чтоб вечером ноги ему мыла. А сам он не в состоянии! Он так утомился, весь рабочий день бегая за динозаврами к ужину, что дома его хватает только на диван, газету и футбол по телику. А ещё, чтобы каждое утро у него была свежая рубашка и другое необходимое на выход бельё. И никто не удосужится посчитать, сколько за его жизнь ей этих рубашек, носков и прочих предметов перестирать и прогладить приходится. Кошмарный ужас! Но это только его, а есть ещё дети, цветы жизни, которых в последнее время принято одевать в полный комплект амуниции. А спросим: что он даёт взамен? После глубочайших раздумий отвечает:

– Это...

И стыдливо замолчит.

-- Не понял? Чего вы имеете в виду? Ах, фамилию? А со своей фамилией она бы прожить не смогла? Какая у неё девичья фамилия? Комиссарова? А ваша? Хреноватый? Н-да... Впечатляюще, да если ещё соответствует содержанию... Пролетела девка. Невыгодный обмен. У комиссаров тоже были недостатки, но до оценки вашей фамилии дело не доходило.

Средневековое обывательское отношение к женщине, как к комбинату бытового обслуживания, побуждает их в определении наших качеств использовать не только прилагательные «милый», «дорогой», «желанный», «любимый», но и существительные «ал-

каш», «кобель», «сво...» и даже, извините меня за непарламентское выражение, «паразит». Что, конечно, тоже перебор и не соответствует действительности. Но из песни слова не выбросишь.

Не выбросишь из нашей действительности и такой день, как Восьмое марта. Ещё до его прихода начинаешь анализировать причины, из-за которых жена или там сотрудница вступали на тропу священной войны за свои, тобой ущемлённые, права. Причин, как правило, не было, но, как говорится в Писании, «было слово». Сильное, надо понимать, коль имело такую ответную реакцию. Только дурачок не воспользуется женским праздником, чтобы при помощи цветов и конфет не заключить мир или хотя бы перемирие. Знаешь, почему женщины цветы любят? Да потому, что каждая из них тоже цветок. Просто от оригинальности оформления глаза разбегаются. Конфеты хоть на время подсластят горечь от твоих необдуманных поступков. Пусть едят, а ты для усиления эффекта ещё и стихи читай. Если с выражением прочитаешь, считай, тебе амнистия на полгода вперёд обеспечена.

Что? Не умеешь? Ничего! Жизнь научит сквозь слёзы смеяться. Учись!

Мы, воинство во все времена любимой нами Родины, даже двадцать третьего февраля не можем достаточно пить и есть в поисках ответа, какие фантазии посетят ваши головушки по поводу желаемого подарка. Естественно, мы прощаем вам все существительные в наш адрес, сказанные за отчётный год. И что интересно, мы, мужчины, тысячелетия жили вместе с вами, но этого оказалось мало для того, чтобы вас разлюбить. Пусть так будет всегда.

МЕДВЕЖОНОК

Купил белого, с чёрными пуговками глаз, курносого медвежонка. Сейчас уж и не помню, кто первый нажал невидимую кнопочку под шёрсткой игрушки. И зазвучали проникновенные слова, произнесённые чистым детским голоском: «Ты слышишь, как бьётся моё сердечко? Тук-тук. Тук-тук. Это значит, я тебя люблю! Я тебя люблю!»

Боже мой! Такие простые и такие нужные слова. Кого они могут оставить равнодушными? Боюсь, что это люди очень усталые, обиженные на судьбу или меряющие собственное счастье деньгами и приближённостью к власти. Но почему и те, в чьих сердцах изначально заложена нежная энергия любви и восхищения жизнью, так неохотно дарят их окружающим? Почему мы так горазды на агрессию и так трудно говорим хорошие слова? Не из-за нас ли в мире, наполненном чудесами и яркими красками, всё ещё много серости, цинизма, зависти? А наши сиротливые души отчаянно мечутся в поисках понимания и участия – среди запахнутых наглухо суровых и немых душ. И вместо радости общения – боль и страх непонимания. Разве мы, рождённые при муках и счастье материнской любви, их заслужили?

Медвежонку хорошо. Кудесник заложил в его маленькое игрушечное тельце восхитительные слова. И нужно только нажать кнопку, и он будет их повторять до тех пор, пока пытливый ум счастливого сорванца не подвигнет его посмотреть, кто там внутри говорит и как выглядит любовь. Ах, как разочаруется и заплачет малыш, увидев внутри только железки и коробочку! Я попробую успокоить его.

Не надо плакать, малыш! Хотя в той жизни, к которой стремишься ты, взрослые дяди и тёти тоже плачут, когда вместо любви натываются на дешёвую подделку. Я очень желаю тебе другого: пусть удастся обрести в жизни радость и умение ею делиться. Пусть ты среди глупости и грязи отыщешь и почувствуешь горячий импульс любви, улыбнёшься и шагнёшь ей навстречу с восхищённым и добрым сердцем. Не бойся ошибки. Смотри: вон за тем поворотом или прямо по твоей знакомой улице уже идёт навстречу человек, который, поддаваясь внутреннему зову, скажет при встрече такие нужные, проникновенные слова: «Ты слышишь, как бьётся моё сердечко? Тук-тук. Тук-тук! Это значит, я тебя люблю! Я тебя люблю!»

И вздрогнет весеннее небо. Сбросит с себя серую завесу надоевших облаков, распахнётся, и на его лазурной бесконечности ваши ангелы, вооружившись золотыми солнечными лучиками, напишут эти слова от горизонта до горизонта. Для тебя! Для всех нас! Во имя любви и жизни!

СОДЕРЖАНИЕ

Уважаемые читатели	3
Волоковое поле	5

ОЧЕРКИ

Дети спят	10
Воинство Господне	11
Сердце учителя	15
Суд	18

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ. Рассказы

Пожар 1699 года	22
Яблочный Спас. Преображение	25
Орловская роща	28
Женская верность	45
Очищение	55
Муха	70
Не горюй!	75
Двенадцать георгинов	80
Не тронь их	83
История одной лошади	89
Шторм	97
Простая история	105
Елизавета	112
Молитва	119
«Аллюр три креста!..»	132
Взвод	133

СВЕТ ОХОТНИЧЬИХ КОСТРОВ

Отпусти меня, ночь	142
Руководство по охоте на крупного зверя	146
Души охотничьей порывы	165
Охотничьи зори.....	175

ЛАБИРИНТЫ ЗЕМНЫХ ДОРОГ

Полочка	190
Расчёт по любви.....	192
Концерт без скрипки на тему «О времена, о нравы!» ...	198
Сон автомеханика.....	203
Лишь бы не проходила любовь	207
Корпоратив.....	210
Без любви	214
Приглашение на свадьбу.....	216
Летаргия	219
Беда (О странностях любви)	222
Обида	224
Шпионские будни. Доклад агента-008 с заседания депутатской группы	228
Как подобрать жену на всю жизнь	230
Как найти подходящего мужа	234
Брак.....	238
Развод.....	240
Трактат в защиту женщин	243
Медвежонок	245

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Алешинцев Николай Созонтович

ВОЛОКОВОЕ ПОЛЕ

Литературный редактор
Компьютерная вёрстка, иллюстрации *М. М. Антоновой*
Корректоры: *С. В. Калинина, Ю. С. Кузнецова*

Подписано в печать 18.05.2018.
Формат 60х84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,53.
Тираж 500 экз. Заказ № 7024.

Отпечатано в ОАО «Северодвинская типография»,
164521, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Южная, 5.
Тел. (8184) 55-01-71, e-mail: office@severprint.ru
www.severprint.ru